

* бестселлер 2012

Эльчин
Сафарли

Если бы ты знал...

иногда мне кажется, что я тебя придумала

Annotation

Перед тем как уйти, я спросила: «Скажи, а ты любишь меня?» Ты долго не отвечал, а потом уронил упрямо: «Мне с тобой хорошо. Этого недостаточно?» В тот момент я ещё раз убедилась в том, что способна по-бабски приукрасить абсолютно всё – свою жизнь, чувства любимого мужчины, окружающий мир. Женщины – прирождённые художники-декораторы. С кистью в руках и мольбертом в придачу. А мужчины для нас порою чистые холсты – рисуем, раскрашиваем, где-то подтираем, что-то замазываем. Только вот, как правило, в итоге выясняется, что рисуем мы не с натуры, а на поводу у фантазий, желаний – гляди, сплошное несоответствие с действительностью.

«Если бы ты знал...» – это история одного женского отчаяния, о котором можно поведать только белоснежным листам дневника. Это история о чувствах, сомнениях, ожиданиях и таких страхах, которые чаще всего помогают начать жизнь заново.

- [Эльчин Сафарли](#)
 - [Часть I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

○ [Часть II](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

○ [Часть III](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Она](#)
 - [Он](#)
 - [Город](#)
 - [Я](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Эльчин Сафарли

Если бы ты знал...

*Спасибо маме,
Панде, Ей и моим
бабушкам Соне и
Анне*

Когда есть
такая болезнь, как
онкология, —
многолетняя,
многомесячная, и
все родственники
больного об этом
знают, — жизнь
человека сразу
меняется.
Появляется
возможность
повиниться,
попросить,
доцеловать. В
такой болезни есть
свое достоинство —
время. А в
мгновенной смерти
времени нет, а
значит, и нет
возможности что-
то исправить.

*Вера
Миллионщикова,
главный врач*

*Первого
московского
хостиса*

Кто-нибудь
когда-нибудь
прочтет и станет
весь как первое
утро в незнакомой
стране.

Владимир Набоков

Часть I

Кларисса
искренна – вот.
Питер сочтет ее
сентиментальной.
Она
сентиментальна –
действительно.
Потому что она
поняла:
единственное, о
чем надо
говорить, – наши
чувства. Все эти
умничания – вздор.
Просто что
чувствуешь, то и
надо говорить.

*Вирджиния Вулф,
«Миссис Дэллоуэй»*

Не дари мне на
память пустыни –
все и так пустотою
разъято!

*Федерико Гарсиа
Лорка*

1

У меня ничего нет, кроме себя самой. Все, что было, осталось там. Теперь не разделяю время на прошлое, настоящее, будущее. Только сегодня – в нем одном начало, продолжение и, скорее всего, конец моей жизни. Календарь с одной страницей. Так лучше. Трезво оцениваешь то, что имеешь на данный момент. Не оглядываешься назад и не заглядываешь вперед. Никакого самообмана. Иллюзия – это далеко не надежда, а надежда не всегда реальность. Это не пессимизм. Принимаю жизнь как она есть. В немецком языке есть слово «hassliebe». Если по словарю, то оно переводится как «чувство, колеблющееся между любовью и ненавистью». Вот такое чувство я испытываю к каждому своему «сегодня».

* * *

По вечерам я хожу за печеньем. Миндальным. Любимым с детства. В круглосуточный магазин в соседнем квартале. Там вечно мокрый кафельный пол и продавщица с печально-влажными глазами. Однажды я не выдержала, спросила: «У вас все хорошо?» Она ответила с беспросветным разочарованием в голосе: «Такого не бывает, девушка». В тот миг я поняла абсурдность своего вопроса и правдивость ее ответа. «Все» никогда не бывает: если повезет, то достанется хотя бы четвертинка.

Миндальное печенье в этом магазине идет нарасхват. Домашнее, хрустящее, со сладкой горчинкой. Каждый день в полдевятого утра его приносит сюда пожилая иммигрантка из Европы. Складывает в кондитерском отделе семь бумажных мешочков с ароматным содержимым, получает деньги за вчерашние проданные и уходит. На прошлой неделе я встретила ее в дверях магазина. Как я ее узнала? По запаху жареного миндаля. У нее не было левой руки. А еще она улыбалась.

* * *

Я прилетела сюда, когда *там* для меня все закончилось. Один чемодан вещей, одна вечная непогода за спиной, одна я. Здесь тоже часто дожди, по ночам в основном, зато по утрам – солнце. Даже в январе. В этом городе нет углов. Повезло. Острота углов врезается в меня остротой воспоминаний – больно. Хотя, казалось бы, почему должно быть больно, если прошло? Овальные дома, оральные улицы, оральные светофоры. И оральная набережная. Отдушина. Только с морем не молчу. Со всеми остальными, на работе к примеру, говорю по надобности. Перед сном сижу на подоконнике, смотрю на пустую улицу. Пью чай с печеньем, думаю о странном. Например, о том, что люблю случайных людей. С ними у меня всегда много совпадений. А еще о том, что забыла о страхе потерять. Может быть, из-за того, что уже все потеряла?

Я умираю. Верно, конечно, то, что мы все умираем, но я знаю примерно, сколько мне осталось. Недолго. Совсем не страшно. Когда времени в обрез, глупо тратить его на сожаления, страхи, страдания. Неправда, что в таком положении оставшееся количество дней пытаешься насытить тем, чего было мало или вовсе не было *до этого*. Абсолютно нет. Хочется обычной жизни, некой середины между повседневностью и жизнью в целом. Дышать ленивым вечерним бризом, пить кофе на открытых верандах, смотреть в глаза жизни и не задаваться вопросом «А вдруг это неправда?». Вполне себе обычные желания, ничем не примечательные, не драматичные.

Для меня моя болезнь – не приговор, как принято о ней думать. Я не подсудимая, я не приговоренная, чтобы меня отправляли на эшафот и, насильно пригнув голову, набрасывали на шею петлю. Услышав диагноз, я не заплакала. Посмотрела на врача с аккуратно зачесанной назад сединой и сухо спросила: «Почему так рано?» Дура. Ты черт знает какая по счету пациентка с подобным диагнозом, поэтому сил на философию, поддержку у него уже не остается. Конвейер завершающихся человеческих жизней. Он развел руками, заговорил о возможностях современной медицины. Я отказалась: «Не смешите, доктор! Какая там у вас нанотерапия?! Не такие вы умные, чтобы обманывать судьбу!»

Вышла из клиники в раннюю весну. Мне вдруг захотелось набрать в пакет этой окрыляющей погоды, надеть его на голову и потуже завязать под подбородком. Надышаться до одури, до полного ощущения свободы. Я улыбнулась и в этот миг нашла ответ на вопрос, заданный врачу. Мое время жизни подошло к концу. Быть может, оно продолжится в другом месте, в другом обличье. Отпустить – не значит сдаться. Чаще всего это единственное верное решение, победа над обстоятельствами.

Я сняла квартиру в ста пятидесяти двух шагах от набережной. Две крошечные комнаты и два больших французских окна. Они исцарапаны с внешней стороны лезвием морозных ветров. Хозяйка признается, что квартира пустует практически весь год, только летом сюда вселяются туристы. «В квартале наш дом называют “Сердце ветра”. Он, сорвавшись с набережной, буквально врывается сюда. Именно в окна моей квартиры, подлец. Стучится, царапает их, ревнует, если кто-то здесь живет, кроме меня. Я не выдержала, в прошлом году переехала отсюда. Не пугаю – заранее предупреждаю, чтобы потом вы не убегали, требуя деньги назад». Протягиваю хозяйке обговоренную сумму и снимаю с окна плакат «Сдается. 818-34-567-0, Сулеме».

В глазах Сулеме нет точки опоры, в них ветер Буэнос-Айреса, где она родилась, любила, похоронила двух дочерей и откуда бежала в Овальный город, чтобы похоронить себя *прежнюю*. Мы с ней в какой-то мере отражение друг друга, но я об этом молчу. Для нее хочу остаться рядовой туристкой, любительницей загорелых мужчин с порослью на груди, ищущей приключений на свою белую задницу. А как иначе? Не скажу же я ей: «Сулеме, я приехала сюда умирать». Никогда не забуду первую ночь в «Сердце ветра». Так хорошо мне давно не спалось. Посреди ночи проснулась выпить воды. Вышла на балкон. Там между ветками дерева с кривым массивным стволом висела луна. Она напоминала елочную игрушку, светящийся шар. И я вспомнила имбирные печенья бабушки на Новый год. Детство – это единственное, по чему я скучаю. Вру. И еще по нему.

* * *

После работы спешу на эстакаду. Она уходит глубоко в море, нужно около получаса, чтобы дойти до ее конца. Туда мало кто доходит – незачем и опасно. Даже в безветренную погоду там волны – обязательно смочат волосы, зальются в туфли. Такого красноречивого моря я еще не встречала. Оно сине-зеленое, пенистое, угрюмое. Рыбаки не любят его за мутное нутро, разорванные сети. В нем много рыбы, но оно не хочет от себя что-либо отрывать. «Мне от тебя ничего не нужно, слышишь?! Я просто посижу рядом». Старая сырая скамейка эстакады, ветер закрывает мне лицо моими же волосами.

Мысленно окунаюсь в дни, которые не до конца осознала, чтобы отпустить. В Овальном городе мне предстоит вернуться туда, откуда пришла. Отпуская прошлое, не раз совершаю бесконечный круг, в котором стрелки, доходя до конца, начинают путь сначала. Но каждый раз этот путь другой – легчает, освобождаюсь, и дорога уже не кажется такой утомительной, как в прошлый раз. Вот оно – то самое исцеление перед долгожданной остановкой.

Ноги промокли. Но я не боюсь холода.

Я постриглась почти наголо. Купила машинку, скосила свои рыжие волосы – полегчало. Волосы тоже воспоминания. В детстве бабушка Анна, расчесывая их, говорила, что они – оранжевый океан. «Ты вся в прабабку. У нее тоже были такие же густые, сильные локоны. И цвет не яркий, а темный, насыщенный». В последнее время мои волосы поблекли, потеряли силу. Жалкая пародия на былую гордость. Теперь их нет. Теперь многое иначе. Но мне бы кое-что из того времени: хочу, чтобы все было просто и ясно, как тогда, чтобы было понятно, что и для чего. Сейчас приближаюсь к чему-то иному – совсем не похожему на привычные пути. Хотя, может, это заурядное стечение обстоятельств без каких-либо потайных смыслов. Обычная прогулка по нечетной стороне улицы.

В *том* времени я любила всего лишь одну улицу – Белесой Офелии (так ее назвала про себя), ставшую для меня теплой, как махровый халат. На ее поворотах поняла, как сильно люблю его. Я тогда молодая была, романтичная, покупала для фантазийных летящих платьев шифон и мечтала увидеть, как за две недели до календарной весны распускаются крокусы в Лондоне. И вот на той самой улице Офелии мы с ним, тогда вроде бы друзья, были на каком-то мероприятии. Он пил, улыбался мне сонно, а я, трезвая и влюбленная, смотрела на него, такого вольного и открытого, желая сказать: «Отпусти себя. Не бойся, я поймаю». Потом мы вышли в ночь цветущего мая, переступили через клубок смятых вчерашних газет, я остановила такси и уже сажала его, нетрезвого, в машину, как вдруг он схватил меня за руку: «Поехали со мной. Пожалуйста». И я поехала. В машине он положил голову мне на колени, заснул. А я не выдержала и поцеловала его в висок. В тот самый миг, когда водитель свернул на Воскресную площадь.

Собираю волосы, которые он любил, в пакет из-под яблочных чипсов, заворачиваю и бросаю в мусорное ведро.

У подъезда Овального дома нет дверей. Вместо них цветная клеенчатая занавесь, так похожая на шторку в ванной. В ветреную погоду она превращается в развязанные паруса, которые надуваются и шумно бросаются из стороны в сторону. Их волнение слышно даже на верхнем этаже – соседи привыкли к барабанам ветра. Хорошо засыпаю в шумную погоду. Не люблю ночную тишину за окном, разве что летом, на даче, когда темное молчание размечено цикадами и дальними вздохами бриза.

Я боюсь вслушиваться в тихую ночь. В ней то и дело слышится его голос, по которому скучаю, не признавая этого в дневное время суток. Хорошо, сейчас холода – окна закрыты. Да уж, жить настоящим днем – все равно что жить на войне. Вечная борьба с атакующим прошлым. Лучше не слышать ночи. В комнате с закрытыми окнами звуков предостаточно – бежит вода по трубам, соседи ворочаются в кроватях, подъездные занавеси раскачиваются с треском, и Пако поскуливает во сне. Приблудный пес, белый, с крупными лапами. Его хозяйка, врач-хирург «золотые руки», умерла два года назад после сложной операции. Сердце не выдержало переживаний. А дочь ее выгнала собаку на улицу, продала трехкомнатную квартиру и уехала с бойфрендом на Сицилию. Теперь Пако кормит весь двор. А я пою ему песню, когда встречаю в подъезде, где он ночует: *«Эй, парень, не грусти, дождь не смоем солнце – у него силенок не хватит. А мы с тобой под Новый год сотрем все старые счета и убежим в края, где речь не та, и счастья с горкой, и в мае созревают персики...»* Малоизвестная негритянская песенка. Пако нравится – вон как виляет пушистым хвостом.

Я провожаю себя прежнюю. Пыхтят поезда, суетятся люди. Откуда-то из недр вокзала женский голос со славянским акцентом читает расписание. Представляю себе его обладательницу в тесной кабинке с коричневыми стенами. Красивые полные ноги, на круглом лице разлита горечь неоправданных надежд и помада, конечно, красная. Небрежно растекшаяся в уголках губ. Отключая микрофон, она напевает себе под нос «у меня проездной...», неуклюже имитируя дребезжащий голос Гребенщикова. А еще у нее за спиной микроволновка, где подогреваются шоколадные печенья. Лишний вес для нее – способ согреться в холодную погоду. Смелая правда женского одиночества.

Я стою на линии уходящих составов и понимаю, что в теперешнем настоящем мне не хочется никуда уезжать, убегать. Нахожусь в том самом месте, откуда можно начинать отсчет – сперва назад, чтобы еще раз понять, как важно идти вперед. Поэтому часто я мысленно возвращаюсь туда, откуда все начиналось. И после каждого путешествия в обратную сторону я ценю ту трезвость мыслей, которую обрела сейчас. Может, это и плохо. Но зато ноль самообмана.

Помню, как раньше я грустила, когда вдруг какая-то цель моей жизни становилась бессмысленной. Будь то мужчина, карьера, город. На этот случай у меня был даже некий абстрактный музей бессмысленных идей, куда я обращалась, чтобы определить грядущие планы. Такое спасение. Противостояние юной души непогоде времени.

Стать бы чистым листом, принять все пережитое и оставить позади. Смотрю на отъезжающие составы – и заполняю их вагоны мечтами, ощущениями, желаниями и попытками их достижения той рыжей девушки из Города непогод. Я часто прибегала к бабушке со слезами на глазах. Ну, в такие дни, когда «он меня не любит, я никого не люблю, все надоело, все виноваты». Бабушка откладывала в сторону сухие листья, которые собирала для лечебного чая, садилась рядом и запускала пахнущие листопадом пальцы в мои волосы. «Солнце, а разве ты не знаешь, что все делается к лучшему? Просто очень медленно. Надо идти дальше и не тащить с собой чемоданы,

набитые прошлым. Рук не хватит, и выдохнешься на полпути». И я ей верила.

Сейчас бабушки нет. Остались только воспоминания. Верить воспоминаниям, конечно же, можно – это ведь твое, прожитое, пережитое. Но частые обращения к воспоминаниям сбивают с новой дороги. Так можно забыть о настоящей весне, навсегда оставшись в, пусть и самой счастливой, осени прошлого.

* * *

Я посудомойка. С десяти утра до шести вечера коротаю время перед раковиной, в оранжевых резиновых перчатках, в окружении фарфора и снежно-перламутровой пены. Полюбила эту работу, да и выбирать не приходилось – гражданке другой страны с туристической визой на приличную должность не устроиться. Безработица в Овальном городе процветает. Зато здесь много магазинов обуви и нижнего белья. Обилие мотоциклов и транспорт дешевый. А в автобусах можно запросто не платить, никто не проверяет. И повсюду мандариновые деревья, город пахнет ими, особенно в разгар осени, когда цитрусы созревают. Правда, их быстро срывают – приезжие обдирают деревья и увозят желтые плоды в свои края.

Я прихожу на работу рано, когда утреннее солнце сквозь шторы слепит глаза, когда стрелка часов еще не заползла за цифру девять, на улицы выходят продавцы свежей зелени. Добродушная официантка Крис выжимает для меня мандариновый сок и говорит, что если в него подмешать облепиховый сироп, то он станет цвета моих волос. Как жаль, что я их срезала. Крис хочется поговорить. Она видит, как ранним утром я пишу дневник, пока нет руководства и посетители не хлынули. «Тем, кто счастлив, некогда писать дневники, они слишком заняты жизнью... Кстати, дорогая, бандана тебе идет». Я благодарю за фреш кивком, не вступая в беседу Про себя, конечно же, отвечаю. «Все находится во власти секунды, доли крохотной частички времени, о чем я раньше часто забывала. Теперь хочу все запомнить, чтобы отпустить на последней странице. Все скопом».

Я сижу за столиком перед большим окном, моросит дождь, едва проглядывает унылое солнце. В Овальном городе начинается новый

день. Вон темнокожая попрошайка Меме уже на посту – подходит к людям на автобусной остановке, осыпает их комплиментами и как бы невзначай просит на булочку. Она говорит столько добрых слов, что подаешь ей непроизвольно. Вон старичок Джавидан привозит на велосипеде свежие тюльпаны в лавку под домом напротив – голубые, розовые, желтые. Проходящая мимо девушка с надписью «I am loved» на рюкзаке останавливается, внюхивается в цветы и, чему-то улыбнувшись, продолжает путь.

Я погружаюсь в этот город все глубже.

Начо приглашает на булочки с сушеным инжиром. Я вежливо отказываюсь: хочется побыть одной вечером, посидеть на лестницах подъезда рядом с Пако, уплетающим принесенные мною куски шашлыка. Каждый вечер в ресторане я собираю для него остатки еды с тарелок. У Пако почти не осталось зубов, только клыки, поэтому кормлю его мягким. Он игривый, бодрый, гордый, но все равно в глазах вселенская усталость.

Перед тем как Пако пригрелся в нашем подъезде, он долго скитался по улицам Овального города в поисках хозяйки. Говорят, его не раз избивала ребяшня из соседних районов, потому что Пако не подчинялся и рычал, когда пацанье пытались его приручить. Начо садится на ступеньку ниже, гладит морду пса. «Я прошлой зимой подобрала его у мусорной ямы, выше Мексиканского квартала. Истекал кровью, бедняга. Какая-то сволочь разрежала ему правую сторону морды – от пасти до уха. Видишь шрам? Хорошо, я увидела, отвезла к ветеринару. С тех пор, где бы он ни встретил меня, несется, руки облизывает. Благодарит. Все помнит».

Начо из Сербии. Она носит цветастые платки, ярко подводит серо-зеленые глаза и растит троих детей в однушке с фиолетовыми стенами. Все трое от разных мужчин. Последних она теперь терпеть не может. «Меня в день Святого Валентина поздравляют дети, дарят сердечки со словами “самому любимому человеку”. Вот где настоящее счастье, а не между ног у какого-то козла».

В молодости Начо работала клоуном в передвижном цирке «Шен-Рубин». Им руководил однорукий Игнасио Фрага, первый укротитель львов в Аргентине, потерявший руку в драке из-за женщины. «Мне было семнадцать. Ему сорок два. Я любила его тайно, была рядом с ним, убирала клетки в “Шен-Рубине”, готовила еду, стирала. Однажды ночью пришла к нему и сказала: “Я хочу, чтобы вы стали моим первым мужчиной. Я люблю вас”. На “я люблю...” разревелась. Игнасио налил мне стопку коньяка, обнял по-отцовски и проводил обратно в комнату. Потом я ушла из цирка. Из-за него. И из-за животных, лишенных свободы. Люди на арене цирка – олицетворение силы и отваги, но

замученные звери – гимн человеческой жестокости и страсти к наживе».

Начо спрашивает: «А почему ты остригла свои солнечные волосы?» – «Избавляюсь от лишнего. Напоследок». – «Напоследок?» Я закуриваю. Дым на мгновение замирает в воздухе, а потом его прогоняет ветерок, снова вернувшийся в Овальный город. «Север, что случилось?» Я криво улыбаюсь: «Умру скоро». Начо встает, хватая меня за руку, быстрым шагом тащит к себе: «Давай-ка лучше по булочке с чаем. Поверь мне, полегчает... Смерти боишься?» – «Я не смерти боюсь. Я боюсь растолстеть от твоей стряпни». Любопытный Пако бежит за нами.

* * *

Температура 39,6. Знобит, в горле пересохло. Белая простыня подо мной превратилась в тонкий кусок льда. Расползающаяся по ниткам полудрема. Смотрю на дверь комнаты – из серо-стеклянной она перетекает в деревянно-коричневую. Тихо приоткрывается, и в проеме появляется бабуля с горячим чаем, в котором развела смородиновый припас. Сейчас она разотрет меня прохладным уксусом, я крепко засну и проснусь утром снова сильной.

Бабушка садится на край моей кровати, ее волосы – цвета низкого пламени в камине, они напоминают стебельки одуванчика – такие же нежные, чуть скользкие. «Солнце, ты просто забудь на пару минут о том, что ты вечно не там, где нужно. Расскажи мне». Мы никогда не спрашиваем у бабушек, о чем им рассказать. Нам всегда есть что рассказать, просто мы не всегда рассказываем. Ну как же, – я выросла, я сильная, сама справлюсь! Но так, как выслушает бабушка, не выслушает никто, даже мама. Что бы она потом ни сказала, как бы ни бранилась. Как бы ни отмалчивалась.

«Бабуль, я должна была уехать. Пока не осознаю, что именно поменялось. Но есть ощущение, что я вот-вот закрою дверь и скоро окажусь у порога новой, открытой». Я рассказываю долго, хрипло, торопясь. О том, что в Овальном городе вкусные персики, что нахожу здесь невероятно желанную тишину, что почти научилась не помнить о бывшем, но в глубине души жалею, что не стала мамой.

Она слушает молча, тревожно. Жар покидает меня вместе с высказанным. Дышится легче. Вдруг бабушка прерывает меня, будто у нее заканчивается время и ей пора. «Север, самое страшное в жизни – не успеть. Ты знаешь... Я рядышком». Это были те самые слова, которыми я хотела ответить Начо, когда она спросила, боюсь ли я смерти.

С трудом вышла на работу. Врач предупреждал, что состояние будет ухудшаться с каждым днем. Сначала симптомы вируса, потом боли в животе начнут усиливаться. «Вы не сможете их вытерпеть. Поймите, необходима госпитализация. Нужно поддерживать организм. Вы все делаете себе во вред». Доктор еще долго что-то объяснял про упадок иммунной системы и риск потери зрения – я не вслушивалась.

Я не прятала голову в песок. Не строила из себя сильную женщину, утверждая, что болезнь – это прежде всего состояние души, а потом физическое выражение. Я осознавала реальность: мне поздно ошиваться по больницам, все закончится совсем скоро, а продлевать агонию за счет лекарств я не хочу. Всем, что дается, вроде как нужно распорядиться и управлять. А чем дальше, тем меньше желания этим заниматься. Вместо этого хотелось дышать свободой, не думать о последствиях. А только о том, что со мной, вокруг меня.

Пока меня мучает температура и общая слабость. Стараюсь привыкнуть к этим недомоганиям, теплее одеваюсь, пью витамины и хожу на работу через день. Администратор ресторана установил такой график: день я, день афганка Сакина. Она третий год живет в Овальном городе. Собрала деньги и недавно оформила фиктивный брак. Ждет со дня на день получения гражданства.

Сакина говорит, что Аллах направил ее сюда, в край, где собрались сотни народов и наций, чтобы она научилась верить в себя. Каждая трудность – шаг на этом пути. «Отец меня оберегал. Я росла в достатке, не выходила за пределы нашего дома, училась на дому, общалась только с четырьмя сестрами да родственницами. Думала, что в жизни все очень легко, как в восточной сказке. Что меня ждало? Замужество, дети, старость. А я всегда хотела общаться больше, узнавать новое. Папа запрещал. Однажды я сбежала из дома. Оказалась здесь. Работаю, храню честь, хожу на курсы французского. Аллах направляет меня. Надеюсь, я на правильном пути. Что ты об этом думаешь, сестра?»

Мне не хочется ее огорчать своими мыслями. Она слишком красива и чиста для *моего* мира. «Я вот думаю... хотя ничего я не думаю. У всех свои рецепты, Сакина. Тебе не одиноко в чужом

городе?» – «А я не одна. Аллах со мной». А кто со мной? Призраки прошлого?..

* * *

Я любила мужчину, которому смотрела в глаза и про себя говорила: «Боже, как ты мне нужен!» Хотя на тот момент он был рядом и вроде никуда уходить не собирался. Ушел чуть позже. Спустил три с половиной года. И я осталась наедине со своей любовью – куда было ее девать? Психолог посоветовала направить эту любовь на себя. Я не сразу поняла. Даже переспросила, мучаясь желанием вульгарно пошутить. «Радуй себя ради себя же. Полюби себя. Займись спортом, покупай с каждой зарплаты по платью и так наконец откроешь себя для новых чувств». Честно скажу, я пыталась это делать на протяжении полугода. Аж целый шкаф новых шмоток набрался. Но в итоге все равно пришла к тому, что по-прежнему люблю его и ничего с собой поделать не могу.

Эта любовь должна сама пройти, хм, нет – скорее остыть, перерасти во что-то другое. С другим направлением, но точно не к себе. Да, мы, бабы, так по-дурацки устроены. А кто не так... ну, наверное, им повезло! Мне не повезло.

За что я его любила? Он умел заботиться. Он не помнил наших дат, избегал встреч с моей семьей, не делал красивых признаний. Но он был рядом, крепко держал за руку. Покупал мне витамины, варил куриный бульон, когда простужалась. Обнимал, когда приходила грустной с работы, ни за что не упрекал. Несмотря на всю хваленую независимость, каждой женщине становится так тепло, когда мужчина берет ее под свое покровительство. Нет, это не когда хочется свернуться калачиком у него под боком. Скорее это вдохновляющее ощущение, когда внутри тебя просыпается женщина. Щекочет. А мы ведь привыкли полагаться на себя, вне зависимости от состояния личной жизни.

Он приучил меня к мужской заботе, а я приняла ее за гарантию будущего. Сейчас думаю: было ли то тепло, к которому я так привыкла, искренним, настоящим, направленным конкретно на меня?

А может, я была слепа? Хотя какая разница. Не держу на него зла. И просто до сих пор люблю.

Я приехала сюда не для того, чтобы прятаться от воспоминаний, проливать слезы только над репчатым луком и ждать, когда болезнь уничтожит меня. Я приехала сюда прежде всего жить. Почему уехала? Чтобы больше не встречать никого, связанного с призраками прошлого, и не наткаться на предметы из прошлой жизни. Я не хочу подсказок, напоминаний. Буду сама перелистывать страницы, в произвольной последовательности, чтобы понять, с чем пришла в день сегодняшний. И это не пафосный треп из жизнеутверждающих книжек вроде «Обрети себя за 24 часа».

Вообще-то перед смертью принято задумываться о вечном, о красоте утраченного и прелестях настоящего. Во мне нет такого предсмертного пробуждения любви к миру. Мне хочется только мира с собой. А для этого не обязательно иметь смертельную болезнь. Моя стала лишь толчком к этому; для кого-то таким же толчком может стать ничтожная причина. К примеру, угрожающе отклоняющаяся стрелка напольных весов.

Слишком долго я даже не была знакома с собой, слишком долго бежала впопыхах на поводу у стремления ухватить больше положенного. Слишком долго лила слезы над тем, что так и осталось нетронутым, несдвинутым, неприобретенным. Пора было остановиться у этого потока, присесть на берегу, неторопливыми движениями расчесать гребнем волосы. Продолжить путь маленькими шагами, не забывая радоваться: жить, дышать, смотреть, слушать. Все без спешки.

Сейчас мне, как никогда раньше, хочется быть рядом с людьми. Именно поэтому я устроилась на работу, хотя с деньгами, вырученными от продажи родительской квартиры, я могу жить в Овальном городе в роскоши несколько лет. Здесь я сняла жилье в самом шумном, переполненном доме, где из окон несется джаз и пахнет свежим лимонадом.

Как мне было тяжело с грузом исписанных тетрадей, а в Овальном городе я с легкостью дышу, теряюсь меж разноцветных домов в росписи заката, бреду домой вдоль дороги в желтом свете фонарей и чуть ежусь от ветра с моря. Внутри меня сейчас одна

негасимая лампочка. Раньше она то затухала, то зажигалась снова. Давала свет урывками. А сейчас не меркнет ни на минуту. Мой внутренний маяк.

* * *

Я обедаю жареными персиками. Они растут круглый год в Желтой деревне, расположенной в ста пятидесяти километрах от Овального города. Поэтому здесь персики продаются на каждом шагу и просто неприлично дешевы. По будням уже в шесть утра мальчишки из Желтой деревни приезжают с полными ведрами и, слоняясь по улицам, выкрикивают: «Медовые персики сорваны, медовые персики сорваны!» Я, не покидая своей уютной квартирki, спускаю с балкона веревку, к которой привязана корзинка с деньгами за килограмм, и маленький продавец складывает в нее отборные «медовики». Они действительно такие сладкие, что даже в горле першит.

Недавно повариха Сома из нашего ресторана объяснила мне, что жители Овального города не едят зимние персики в свежем виде. Они их жарят. «Девочка моя, ты с ума сошла? Диабет заработаешь! Персики из Желтой деревни можно есть свежими только в летние месяцы. Зимой их обжаривают и подают с соусом. При жарке сахар из персиков вытекает».

Сома родом из Желтой деревни, где солнца вдоволь все двенадцать месяцев. Там теплую гущу крепкого кофе наносят на волосы, отчего совсем нет седых людей. А еще там недолюбливают белокожих, хоть «желтые» и говорят, что внешнее не выражает внутренней сути. Я спрашиваю у Сомы: «Значит, и ты недолюбливаешь меня?» Она, нарезаю цукини кружочками, отвечает: «Совсем нет, я же еще в детстве оттуда уехала! Но я все равно не люблю слишком часто употреблять слово “люблю”. К нему нельзя привыкать».

Дома сильно нагреваю сковороду, обжариваю персики на оливковом масле. Предварительно нарезаю их на половинки, аккуратно вынимаю косточку и втираю в мякоть молотый красный перец. Взбиваю густые сливки, поливаю ими жареные «медовики» и сверху посыпаю козьим сыром. «Ты только подавай их теплыми и сыра

на желей. К персикам мы обычно предлагаем несладкие булочки с изюмом. Получается еще вкуснее».

Сома обещает поделиться со мной еще парочкой рецептов, если я приглашу ее на «наши» пирожки с капустой: «Я их однажды давно попробовала, у нас татарка работала... Вкуснятина! Но у меня так не получается». Мы договариваемся о встрече в конце следующей недели, и я усиленно пытаюсь вспомнить, как же бабушка готовила пирожки.

Давно не плачу. Я не давала себе установок «ты должна быть сильной», не боролась с печальными мыслями, не бодрила себя искусственно. За время пребывания в Овальном городе я заметила, что освободилась от страха опустить руки. Пусть они находятся в том положении, в каком удобнее в тот или иной момент. Наверное, в этом и есть настоящая сила, которую обретаешь через позволение себе слабости.

Невозможно проснуться утром сильным человеком – я хотела бы так, но невозможно. Зато можно перестать биться головой об одну и ту же стену и сменить направление движения. Если нет дороги на запад, тогда лучше ехать на восток. Земля в любом случае круглая – рано или поздно каждый придет к тому, к чему должен прийти. Правда, пока я не знаю, где моя конечная остановка.

Но зато знаю, чего хочу, – может, это и есть самая главная цель, итог, точка в конце сложноподчиненного предложения? Освободиться. От упущенного, неразделенного, невысказанного и, казалось бы, непреодолимого. Это мое лекарство от самой что ни на есть настоящей болезни, которую не способен вылечить ни один врач. Никто, кроме меня самой.

Конечно, эксперименты над собой стоят очень дорого, никто ведь не знает, каким будет результат, но лично мне терять нечего...

Я всегда была веселой. Это я к тому, что еще каких-то десять лет назад на меня не давил груз подобных мыслей. Однако я не была легкомысленной и не избегала грусти с помощью болтовни в компаниях и прослушивания зажигательных песен. Я задумывалась о том, что происходит вокруг меня, но не заикливалась на этом. Храбро плыла по течению, не пытаясь менять курс. Решала по ходу мелкие ежедневные задачи, а все более масштабные постепенно разруливались сами собой.

Я будто наполовину рассыпалась, когда потеряла бабушку с дедушкой, а следом и маму. Потом полюбила и рассталась, а еще позже – полюбила и ушла. Рассыпалась еще на четверть. Так и живу оставшейся четвертинкой – изрядно утратив легкости бытия.

Сейчас, когда смотрю на свою фотографию из прошлого – улыбающаяся рыжая девушка в обнимку с дедушкиной таксой, – не могу вспомнить, каково мне было тогда. Будто это долгое время существовал какой-то параллельный мир, гармонично вплетенный в реальный. И вот однажды утром я открыла глаза, встала с кровати, пошла умываться и, посмотрев на себя в зеркало, поняла, что другого, параллельного, мира больше нет. И даже, может быть, никогда и не было.

Наверное, это хорошо, и так и должно было случиться, чтобы, встретившись лицом к лицу с тяжелым диагнозом, принять его достойно, без крайностей, без попыток – всегда тщетных – найти утешение в чужом сочувствии.

* * *

Утром в Овальном городе звучат патефоны. Звуки старых песен раскатываются по узким улочкам колесами пластинок, чуть исцарапанных иглами времени. Пожилая дама из дома напротив начинает свой день балладами Ламинсы – смуглой певицы с золотистыми бусами на гусиной шее, поющей о «радостной тоске». Когда Начо рассказала мне о Ламинсе, я подумала: как можно радоваться тоске? С ней либо смиряются, либо сражаются. Но радоваться? Нет, такое мне еще не знакомо!

А потом я ее услышала и согласилась, что тоска может радовать. У нее есть песня «Saria Porando»^[1]. Моя и словно для меня написана. Начо тоже больше всех ее любит. В ней поется о судьбе ткачихи Сарии, которая с трудом вырастила дочь, желая ей другой судьбы, отличной от своей. Чтобы ее не бросали мужчины, чтобы она не видела войны и убитых слонов.

Но дочь Сарии повторяет судьбу матери. Теряет мужа во время волнений в Чили, остается одна с ребенком и идет работать к матери, потому что в стране война, голод и кондитеры никому не нужны – в городе давно нет праздников. И пожилая Сария плачет, вымаливая для своей дочери силы, которые той понадобятся в жизни, так похожей на материнскую.

«Иногда просто не верится, что все, пережитое тобой так остро, может повториться еще в чьей-то жизни... Об этом Ламинса поет в “Saria Plorando”, ты уловила, Север? Мы же всегда уверены в исключительности своих чувств и опыта. Нам кажется, что только нам так не везет, только нам такое дается и только у нас это продолжается так долго. А в жизни все поровну. Если ты обретаешь любовь – значит, кто-то где-то ее потерял. А когда ты ее теряешь, то, значит, опять-таки для кого-то. Поэтому я не верю в любовь долгую, предположим, на шестой год совместной жизни. Это уже давно не любовь. Она преобразовывается во что-то другое. Уважение, близость, сопереживание».

Начо заваривает для меня кофе, и я думаю о том, что моя последняя любовь не успела во что-либо преобразоваться. Она осталась во мне. Раз и навсегда. Пожизненно.

Когда врач поставил мне диагноз, я не знала, как себя вести. Как выйти из больницы, доехать на метро до работы, зайти в офис и улыбаться как всегда, как обычно, когда мы с девочками собирались в послеобеденное время в курилке.

Я стояла в полупустом больничном коридоре, прислонившись к холодной стене, и пыталась вернуться в реальность. В жизнь, которую отнимает у меня болезнь. Я не плакала, не звонила двоюродной сестре, не думала о лечении. В тот момент я почему-то ушла в воспоминания о детстве.

Когда мне было пять лет, мама отправила меня к бабушке. Она жила на нижней Волге, под Астраханью. Спокойная деревенька, по которой круглый год носится лихой ветер, а воздух такой сладкий, что его хочется собрать про запас, в банки и ведра. Чтобы хватило надолго, до следующего приезда.

А еще там по осени перерабатывали помидоры. Протирали их через сито в томатную пасту. Она славилась в Союзе. Так вот, после обработки помидоров красные шкурки высыхали и, сворачиваясь в тонкие трубочки, разлетались по тамошним улицам. Сколько бы их ни убирали, все равно ветер, играя, перекачивал их по земле, и дороги около бабушкиного дома были красно-оранжевые, шелестящие.

В тот самый миг мне так захотелось вырваться из мрачной больницы и вернуться на нижнюю Волгу, к бабушке! К каждому моему приезду она пекла вафли с медом.

Я вышла из здания больницы, села в автобус и поехала домой. Пропала шесть дней, а на седьмое утро проснулась и снова пошла к врачу. Он посоветовал пообщаться с людьми, которым медицина бессильна помочь: «Надо говорить об этом, а не замыкаться в себе».

Я взяла координаты нескольких его пациенток, но встретила только с одной из них. Валентина. Сорок два года, рак мочевого пузыря. Я приехала к ней домой, где-то в районе Каширки. Она лежала бледная, но улыбалась. Вокруг нее – две дочери и сын, самый младший в семье. Восемь лет. Увидев меня, он спросил: «А мама умирает?» Я присела на корточки, обняла его: «Мамы всегда с нами.

Вот здесь, в сердце». Мальчик прижался ко мне крепче, прошептал на ухо: «Я тебе верю». Это был мой четвертый год без мамы.

Валентина не пила воду ей только смачивали губы. Химия лишила ее волос. Она не спросила моего имени, не поинтересовалась моей жизнью. Называла меня «девочка» и сжимала мою руку, когда говорила: «Знаешь, чего мне хочется, девочка? Отправиться к берегу океана, забыть о лекарствах, врачах, процедурах. Гулять по набережной, думать, что я еще могу и должна сделать в жизни. И воздух пусть там будет влажный, чтобы не мучила эта жажда. Если у тебя есть такая возможность – плюнь на все, уезжай, девочка».

Два месяца я продавала квартиру, месяц получала визу, еще полторы недели не решалась купить билет. В один конец.

* * *

Купила поводок для Пако. Надела на его мохнатую шею, и пес заскулил, завил хвостом. Наверное, тоже вспомнил детство, хозяйку, дом, где любили не из жалости, как брошенного, а по-настоящему, как члена семьи. Накормила его сухим кормом. Сначала он ел из вежливости, без особого аппетита, а потом, видно, вспомнил давно забытый вкус и энергично умял второй стакан.

Сегодня поговорю с соседями, если они не против, заберу Пако к себе. Мы привязались друг к другу, мы нужны друг другу – два случайных одиночества.

Сегодня выходной. На работу не нужно. На улице совсем не холодно, словно повернули рубильник, включающий весну. Утреннее солнце играет в темных волосах прохожих, лакируя их. Я несусь в руке стаканчик горячего американо с сиропом, порывисто шагаю в сторону набережной. Пако радостно прыгает рядом, улыбается до ушей. Неужели бывает любовь с первого взгляда по отношению к городу? Такая глубокая любовь, а не туристическая очарованность? Как это происходит у меня? Когда иду по незнакомым улицам и полностью присутствую в них, не улетаю мыслью куда-то еще. Наоборот, ощущаю покой и гармонию с окружающей средой – хочется много гулять по утрам, все отчетливо видеть, вникать и оставлять на воображаемой карте кварталов, закоулков пометки «мое место». Я

давно так делаю. У меня с Овальным городом сложилось сразу – может, из-за того, что я здесь ненадолго?..

Он не ревновал меня к городам, полюбившимся в прошлом. Не просил предъявить документы, не пугал трудностями. Сразу принялся демонстрировать свою красоту, правда, не раскрываясь до конца, интригуя, намекая, что все самое красивое – впереди.

Я полюбила Овальный город еще и за то, что здесь каждый может найти что-то свое. Не обязательно свое дело, но уж точно – своих людей.

«Я не особо общительная в последнее время. Но по молодости любила рассказать о наболевшем. Молчать не могла, хотя понимала, что молчание никогда не обернется против меня. Внутри кипело, да и слушателей вокруг было немало. Они вроде сопереживали, держали за руку, что-то советовали. Я при них же ругала себя за назойливость, а они меня крепко обнимали: мол, Начо, не носи чушь, мы тебе рады!

С годами только стала понимать, что мало кто кому-то до конца рад. Это не говорит о том, что люди подлые, а время плохое. Просто у каждого своя жизнь, в большинстве своем люди эгоисты, никто не хочет делить печаль ближнего – своей хватает! Теперь я редко кому открываюсь, а если и открываюсь, то сама себя останавливаю. Даже и так легче. Буквально пару слов скажу, слезу пущу вином запью, закурю – и проходит. Когда ничего ни от кого не ждешь, помощь приходит как чудо, а если рассчитывать на других – сплошное разочарование».

Посуда в квартире Начо, как и стены, фиолетового цвета. Даже турка с кофейными чашками. «На мое совершеннолетие Игнасио, мой циркач, подарил мне бирюзовые гиацинты. Можешь себе представить? Не знаю, где он их откопал, но такой красоты я никогда не встречала. И томик Лорки к цветам. Когда я сбежала из цирка и ехала на поезде в Овальный город, я всю дорогу читала стихи – и плакала, плакала, плакала. Навзрыд. Спустя двое суток добралась сюда. Умылась, вышла из вагона, оставив маленькую книжку у окна. Шла по городу, а в голове вертелись строки: “Не дари мне на память пустыни – все и так пустотою разъято”. С тех пор больше не плачу».

У моей соседки глаза большие и тревожные, как у оленя, длинные черные брови и высокая шея, на которой завязан бордовый шарфик. Под ним прячет послеоперационный шрам – удаляли зуб. Она отрезает мне кусок виноградного пирога и громко, хрипло кричит на непонятном языке в комнату. «Оболтусы, им завтра в школу, а они все еще перед телевизором! Вот сейчас встану да выброшу его с балкона! И волосы всем повыдергаю!»

Я не привыкла к подобным мерам воздействия, удивляюсь, но молчу. Южные женщины другие, резкие на слово, беспощадные в

отношениях с мужчинами, могут поколотить детей, но при этом остаются щедрыми в любви и всегда готовы расправиться с тем, кто угрожает их семье.

«Я, когда полоснула Грека по животу, чуть за решетку не угодила. Повезло, что судья женщиной оказалась, – прониклась, оправдала. Я увидела, как этот сукин сын щиплет за задницу мою старшую. Сначала я устроила головомойку ей – за то, что не рассказала мне об этих приставаниях. Потом заперла детей дома и пошла выяснять отношения с этим ублюдком. С ножом. И убила бы, но потом вспомнила, что в ответе за своих сопляков, пожалела их. Красивый он был, как бог, но гнилой внутри оказался».

Начо курит крепкие сигареты без фильтра, красит длинные ногти вишневым лаком и носит маленький складной нож на роскошной груди: «У нас здесь мужики с избытком тестостерона. На белокожую, да еще и приезжую, полезут, как медведи на мед. Будь осторожна. Если что, зови меня, я им быстро рога пообломаю».

Она не расспрашивает о моей болезни, о причинах приезда сюда. Всегда зовет к себе, угощает чем-нибудь вкусеньким, а сегодня подарила томик стихов. Лорки. Новое издание, на русском языке. Откуда взяла – один Бог знает. Книжку Начо подписала размашисто фиолетовыми чернилами: «Сестра! Черная полоса иногда становится взлетной. Я рыжих терпеть не могу, а ты стала первым и последним исключением. Прорвемся! Твоя старая клоунесса с картонным мечом. Начо».

Я стояла в тесной прихожей под угрюмой люстрой, вертела в руках книгу Лорки и редела. Начо вытирала мои слезы рукавом своей безразмерной блузки, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. «Хорош реветь, Север! И давай быстрее проваливай, а то я в штаны надую». Я сажусь на лестницу в подъезде, и Пако просыпается, подбегает ко мне. «Привет, малыш! Завтра после работы сходим с тобой к ветеринару, а оттуда прямиком ко мне, домой. Теперь ты не будешь спать на холодных лестницах. Усыновляю тебя».

Закуриваю сигарету, выхожу на ночную улицу. Тишина. Еле слышно дыхание набережной. Все же есть люди бесконечные, как космос. Много с кем можно улыбаться, смеяться от души, говорить всякое-всякое. А вот большая редкость, когда с кем-нибудь рядом

можешь себя забыть. С Начо и еще с несколькими женщинами
Овального города это получается даже у меня.

Мама называла меня Севером. Хотя в документах у меня другое имя. Обычное. Четыре буквы, из них две одинаковые. Бабушка возмущалась: «Ну что это за имя, доченька?! Как можно называть Севером рыжую веснушчатую девочку, да еще такую ласковую?» Мама ухмылялась, не отвечала и уходила на кухню, где курила любимый «Беломорканал», выдыхая дым в форточку.

Она почему-то запомнилась мне именно такой. Прямая спина, темный костюм, белая рубашка с пышным воротником, сухая английская худоба, волосы заправлены за уши. На фоне нашего кухонного окна с приоткрытой форточкой.

Мы жили в двухкомнатной «сталинке» с протекающими кранами, почти в центре Москвы. Мама была человеком трудным, конфликтным, вся из углов, локтей, подозрений. Обеденный стол в гостиной всегда был завален ее бумагами, папками, журналами. Она была суетлива и вдумчива, вся в работе. Завкафедрой МГУ. Это не шутки. Не было у нас ни шумных посиделок с друзьями, ни воскресных пирогов – было не до домашнего уюта.

Меня вырастили бабушка с дедушкой. Маму я тоже любила – именно «тоже». Мы не были близки, похожи. «А ты – вся в бабушку! – роняла она будто с упреком. – Веселишься, смеешься, живешь одним днем. Совсем не думаешь об образовании, карьере. Анна Павловна уже научила тебя месить тесто?»

Бабушка никогда не отвечала маме, лишь обиженно супилась, шепча под нос молитву. Если наталкивалась на мой недоуменный взгляд, то принималась оправдывать резкость единственной дочери: «У нее работа тяжелая. Все одна да одна. Сама выучилась, вырвалась из Архангельска, переехала в Москву, квартиру получила. Она сильная. И работа тяжелая. Да, тяжелая... работа».

Я, маленькая пампушка с веснушками по всему лицу, не понимала, что значит «вырваться из Архангельска», что такое тяжелая работа и почему она влияет на отношения в семье. Мне было обидно за бабушку. О себе я как-то не думала. Я просто привыкла к такой маме, особенной, с тяжелой работой, хотя и жалела, что она у меня не такая, как мама Тани Кудрявцевой с третьей парты, которая на

большой перемене подкармливала дочку картошечкой в масле, вареными яйцами и сочно хрустящими огурцами. До сих пор помню их запах.

В девять лет я написала маме записку и положила ей под подушку. В записке спросила о том, о чем не решалась спросить вслух. Боялась даже не реакции мамы, а чего-то другого – странного и необъяснимого. Боялась самого ответа? Боялась открыть форточку в своем мире, куда ворвется ледяной ветер и все самое теплое, полученное от бабули с дедулей, покроется инеем?

В записке я написала: «Мамочка, почему ты называешь меня Севером?» Ответа не было. Зато на следующий день я услышала, как мама ругалась с бабушкой по телефону: «Стоит ей побыть у тебя неделю, как она становится... инфантильной! Да, мама, именно! Из-за тебя моя дочь отделилась от меня. Вчера она написала мне записку и спросила, почему я называю ее Севером. Я узнаю ваши ходы, Анна Павловна! Молчишь, молишься, а своего все равно не упускаешь».

Тогда я не получила ответа на вопрос. Только за два дня до смерти мамы я снова спросила ее об этом. «Ты всегда была вдалеке от меня. Между нами всегда было холодно».

Я ведь любила ее. Какие бы сложности ни пролегли между нами, я чувствовала, что и она меня любит. По-своему – молчаливая, с угрюмым взглядом, стоящая у кухонного окна родная женщина. И я никогда не была недолюбленной – благодаря бабушке, буквально затопившей меня океаном тепла, внимания. Она постоянно напоминала мне: «Мама у тебя умница. Целый день работает, ее уважают, на конференции приглашают. Она старается для тебя. Потому что любит тебя и хочет, чтобы ты хорошо училась. Каждую ночь, когда ты спишь, звонит, спрашивает о тебе, о твоих оценках. Я ей говорю, что Север нас не подводит, она тоже умница».

Бабушка прижимала меня к себе, целовала в затылок, а я дышала ее нежным дрожжевым запахом и рассматривала крестик на белоснежной груди с россыпью красных родинок. А когда наше объятие размыкалось, я видела ее мокрые сиреневые глаза, из которых вытекали прозрачные крупные слезы: «Бабуль, ты плачешь?!»

«Не обращай внимания, солнышко! Я всегда плачу, когда молюсь. За Катю».

Я почти научилась не думать о тебе. Порою все-таки тянет позвонить, сказать об этой моей победе. Чтобы ты не обольщался относительно своей исключительности. Чтобы не думал, что я уехала в другую страну, потому что боялась жить там, где легко встретить тебя. Я бы сказала тебе это, нажала «отбой» – и разом выдохнула бы из себя то странное время, когда ты заслонял собой весь мир.

Между прочим, за годы с тобой я так ни разу и не услышала «Я люблю тебя». А ведь ты говорил, что я тебе дорога, что ты беспокоишься, когда я не рядом с тобой. Ты вообще неразговорчивый, больше молчал. Я связывала эту сдержанность с тем, что ты не такой, как все.

Совсем-совсем другой – мужественный, далекий от проявлений сентиментальности: «Любит, конечно, но не говорит об этом». Ты же был заботливым, учтивым. И я уговаривала себя: «Север, угомонись, зачем тебе слова, если есть поступки?»

Перед тем как уйти, я спросила: «Скажи, а ты любишь меня?» Ты долго не отвечал, а потом уронил упрямо: «Мне с тобой хорошо. Этого недостаточно?» В тот момент я еще раз убедилась, что способна по-бабски приукрасить абсолютно все – свою жизнь, чувства любимого мужчины, окружающий мир. Женщины – прирожденные художники-декораторы. С кистью в руках и мольбертом в придачу. А мужчины для нас порою чистые холсты – рисуем, раскрашиваем, где-то подтираем, что-то замазываем. Только вот, как правило, в итоге выясняется, что рисуем мы не с натуры, а идя на поводу у фантазий, желаний: и вот оно – сплошное несоответствие с действительностью. У меня так и получилось. Хотя я ни о чем не жалею. Было много хорошего.

Помню, как мы развлекались в вечерней давке метро, определяя по поведению человека, на какой станции он сойдет. Я ошибалась – ты угадывал. А еще помню калейдоскоп приключений в Италии, куда мы сбежали тайно, никого не предупредив. Даже на работе не сказали об отъезде: знали же – все равно не отпустят. Да и нам было плевать. Выгрели последние деньги, купили билеты, оформили визы и уехали, не задумываясь, что будет после нашего возвращения и на какие деньги проживем остаток года.

Гуляли по Риму, пили лимончелло, объедались таким количеством пасты, что на четвертый день с трудом застегивали пуговицы на джинсах. Мы сидели на камнях с тысячелетней историей, вели один дневник на двоих, где ты писал черными чернилами, а я красными, и безуспешно старались заниматься любовью беззвучно – стены в квартире, которую мы сняли, были будто из папиросной бумаги.

Я ушла с высоко поднятой головой, легкой походкой. Автоматическим движением нажала на кнопку лифта, зашла в кабину. Двери закрылись, и я разревелась. Не хотела, чтобы ты видел мое поражение. На тот момент я, дура, считала это своим поражением: меня вдруг стало так мало, что еще чуть-чуть – и совсем растворилась бы в собственном горе.

Неделю просидела дома. Курила на подоконнике, плакала над фотографиями, закладывала белье в стиральную машину. Перестирала весь гардероб. Вытаскивала из барабана мокрые вещи – и мне казалось, что это частички обновленной меня, свободные от пыли воспоминаний. Все же я оплакивала потерю не любимого человека – скорее надежд и планов, которым предавалась в твоих объятиях, к которым страстно привязалась. А это было всего лишь хорошее время, многому меня научившее.

Мне осталось собрать все, что к нему относится, и выпустить из себя на волю. Что меня держит в прошлом? Да ничего. Наверное, привычка. Или груз отношений. Жаль потраченных сил – так не хочется оставлять на пляже замок из песка, который ты целый день строил под палящими лучами. Но, как бы ни тянуло назад, какой бы неизменной в сомнениях и нерешительной в поступках ты ни была, все равно наступает день, когда делаешь то, что давно было пора сделать.

Когда скучаешь по человеку, первый импульс – заменить его другими людьми. Нескончаемой вереницей романов. На худой конец – книгами, шоколадом, виски. Но это не замена, как мы думаем, а ничтожный самообман. Рано или поздно поймешь, что заменить былое не в силах, да и не нужно этого делать. Лучше снять с себя старую одежду, какой бы любимой она ни была, и облачиться в новую. Пусть это будет желтая рубашка – как раз вчера зашла в магазин, купила себе такую. Желтую, как солнечный день.

Меня спрашивают о прошлой жизни, а я мало говорю. Жители Овального города неуловимо похожи друг на друга – светло-шоколадным цветом кожи, красивым разрезом глаз, широкими бровями и извлечением гортанных звуков. Они не любопытны по природе, но стоит появиться человеку с внешностью чужака, обязательно спросят о корнях.

Здесь важно, где ты начинался. Как они говорят – «выбрал будущее». Я удивляюсь и отвечаю, что будущее не выбирала, тем более такое. Череда обстоятельств – не было никаких планов и стремлений. «Мы сами определяем направление ветра. Нет ничего важнее, чем принять ответственность за еще не совершенные шаги». В Овальном городе всегда получаешь многослойные ответы. Сначала эта манера кажется излишне цветистой, потом задумываешься, со временем улавливаешь в сказанном важный подтекст. Здесь с детства учат гордиться воспоминаниями. «Город гордых воспоминаний» – я вычитала эту фразу в путеводителе еще до приезда сюда.

Однажды во время перекура я спросила Сома: «А как гордиться нажитым, если оно болезненно?» – «Север, сначала твоя жизнь должна стать до конца твоей. Знаешь, когда это произойдет? В день, когда ты смиришься с тем, что жить без боли невозможно. Каждый из нас живет с болью, другое дело – как ты к ней относишься. Как к боли бессмысленной и изнуряющей – или как к боли, приближающей тебя к исцелению. Страх начинается в изоляции, но закончиться он должен непременно обретением силы».

Она поливает тонкие кружочки моркови, вымоченные в соке незрелого винограда, маслом грецкого ореха и посыпает красным перцем. Эту закуску называют «Слезы младенца», она подается к жирным мучным блюдам. «Сома, у вас что, все женщины такие мудрые? Или только те, кого я встречала?» Она остается серьезной. Взглянув на меня искоса, говорит, понизив голос, как будто делится секретом: «Мой тебе совет – ничего не планируй. Достаточно плыть по течению и улыбаться».

На часах шесть вечера. Я снимаю рабочую форму из тонкого полиэтилена, расписываюсь в журнале сотрудников, захожу в туалет.

Открываю кран, вода напористо гудит. Смотрю в зеркало, дежурно оценивая, как выгляжу, и вдруг замечаю бегущие слезы. Меня накрывает обжигающая волна сожаления.

У нас ведь все могло быть иначе. Если бы ты не отпустил мою руку, если бы мне хватило храбрости выносить нашего ребенка. Ненавижу эти «если бы» – они бессмысленны, пусты. Но у любой женщины есть мысли, начинающиеся с «если бы», как бы много она ни преодолела, как бы много ни отвоевала. Эти мысли опасны, они бегут по кругу в самые горькие моменты и никогда не находят своей точки.

Я приехала сюда, чтобы избавиться от страхов. Не бояться вспоминать. Надеюсь, у меня хватит времени справиться со всей этой психотерапией. Только после этого моя жизнь станет до конца моей.

Сегодня я помню даже больше, чем вчера. Как мы любили весенними вечерами заглядывать во двор аккуратного домика на Пречистенке. Там когда-то давно были конюшни, а со временем появились жилые дома и всякие мастерские. И – особенная атмосфера.

Когда я вспоминаю о Городе непогод, где родилась и выросла, то мысленно отправляюсь в этот магический дворик на Пречистенке. Там позапрошлой осенью ты обнимал меня, заплаканную и обиженную на всех стоматологов мира. Мне тогда вырвали зуб мудрости. Он оказался настолько мудрым, что не хотел вылезать. Рвали мучительные полчаса, боль даже анестезия не смягчила.

Еще я помню те вызовы, которые мы бросали февральскому холоду, когда часами шли домой пешком. Мы торопили весну, усердно утапывали хрустящий снег, и ты, смеясь, рассказывал, как на двадцатилетие исполнил свое самое большое детское желание – попробовал еду космонавтов: «Друзья где-то отыскали и подарили мне шоколадное мороженое в тубике. Я попробовал. Странные ощущения, скажу тебе. Оно сухое и теплое, но во рту вкус настоящего мороженого! Еще и чаем можно запить!»

Я поражаюсь и себе, и силе Овального города, дающего возможность заново научиться совершать простейшие действия. В цветных огнях его бессонных кварталов вижу картинки другого времени. Вспоминаю больше обычного. Нечаянные прикосновения, путевые пейзажи, стертые подошвы босоножек, долгожданные объятия после разлук, разлитый на белой скатерти апельсиновый сок,

малину у дачного забора, щелчки твоего фотоаппарата, мою улыбку на черно-белых снимках, сухой от солнца асфальт и даже дурацкие споры. Я все помню. Вот только зачем?..

Мне ничего не нужно было от тебя, кроме любви. Такой обычной, человеческой. Ни трогательных записок в букетах цветов, ни красивых слов с того конца провода, ни плюшевых «зайнька» и «солнышко» десятки раз в день. Я всего лишь хотела быть рядом с тобой.

Целовать твои предплечья, когда ты никак не проснешься под звон будильника, гладить тебя по небритой щеке – пора просыпаться, ведь через неделю наступит весна. Жарить твою любимую картошку с ветчиной, периодически оглядывая улицу из окна: ты вот-вот должен прийти с работы и я встречу тебя с уже открытой дверью и скажу: «Ужин готов». Растить нашего сына и искать в крошечном личике твои черты: пристальный взгляд и почти незаметную ямочку на подбородке – я бы рассказывала ему старую сказку о белых тюльпанах, которую выучила, кажется, еще в раннем детстве по движениям читающих бабушкиных губ.

Я жалею о своей непростительной глупости влюбленной дуры, жалею, что пошла на аборт. «Мне не нужен ребенок. Сейчас». И я, разбитая и отчаявшаяся, согласилась на это, на следующий же день решив уйти совсем. Я хотела уйти пустой, без твоего запаха, без каких-либо напоминаний о тебе. Не оправдываю себя. Расплачиваюсь за это грузом вины – худшей кары быть не может. Сожаление изо дня в день, с утра до ночи разгрызает сердце, медленно убивает.

Я жалею, что вечно пыталась что-то придумать для нас, развязать твоё молчание своими вопросами, шутками. Я ругаю себя за это, за все. Только себя одну.

...Пью кофе в аэропорту, жду начала посадки. Через несколько часов я буду на другом краю света. Зазвонил мобильный. «Вызов: неизвестный». Я поменяла номер, и его знают только три человека. «Алло?» Тишина. Я узнаю тебя по тишине, по твоему молчанию. Ты ничего не говоришь. Если бы у тебя хватило смелости, ты, наверное, спросил бы: «Как ты?» Это твое любимое начало разговора. А я не знаю, что ответить.

Наверное, я бы дала слабину – разревелась, прокричала бы, как ненавижу тебя. Когда в слезах кричишь «ненавижу», значит, внутри еще громче кричишь «люблю». Или даже «все еще люблю». В тот день

в аэропорту я попрощалась с тобой молчанием. С мужчиной, который не любил меня так, как я ждала.

В глубине души я не верю, что ты ничего не испытывал – невозможно не любить человека, к которому ты сбегашь, не закончив рабочие дела, чтобы вместе съездить в маленький парк на окраине, где цветут вишни. Что это значило для тебя? Что это вообще значит для мужчины?

Но иногда мне кажется, что я тебя придумала.

Начо, выслушав мою историю, молча закурила. Она первый человек в Овальном городе, которому я открылась. Сербка с разбитым сердцем теперь знает обо мне почти все. «Вот так, Начо, я вдруг поняла, что никому не нужна в родном городе. Там меня никто не ждал, только горькие воспоминания». – «Ох, Север!.. Плохо не тогда, когда ты никому не нужна или когда тебе никто не нужен. Намного хуже, когда тебя просто нет – некому что-либо хотеть. Умей улыбаться настоящему – ты выстояла, ты здесь».

Я встаю из-за стола, медленно подхожу к окну, приоткрываю форточку. Черт знает какая по счету эта сигарета – я прямо как мама... «Когда же мне полегчает? Я стараюсь крепиться, не погружаться в жалость к себе». – «Полегчает тогда, когда ты обретешь новую точку опоры». Начо допивает кофе, резко переворачивает чашку – собирается погадать. «Что ты хочешь сказать?» Она подходит ко мне, садится на подоконник: «Послушай, Север, что бы я или кто-то другой ни сказал, все это может оказаться верным для тебя, а может – нет. Что такое точка опоры? Это то, что держит человека в этом мире, – мама, ребенок, собака или дерево. То место, где ты выросла и откуда берешь энергию. Или какой-то другой город, прежде незнакомый. Может быть, эта точка – в расставании с прошлым. В любом случае, найди ее, и бури пройдут, а ты снова встретишь солнце».

Когда-то, в сложный период душевных терзаний, я предпочитала выжидать, чтобы все решилось само собой. Вероятно, это проявление слабости перед лицом судьбы, но зато срабатывало. Но, может, так и нужно – только ждать, а не действовать, пытаюсь решить проблемы настойчивостью и усердием?..

«Измученный он, конечно. Поправится, не переживайте! Теплый дом, бережный уход и любовь помогут. Эта порода отличная – оттерхаунд. Невероятно дружелюбные псы, правда, упрямые...» На последние слова ветеринара хочется ответить: «Ну прямо как я».

Доктор Сингерман надевает на Пако намордник и передает пса помощнице – милой девушке с добрым лицом. Она выстрижет колтуны, искупает его, расчешет. Он рычит, недоверчиво косится на ветеринара, но в руках его симпатичной помощницы моментально смиряется и поднимает хвост. Дело в том, что Пако не любит мужчин.

«У него отит. Выпишу капли и витаминный комплекс». Спрашиваю доктора о возрасте Пако. «Он взрослый парень, в расцвете сил. Можете не беспокоиться о возрастных проблемах, наслаждайтесь жизнью». Я хочу ответить Сингерману что вынуждена думать о времени, потому что мой диагноз ускоряет стрелки часов, но опять сдерживаюсь. Какой бы ни был исход событий, Пако больше не будет прогнан, забыт, избит. Я об этом позабочусь.

Спустя три часа мы с ним возвращаемся домой. Пако знакомится с новой территорией, одобряет ее и решает выбрать себе место по вкусу. В итоге тридцатикилограммовая тушка разваливается на диване в гостиной, а я берусь за пирожки. Сегодня у нас в гостях будет Сома. Нарезаю капусту тонкой соломкой, закидываю ее в кастрюлю с толстым дном. Немного виноградного уксуса, нерафинированного оливкового масла, черного перца горошком, воды. Закрываю крышку и тушу на маленьком огне.

Я любила бабушкины пирожки с капустой. Такими вкусными они ни у кого не получались. На мое девятнадцатилетие мы жарили их вместе с Анной Павловной. На большой кухне ее деревенского дома. Я тогда тяжело переживала разрыв с первой любовью и, желая убежать от реальности, села в поезд, идущий напрямик в мое детство. В ту самую деревушку с дорогами в томатных шкурках.

Бабуля месила тесто, я наблюдала за ее действиями, украдкой утирая произвольные слезы. «Он тебя любит, деточка! Просто молодой еще, зеленый... Ревность в мужчине должна быть. Но ее не должно быть видно, как соли во вкусной еде. Да и от женщины многое

зависит – часто ревность вызывает недостаток открытости в отношениях. Если у ее «собственного пространства» слишком высокие стены, то он это чувствует, начинает изводить. Весь секрет в уступках, а ты подпусти его к себе ближе».

Пока бабушка моет руки, я накрываю тесто вафельным полотенцем и переставляю тазик поближе к печи. «Бабуль, а женская ревность тоже такая страшная? Я вот еще никогда не ревновала...» Она мелко крестится: «И слава богу! Бабская ревность – это совсем другое. Не скандалы и расспросы, это только у истеричек бывает, а тихое отчаяние и страхи. Когда их прячешь, чтобы удержать его, становится только хуже... Женщины должны все, что на сердце, открывать».

Я получала поддержку от бабушки в дневное время, а когда она ложилась спать, моей советчицей становилась Цветаева. Я читала, обливалась слезами и мечтала стать мудрой и спокойной. Чтобы проблемы вообще исчезли. Ну или пусть останутся небольшие: например, надеть юбку или брюки?

Однажды Анна Павловна увидела у меня в руках этот томик, взяла его, перелистала и покачала головой: «Девчонки любят читать Марину Цветаеву, а я говорю – берегись ее стихов. Она совсем не похожа на земных женщин, вся-то из боли. Будто стоит на морозе голая, вывернутая наизнанку, и слова у нее тоже все вывернуты, как карманы. Смотреть стыд, а жить так – больно... Ты другие стихи почитай – вот Анну Ахматову хотя бы. Царица! Сильная...»

Я смотрела на бабушку, которая не жила в больших городах, не училась в университетах, посвятила свою молодость дедушке, врачу-педиатру, – и удивлялась. Ее зрелости, вкусу, смелости. Как по-настоящему она мыслила, самостоятельно, на основе опыта.

«Я за твоего деда в семнадцать вышла. Он был хороший, но жутко требовательный – случалось и стукнет, как что не по нем. Царствие ему небесное! Я за ним ухаживала, потом за детьми – когда было учиться? За меня Катька отучилась».

Вот бы бабушка сейчас была рядом! Слушать ее, верить, не сомневаться в каждом шаге, очень многое понимать и – молчать. Быть на своем месте. У меня это получалось только с Анной Павловной.

Но ее нет, а мне пора браться за тесто.

Сома сдержанная и ранимая. Раненая. У раненых женщин взгляд смелый, проникновенный. В глазах стальной блеск, который вырабатываешь годами, а потом изо всех сил пытаешься сохранить. Только бы не размякнуть – непозволительная роскошь. Это еще и риск: если единожды опустишь руки, то, быть может, они больше не поднимутся. Нет уверенности во «втором разе». Поэтому лучше не рисковать.

Овальный город навестила весна, хотя по радио назавтра обещали дождь. Она еще растерянная, несобранная, с сонным солнцем в ладонях. Но зато короткое появление весны означает, что скоро она вернется с чемоданами и надолго. Такие дни, как сегодняшней, я про себя называю «бабушкиными». Потому что и запахи, и ветерок, и птицы – все именно так, как тогда. Я просыпалась в бабушкином доме, комната была наполнена светом, накрахмаленная простыня хрустела подо мной, и казалось, что от кончика носа до заоблачного рая каких-то пара шажков.

Я люблю весну. Солнце заливает все вокруг ослепляющим светом – в ботинках уже жарко, а в туфлях еще холодно. Лето, правда, лучше. Больше определенности. Знаешь, что тепло уже законное, и все.

Вынесла кухонный столик на балкон, где мы и расположились. Пако вяло отреагировал на появление нового человека, пока не привык к дому, мысленно он на улице с непрекращающимся потоком людей. «Молодец! Пирожки восхитительные. Научишь?» – «Конечно, Сома! Я тебе с собой тоже дам, много напекла». Она вдруг перестает улыбаться. Мелкими глотками отпивает барбарисовый лимонад. Ее горло дергается по-птичьи, распущенные волосы развеивает морской ветер, и они липнут к густо накрашенному рту. «Спасибо. С собой не надо». Я не сразу поняла причину такой категоричности. Пыталась настаивать.

Только под конец вечера она показала в мобильном телефоне фотографию Сию. Худенькой девочки с длинными каштановыми волосами и такой же смуглой кожей, как у мамы. «Сию у меня любит компот из боярышника и фейхоа. В прошлом году аж тридцать банок закрутила. Полпогреба забила, представляешь?»

У Сию целиакия. Это такое заболевание, при котором нарушено пищеварение и многие привычные для других людей продукты вызывают сильнейшее отравление. Например, хлеб, макароны, выпечка. «А она, как назло, обожает мучное! Приходится покупать безглютеновые продукты. Они не только дорого стоят, их еще найти нужно... Мой Альфредо мало зарабатывает.

Ночами выезжает с друзьями в море, глушат рыбу... А я каждое утро просыпаюсь в страхе, ищу мужа. Вдруг с ним что-то случилось и он не вернулся с моря».

В дневное время, пока Сома работает, за Сию присматривает Альфредо. Я предлагаю забирать малышку к себе: «Я не очень лажу с маленькими детьми, если честно. Говорю с ними как со взрослыми, не сюсюкаю. Но уж с пятилетней девочкой я найду общий язык, да и Пако будет с нами». Сома встает, берет сигарету, облакачивается о перила балкона: «Север, а знаешь, чего мне хочется? Упасть в кровать и проспать сто лет, и, когда проснусь, чтобы больше не было ни болезней, ни смертей. Никогда. Ты бы жила в таком мире?»

Я задумчиво разливаю нам лимонад: «Наверное, нет. Болезни и смерть учат нас ценить жизнь. Хотя я и не знаю, почему вариант только один. Вот я люблю жизнь, и мне нравятся люди вокруг. Но не хожу же я по улицам с улыбкой идиота, смахивая пыль с каждого листочка! Получается, с ценностью жизни у меня вообще затык. Сама жизнь часто противоположна словам, сказанным о ней».

Сома кивает, тушит сигарету: «Ну, Север, у тебя еще все впереди. Глядишь и научишься по-идиотски улыбаться».

Мы возвращаемся за столик, сиреневой скатертью на нем поиграл ветер – завернул в затейливый сверток. Пако проснулся и поскуливает у двери. Пора на прогулку. Сома стирает салфеткой алую помаду и достает из сумочки другую, коричневого цвета. Предлагает и мне. «Не мое, спасибо... А я болею, Сома. Неизлечимо. Так что с “впереди” у меня проблемы».

«Север, мы все смертны внезапно. Может, в выигрышном положении как раз тот, кто знает свой срок. Я так часто оказываюсь рядом со смертью, что уже ничего не боюсь. И ты не бойся... Посуду мою я, никаких возражений! А ты сходи выгуляй этого красавца».

Здравствуй.

Я давно не вижу тебя. Сменила номер телефона, удалила все твои контакты. Научилась сдерживаться, когда непрошеные слезы выдают тоску, и прятать руки в карманы, когда они сами собой сжимаются в кулаки от ярости. Я бодро отвечаю на вопросы, общаюсь с людьми и временами танцую, когда музыка веселая и не напоминает наших с тобой песен. А еще я много работаю. Все вроде неплохо, но все это... игра. Когда-то я жаловалась тебе, что не смогла найти дело жизни, призвание. Ну, как у тебя. Так вот, я нашла! Теперь я хорошая актриса. Одной роли.

Я боюсь долгих дорог. Мрачных трасс, сливающихся в монотонную картинку за окном автомобиля. До вчерашнего дня я садилась на заднее сиденье такси и, прислонившись к окну, смотрела на ленту из неинтересных пейзажей, на которых яркими слайдами оживали ты, я. Мы с тобой. До вчерашнего дня эти картинки согревали. Я словно перемещалась в их атмосферу и снова чувствовала свою руку в твоей руке, слышала твой голос. Когда-то я сказала, что в тебе все хорошо, кроме голоса. Что он слишком мягкий, неуверенный, что ли. Ты тогда, кажется, обиделся. Знай: я сейчас скучаю именно по твоему голосу. По твоему смеху на том конце провода. По твоим словам, которыми в последнее время говорю я, представляешь? Сегодня впервые села на переднее сиденье, рядом с водителем, и впервые закрыла глаза. Я не хочу больше никаких картинок, тебя и себя в них. Нас, которых больше нет.

Как-то я справлялась о тебе у общих знакомых, с которыми поддерживаю редкую связь. Они передали, что у тебя все хорошо, ты коротко постригся и даже завел какие-то новые отношения. Я слушаю, злюсь, ругаю себя за то, что и здесь, в другом городе, не перестаю интересоваться твоей жизнью, пытаюсь повторять бесстрастное выражение. «Я рада. Рада, что у него все хорошо. И у меня тоже... прекрасно». Последнее слово как можно увереннее. Улыбка. Занавес. Роль сыграна... Вот так я вру. Ненавижу себя за эту ложь. Но я должна, должна быть сильной, чтобы все-таки стать счастливой. Я хочу привыкнуть быть счастливой без тебя.

Я встречаю новых мужчин. Скорее, просто наблюдаю за ними, не подпуская близко. Некоторые из них приглашают на кофе, и я соглашаюсь. Чтобы посмотреть на них и в очередной раз убедиться, что никто не сравнится с тобой. Ты остался самым-самым. Я не идеализирую, я не помешалась, наоборот, сейчас мыслю трезвее, чем когда-либо. Время расставило все по своим местам. Кто-то из этих мужчин красивее, кто-то умнее и намного самоувереннее. Но что мне за дело до них? Ни у кого из них нет таких глаз и рук, как у тебя. В твоих глазах мне мерещилось море, которое с детства люблю больше всего. В твоих руках была надежность, которая сильнее любых слов. Я просто касалась тебя – и чувствовала, как шумные волны внутри меня успокаиваются, умирляют страхи и сомнения. А еще я мечтала, чтобы у нас был ребенок и чтобы у него были такие же глаза с морем внутри. Но ты его не принял.

Я пишу, мне легчает. Быть может, со стороны это выглядит жалко и смешно, но мне плевать. Спасибо за то, что было, пусть было не так много. Странно представить, что тебя могло и не быть. Спасибо. Хорошо, что ты есть. Я желаю тебе побед и радости и никогда ни о чем не жалеть. И себе я желаю того же...

У нас снова холода, я целыми днями старательно генерирую тепло, но, кажется, мои ресурсы подходят к концу. Завернувшись в плед, сижу перед окном. За ним набережная в пене тревожных волн и прохладный ветер, который забирается за ворот куртки незнакомого прохожего, забавно вздымая ее. Я пришла с работы, сняла ботинки, заварила ромашковый чай и больше ничего не делала. Только перед сном прогуляюсь с Пако.

Сегодня день нахлынувшей пустоты. Трезвонит телефон, два раза стучались в дверь. А я чувствую себя попугаем, на клетку которого накинута одеяло. Хочется молча смотреть за окно, попивая что-нибудь согревающее. Трудно общаться.

Меня снова затянуло в Город непогод, во время, прожитое там. Вчера, пока я писала письмо, поняла причину, почему любила так самоотверженно, самоуничтожающе и подолгу не отпускала мужчин из своей жизни. Хваталась за них, как тонущий пловец за последние глотки воздуха. У меня не было отца. В детстве, юности я этого как-то не ощущала. Дедушка с бабушкой, мама с суровым характером закладывали эту дыру кирпичами внимания, заботы. Я у них была одна, и любовь трех совершенно разных людей не давала мне почувствовать своей обделенности.

В нашем классе, группе, потоке безотцовщина была почти нормой – знакомым и уже привычным семейным укладом. Если кто-то из ребят из-за этого переживал, то по меньшей мере не обсуждал со сверстниками. Я даже не переживала, пока за день до моего двадцатидвухлетия к нам домой не пришел высокий абсолютно седой мужчина. Когда-то он был рыжий. Мама провела его в комнату, где я гладила голубое атласное платье на завтрашнее торжество, и совершенно бесстрастно сказала: «Познакомься. Это твой отец. Сергей Владимирович».

Каждая женщина только раз встречается мужчину, который делит ее жизнь на две части: до встречи с ним и после. Для меня этим мужчиной стал Сергей Владимирович. Папой я его так ни разу и не назвала.

Сергей Владимирович подошел, протянул мне руку. Я кивнула. Бабушка, бывало, повторяла: «Когда, казалось бы, ничего не происходит, что-то все равно происходит». Ничего болезненного или приятного я не почувствовала. Выключила утюг, буднично пошла на кухню. Чай заваривать. Лишь проходя через прихожую и увидев у порога большие коричневые туфли нежданного гостя, я вдруг поняла, что все это время, все эти два десятка лет где-то в глубине души я искала – чего-то недостающего, необходимого. Чего именно, не понимала, потому что изначально не знала, что это такое – папа.

В ту минуту меня будто вытолкнуло давлением из высокого сосуда с плотной пробкой. Как джинна. Оказывается, Север, есть другая форма жизни, о которой ты не подозревала, будучи за прозрачными стеклянными стенами.

Мама познакомилась с отцом в институте. Второй курс, гуманитарный факультет. Много красивых слов, беседы о поэзии и философии, стопки «Иностранной литературы», горячие обсуждения самиздатских журналов, горящие глаза, вечерние звуки гитары в тесноте общежитских комнат.

Он долго признавался в любви, она долго держала оборону. Потом сдалась. Влюбилась. У них было полтора года красивой истории. Мама забеременела, как это часто случается, неожиданно. Сообщила ему. Он вдруг струсил: «Что ты собираешься делать с ребенком? Сейчас не время, у меня, ты же знаешь, докторантура». Мама отвернулась и ушла. Спустя положенное время родила рыжую девочку, вскоре устроилась на вечернюю работу. Пока меня растили бабушка с бабушкой, мама из института бежала на ткацкую фабрику.

Он вспомнил обо мне спустя двадцать лет. Робко вошел, выпил чаю, неловко попрощался и как-то грузно шагнул за порог. Своими большими коричневыми туфлями. Потом, обнимая мужчин, я часто ловила себя на мысли, что обнимаю отца. Прижимаюсь к нему крепко-крепко, не желая возвращаться обратно в стеклянные стены под плотной пробкой.

Вот только в реальности это были чужие мужчины – и я не знала, как отнестись к факту, что у меня теперь есть отец. Мы так и не построили отношений.

Незадолго до отъезда, разбирая вещи, в дальнем углу шкафа я нашла кассетный плеер. Лет пятнадцать назад мама подарила мне его

на Новый год. Редчайшая была вещь – портативный, цеплялся на пояс. Я держала его в руках, рассматривала, не зная, что с ним делать и как его, такой огромный и бессмысленный, использовать. Так и в жизни чаще всего: сначала хочешь-хочешь, потом получаешь – и в итоге думаешь: а что с этим делать?

Во мне живут два человека. Один вечно отчаивается и защищается, у него «fuck off» на лбу написано. Второй отбивается, тщательно маскирует следы поражений и сломя голову несется навстречу жизни. Никак не сведу их в одно целое.

Рабочий день в разгаре. Посуда звенит и скользит в моих руках. Я беседую с ней, рисуя пальцами вопросы на фарфоровых поверхностях. Вот эта тарелка рассказывает о женщине с пепельными волосами, которая ела спаржу под соусом *beurre blanc*, – она живет в бесконечном ожидании. И могла бы еще долго выступать за команду «немного за тридцать», если бы не выдавал взгляд, в котором живет красота, но не осталось надежды.

А вот пиала, на ее краях бледно-красными кольцами застыли остатки томатного супа. Его съел угловатый гей с лицом свежим, как персик. Он любит пианиста из Овального города, ленивые песни Норы Джонс и скучает по родному Нью-Йорку. По серым небоскрегам, галдящей суете, круассанам с кофе в шесть утра, когда Бруклинский мост еще сонный, а светофоры глазают сквозь рассветный туман.

Да уж, как было бы скучно, если бы люди внутри были точно такими же, как и снаружи. Не надо никого разгадывать, не нужно никого узнавать – все видно с первого взгляда. Я слушаю обрывки историй героев Города гордых воспоминаний, периодически бегаю на перекур в туалет, где из маленького окошка под потолком слышен шепот бриза. Торопливо домываю оставшиеся приборы – скоро конец рабочего дня.

Я сниму рабочую одежду, надену что-нибудь уютное, обмотаю шею длинным шарфом, застегну пальто и побегу туда, где на вдохе глотаю прохладный соленый воздух, на выдохе отпускаю тревоги. И радуюсь, потому что в этом городе больше не нужно защищаться, скрещивать руки из страха растерять внутреннее тепло.

...Постояв у моря, продрогла. Не зайти ли мне в кофейню с прозрачными стенами здесь неподалеку? Она называется «Inter Alia»^[2]. Здесь очень тихо и слышны песни чаек. Администратор этой кофейни – русская девушка Ольга, переехавшая в Овальный город четыре года назад. В свободное время она любит фотографировать

море – наиболее атмосферные снимки помещает в серебристые рамки, развешивает по стенам кофейни. Я никогда не поняла бы, что она русская, если бы не книжка Довлатова, к которой она обращается каждую свободную минуту.

Сегодня в «Inter Alia» никого, кроме нас двоих и одного официанта. Поздоровалась с Ольгой, заказала чай с мятой, медом и зелеными яблоками. Попросила ее посидеть со мной. Она улыбнулась, что-то прокричала официанту и села напротив.

Улыбается: «Тут редко встретишь русских, если честно. Поэтому я выбрала Овальный город, когда решила уехать. Чтобы ничего не напоминало о прошлом. А со временем поняла, что обстановка и люди вокруг ни в чем не виноваты. Мы таскаем с собой прошлое, и, если у нас с ним неладно, куда бы мы ни убежали, оно будет ныть в боку».

Я говорю, что меня зовут Север. Она улыбается и сообщает, что у нее есть подруга, почти сестра, которую она называет Барашек: «Это производное от ее фамилии – Баранова». У Оли глаза серо-зеленого цвета. Я спрашиваю у нее, счастлива ли она здесь: «Я, как бабочка, долго не могу на одном месте. Я хочу порхать, жить на свободе, под солнцем. Мне сложно было переносить русские холода. А еще и море хотела, хотя выросла в типичном урбанистическом пейзаже».

Оля скучает по своей Москве – по почти пустым утренним улицам, по неторопливым трамваям и по голубятне на балконе тихого дома. «Знаешь, где он? Если идти от ТАСС к Вознесенскому. Я там надолго замирала и смотрела, как неспешно птицы живут, вне суеты мегаполиса».

Она переводит разговор на меня: «А какое у тебя счастье?» – «Не знаю, Оль, сложно сказать определенно. Это кусочки пазла или, скорее, вспышки. Если из-под кафеля моего балкона пробивается какой-то родственник одуванчика, я наблюдаю за ним и счастлива. А еще мне становится хорошо от воспоминаний. Детских. Когда мне было сложно, я приходила к бабушке. Положу ей голову на колени, она гладит мои волосы и говорит что-то, самое обычное. Я закрывала глаза, слушала. И в этот момент не было никаких проблем и забот в моем мире».

Оля предлагает сделать нам по капучино. «Ты молодец, Север! Умение быть счастливой – это личное достижение. А я обычно в те минуты, когда чувствую себя счастливой, как будто немею. Не могу

изъясняться длинными предложениями, все держится на каких-то восклицаниях, а часто вообще молчу».

Мы болтаем вполголоса, периодически затихая и наблюдая за набережной. Сейчас я счастлива. Встретить столько душевных людей на таком отрезке жизни! Это как напутствие. Или как еще один кусочек торта на дорожку.

На крупной импортной картошке, которую обычно покупаю для запекания с начинкой, встретила улыбающуюся морду, нарисованную красной ручкой. Трогательно. Так и представляю себе улыбчивого продавца, рисующего себя.

Сегодня день уборки. Воздух потеплел. Все окна нараспашку, ковры свисают с перил балкона, в доме пахнет моющим средством. Гудит пылесос. Пако его невзлюбил, облаивает со всех сторон, пытается при случае наступить на шланг. Сулеме заглянула проведать меня. Проворчала что-то по поводу появления собаки в квартире. Я не стала ничего объяснять, ускользнула на кухню мыть плиту. А через двадцать минут, вернувшись в комнату, застала забавную картину: Сулеме подкармливает Пако миндальным печеньем из вазы. Его лукавая морда лежит на коленях хозяйки дома, а на ее черной юбке – слюнявые разводы. Но на лице аргентинки уже ни капли недовольства, наоборот, она хохочет и что-то назидательно объясняет обжоре.

Я выбиваю ковры, пока Пако развлекает Сулеме. Приветствую с балкона море, вдыхаю весенний воздух. Как только потеплело, на улице появились попрошайки и уличные музыканты с гитарами. Последние, раззадоренные водкой из сахарного тростника, клянутся в любви до гроба каждой светловолосой прохожей. Центральная площадь переполнена туристами, усеяна пустыми стаканчиками из-под инжирного мороженого. Мне гораздо роднее холодный и пустынный Овальный город, в котором самый громкий звук – крик чаек.

Сулеме спрашивает, может ли она мне помочь. «Вам не трудно будет обжарить фарш для запеканки? Я картошку помыла. Осталось начинку приготовить». Она с нескрываемым энтузиазмом берется за готовку. Жители Овального города все жарят на смеси оливкового и сливочного масел. Сначала мне показалось это слишком странным, но теперь привыкла, да и на самом деле так получается вкуснее. «Знаешь, я мясо буду жарить по-своему, хорошо? С корицей. Я всегда добавляю в мясной фарш щепотки две корицы – главное, не переборщить. Корица делает мясо сочным и, как принято считать, выпаривает из него остатки крови».

Сулеме рассказывает, что лет десять назад, когда жила в S., готовила в доме писателя Маркеса. «Он любил изысканную пищу. Правильную. Если мясо, то с овощами. Меньше соли и больше специй. Я тушила ему свеклу с виноградным уксусом, варила дробленую пшеницу, в которую непременно добавляла чеснок. Дон Габриэль знал толк в еде... А еще прекрасно знал жизнь, как будто свободно владел ее правилами и поэтому мог их иногда нарушать. Он был для меня вроде первого мужчины – благодаря его романам я научилась по-настоящему читать книги. Его герои – живые, понятные люди, они делают выбор, который приходилось делать и мне, и каждому из нас. Да и сюжеты временами напоминают мою жизнь».

Я наслаждаюсь своим выходным днем, хоть он и проходит в хлопотах. Но отдавая силы и внимание дому, всегда знаешь, что получишь вознаграждение. В тот день, когда утро будет не таким солнечным, как сегодня. «Да, Сулеме, бывает, что сама себя не можешь понять, а натыкаешься на какую-нибудь книжку – и она все расставляет по местам, срывает пломбы с души». Она кивает и закуривает. Выглядит как роковая красавица Кармен – руки заняты нарезкой овощей, зубами сжимает сигарету, резко отбрасывает крупные кудри со лба.

Я мою окна, подоткнув подол широкой юбки. Проходящие по улице парнишки, увидев меня, кричат задорно: «Ciao, ragazza!»^[3]. На мгновение я, дочь северных теней и многолюдных подземок, ощутила себя знойной Маленой в платье с алыми маками.

Сулеме кстати вспомнила, что Талита, владелица соседней квартиры на моей лестничной площадке, сдала ее «какому-то иностранцу».

Сулеме особо выделила последние слова, будто я своя, одной крови с жителями Овального города, для которых все приезжие одинаковы. Мне это даже приятно. «Надеюсь, нормальный жилец будет. Честно говоря, мы предпочитаем не сдавать квартиры одиноким мужчинам, сама понимаешь. Но этот вроде приличный человек, книги пишет. Так что, Север, ты обрати внимание. Вдруг и выйдет что-то путное».

Я улыбаюсь. Говорю, что уже нашла мужчину своей мечты. От удивления Сулеме открывает рот, сигарета падает на пол: «Ну ты и резвая!» – «Так, Сулеме, вы ведь с ним знакомы!» – «Как так?» – «А

вот так! Зовут его Пако». В глазах аргентинки вспыхивает огонек, и спустя секунду она заливается хриплым смехом.

Пако, будто поняв, что речь идет о нем, подбегает и лает, аккомпанируя нашему гоготу.

Я, наверное, была плохим другом, раз обо мне не вспоминают те, с кем когда-то я держалась за руки. Стараюсь об этом не думать. Что толку? Только временами корю себя, когда вижу шумные компании и вспоминаю, как мы срывались на выходные, обрубив все средства связи – как щупальца, которые могут достать, стремились вдоволь «наесться» радостью, чтобы потом вернуться с новыми силами. В это «мы» вмещалось не так много людей – три близкие подруги, которым не нужно было объяснять необъяснимое.

Мы были друг у друга и, казалось, готовы были просидеть всю зиму на одном диване, наблюдая столкновение атмосферных фронтов сквозь большое окно гостиной.

Когда я узнала свой диагноз, пару недель им об этом не говорила. Не знала как, да и не хотела сеять панику. В итоге не выдержала и все рассказала – буднично, даже не расплакавшись. Неделю они мне звонили, говорили со мной жалостливо, как с маленькой, скрывали от меня радостные события своей жизни, а потом и вовсе перестали звонить, приходиться. Искать.

Спустя какое-то время я встретила знакомую, которая передала мне слова одной из моих подруг. «О чем с ней общаться? Ей теперь наше, земное, неинтересно». Вот так и проверяется, кто с тобой только до следующей станции, а кому всегда по дороге. Я поблагодарила знакомую за правду в лицо, а вскоре купила билет в Овальный город.

Как мне было грустно отпускать близких людей! Горько, больно и стыдно, что не разглядела, допустила, осталась одна. С тоской и болью, но главное – я все-таки их отпустила. Как же легко написать слово «отпустила», какие-то девять букв. И за каждой из них череда страхов, глубокая потребность пережить, опуститься на дно внутреннего колодца, оплакать потери. А слезы, как назло, начав литься, не останавливаются: кажется, можно действительно выплакать глаза или вот-вот под ногами образуется болото и есть угроза увязнуть в нем с концами.

С самого первого дня в Овальном городе я встречаю людей, которые, словно в награду за мои потери в прошлом, дарят мне искреннее тепло, приносят угощение, поддерживают простыми и

душевными словами. Пусть они не обещают вечной любви и дружбы, не бросаются громкими словами. Просто входят в мои дни и наполняют их теплом, тем, в чем я так сильно нуждаюсь. Я все еще не очень хорошо говорю на их языке, только на английском, но уже знаю правила местной жизни и неплохо готовлю национальные блюда. Например, груши, фаршированные сладким рисом.

Выхожу с работы и, как всегда, иду к набережной. Через эстакаду. Я каждый день прихожу к морю, считаю гребешки набегающих волн, и мне кажется, что сейчас где-нибудь совсем рядом я увижу свет маяка. Вспоминаю слова бабушки, когда я прибежала к ней, недовольная окружающим миром: «Деточка, а иногда полезно не усердствовать и молча наблюдать за тем, как все пойдет. Лечись тишиной, маломальски участвуй в жизни – ты увидишь, как самые тугие узлы развяжутся. Самое главное чаще всего находится рядом, под носом – надо лишь внимательно оглядеться. А вместо этого мы изводим себя, бросаемся из крайности в крайность, ищем выход – и обнаруживаем его слишком поздно, когда перегорит».

Я полюбила Овальный город. За прямолинейность. Такое ощущение, что здесь нет женщин, которые ночами отворачиваются к стене с мыслью «ну обними же меня!», и мужчин, просыпающихся по утрам с вопросом, какую сегодня найти причину для позднего возвращения. Здесь живут честно – либо в гордом одиночестве, либо с по-настоящему любимым человеком. Нет середины – либо дно, либо поверхность.

Жители этого города внутренне свободны. Ценный совет дала мне Начо: «Позволь себе дышать полной грудью и не загоняй себя в рамки. Сила у того, кто верит в свою силу».

...Возвращаюсь домой, по дороге покупаю свежее благоухающее печенье и блок сигарет. Врач наказал мне соблюдать диету и бросить курить. Я не делаю ни того, ни другого. Это не протест. Я просто хочу жить, а не доживать. Не думать о том, сколько мне осталось. Я пока еще здесь, в моей истории не поставлена точка, что-то дописываю и ничего не вычеркиваю.

Мои силы – миротворческие. Все, что делает меня счастливее, делает меня ближе к миру.

На кухне ресторана весь день включен телевизор. Выходя на перекур, я останавливаюсь перед экраном и натываюсь на прогноз погоды в странах мира. Лондон, Париж, Барселона, Дубай, Стамбул... Шестым называют мой Город непогод. Там снова температура со знаком минус. На несколько секунд в телевизоре замирает картинка того самого места, куда мы с бабушкой ездили на парад в честь майского праздника.

Я спешу выйти на задний двор ресторана, вдохнуть воздуха. Закуриваю, прислонившись к нагретой солнцем стене. Мимо проносятся люди, говорящие на чужом языке, и мне вдруг так хочется вернуться *туда*. Буквально на денек. Походить по хрустящему снегу, постоять в пробках, потом юркнуть в метро и ждать, когда через девять станций доеду до своей, выйду из подземки снова в мороз и закурю долгожданную сигарету.

Кто-то, пройдя мимо, толкнет локтем, кто-то проворчит: «Женщина, вам что, больше стоять негде?», а кто-то остановится спросить время и улыбнется, сказав между делом: «До Нового года чуть-чуть осталось». И я кивну, улыбнусь в ответ и позвоню подруге спросить о планах на каникулы, о поездке за город, где белая тишина, бегают белки, а в печи румянятся и разносит аромат по всему дому большой пирог. И подруга тоже засмеется, скажет, что с «этой чертовой работой» совсем забыла о празднике, предложит на днях поехать по магазинам. Мандаринов прикупить. Желательно, абхазских. Да, мандарины, куда же без них – праздник должен пахнуть праздником!

Мой Город непогод предназначен для быстрой жизни. В нем борешься, завоевываешь, получаешь и спешешь, даже если спешить пока некуда. Там нет времени болеть: если грипп – то на ногах; если разболелась голова – то сразу таблетку. В Городе непогод невозможно представить, что боль пройдет сама, – ее надо побыстрее ликвидировать, она – враг, потому что через час заканчивается рабочий день или потому что пятница, а провести выходные дома, болея, значит лишить себя глотка свободы вплоть до следующей пятницы.

Там трудно без любви, потому что любовь – вообще единственное, что согревает. Вечером, измотанная работой и расстояниями, заходишь домой, с трудом стаскиваешь промокшие сапоги... и вдруг видишь его. Своего самого близкого человека. С мыслью об объятиях которого выносишь все эти дневные тяготы. И мгновенно отпускает – день выдался не такой уж плохой, раз у него столь приятное завершение.

Здесь, в сердце обласканной солнцем земли, я не часто вспоминаю о Городе непогод. Только если что-то напомнит о нем. О людях, которые остались там, я думаю чаще. Но для меня город и люди – два разных полюса. Они случайно связаны между собой, но как ценность существуют отдельно друг от друга. Город – это место, куда ты всегда можешь вернуться. А люди – нет. С ними либо остаешься еще на какое-то время, либо расстаешься уже сейчас – чаще всего без возможности возвращения.

И еще: впечатление от города может быть не связано с пережитым в нем, а люди и отношение к ним неразрывно связаны всегда.

Я закрываю глаза, вспоминаю тамошнее небо. Угрюмое по утрам и только чуть светлеющее по мере продолжения дня. Оно похоже на отчаявшегося человека, который потихоньку, ощупью, но все же находит в себе силы вернуться к жизни.

Меня злило, когда при мне жаловались на Город непогод и продолжали в нем жить. Одни ворчали, что повсюду грубая давка, грязь и слишком много приезжих. Другие утверждали, что этот город просто-напросто изжил себя и каждый, кто находится здесь, только и ждет своей очереди, чтобы свалить подальше.

Я закипала, с трудом сдерживаясь. В огромной стране много мест для жизни. И все-таки смельчаки, таланты и авантюристы едут сюда, чтобы обрести себя. Так почему многие из них, кто начинал воплощать свои мечты здесь, теперь недовольны Городом непогод? И еще ждут выгодных предложений, не проявляя ни капли благодарности? Если ты совершил выбор, обсуждать его как минимум поздно, если не глупо.

Город недооцененный, не раз преданный, но сильный, он снова возродится. И я бы вернулась туда, если бы у меня было больше одного сценария. Но я не могу расходовать энергию на выживание в мегаполисе, у меня ее не так много. Это обычное желание закрыть глаза спокойно. В тишине. Под солнцем.

Здравствуй.

Еще одно письмо. Не тебе, а скорее мне. О тебе. Все написанное остается в ящике старинного комода. Сулеме говорит, что он привык к остаткам воспоминаний, – обычно она хранила в нем то, что дарили ее бывшие мужчины. Я хочу, чтобы ты тоже стал для меня бывшим – окончательно. Между нами пять часов разницы, тысячи километров и разрушенные надежды, но я все равно очень к тебе привязана. Часто вижу тебя по ночам. Ты садишься на край кровати, и я смотрю в твои глаза. Временами зажмуриваюсь – а вдруг ты исчезнешь? Но открываю – ты по-прежнему рядом. Я понимаю, что сама виновата. Я сама тебя зову. От одиночества, по привычке или потому, что не могу преодолеть связь между нами?..

Зачем я пишу все это? Психотерапия. Мне становится легче, когда перекладываю на бумагу то, что осталось невысказанным. Говорить об этом не хочется – да и не с кем. В своих тихих мечтах я горячо желаю, чтобы ты был здесь, рядом. Я бы скрыла от тебя свою болезнь и тогда смогла бы мирно засыпать под тихое дыхание человека, которого люблю больше себя, каждую ночь из еще отведенных мне. Это не было бы самообманом. Я, не претендуя на большее, просто жила бы тем, что осталось. Не уделяя больше никакого внимания гордости, принципам. Только бы умереть счастливой.

Я ушла не только из-за того, что ты не поддержал меня. Просто было такое время. Я устала так сильно, что готова была бежать куда угодно. Ноги не стояли на месте – пускались в бег, подальше бы от прежних мест. Я не могла больше выносить твое молчание, и свои страхи, и эти крайности, переходы от одного к другому. Самое сложное в отношениях – это чертовы переходы от надежды к отчаянию, от уверенности к сомнениям.

У меня что-то поломалось внутри – приемник любви. А я боялась признаться в этом, носилась по замкнутому кругу, отгоняла свои сомнения, упиваясь редкими вспышками твоей искренности, искала самого малого – доброго слова, поддержки. Толчка для того, чтобы снова вернуться к сладостному самообману. Но к каким бы уловкам я

ни прибежала, маскируя свои страхи, они никуда не исчезали – только росли. Вопреки всем моим усилиям. Все было зря.

Я помню нашу квартиру с белыми стенами. Ты ведь тоже, как и я, любил молодые квартиры, где много света, пространства, нет вековых залежей на антресолях, в кладовках. И еще – большие окна и панорамный вид из них. И мы сняли именно такое жилье – четырнадцатый этаж, прямо под небом, окна с широкими подоконниками... Сколько было счастливых дней? Помнишь, мы стояли на балконе с закрытыми глазами, представляя себе одну мечту на двоих? Что мы где-то далеко, совсем не в мегаполисе, и там внизу не шумная улица, а теплое море ласкает скалы. И слышен вовсе не гул проезжающих машин, а шум прибоя.

Были и тяжелые времена, когда ты хлопал дверью, исчезал на неделю. Ты, словно упрямый подросток, никогда не признавал свою вину. Много говорил, оставлял меня виноватой и уходил. Мне жаль, что мы так и не научились решать конфликты честно и ответственно. И – да, я была во многом виновата косвенно. Потому что не могла с тобой расстаться даже на время, даже когда это было необходимо.

Сейчас, когда позади осталось и печальное, и радостное, когда я поняла тебя – и себя! – лучше, я все равно впустила бы тебя в свою жизнь. Я не в обиде, и ты прости, я тоже причиняла тебе боль – только оттого, что было больно мне. В итоге мы искололи друг друга своими иголками, как пытающиеся согреться дикобразы. Но стали добрее и терпимее, правда?

Береги себя.

До нашей улицы буквально десять – пятнадцать шагов. Сейчас горка закончится, сверну налево – и все: я дома. Там меня ждут недопитый персиковый сок, проголодавшийся Пако, разобранная с утра постель и подарки для Сию. Посылка с безглютеновыми продуктами, доставленная экспресс-почтой из Города непогод. Я связалась с приятельницей, бывшей коллегой, и она нашла для меня продукты без глютена, разрешенные для больных целиакией. Вот Сома и малышка обрадуются!

Ускоряю шаг, не оглядываясь назад. Прячу руки в рукава куртки. Спиной чувствую, как он тоже прибавляет шагу, но делает это почти неслышно, подкрадываясь. Я боюсь оборачиваться, да и нет необходимости. Не выдавать страха. Погода сегодня прохладная, безветренная. Удивительная. Обычно в Овальном городе каждый вечер, вне зависимости от сезона, дует ветерок, разгоняя по кварталам переключку голосов. Но сегодня, будто в фильме Хичкока, таинственная тишина. Полный штиль. В этом тревожном безмолвии можно услышать даже жужжание пролетевшего насекомого.

Я вышла из ресторана в одиннадцать, перебив посуду, оставшуюся после вечерних клиентов. У Сакины умерла мама, и она улетела в К., еще два дня я буду работать за нее. Поэтому освобождаюсь теперь поздно. Сегодня решила пройтись пешком, хотя обычно сажусь на автобус. Сегодня я совершила ошибку.

Заметила, что кто-то идет за мной, когда подошла к перекрестку. Высокий худощавый мужчина с кустистыми черными бровями. Я не очень хорошо его разглядела. Только брови, да, они сразу запомнились. Боюсь вытащить мобильный из кармана. Боюсь совершить любое действие, которое хоть как-то замедлит шаг. Не паникуй, Север, скорее всего это просто прохожий, живет рядом и тоже идет домой, где его ждут. Сильный удар по затылку застает меня врасплох. Я пытаюсь закричать – не могу. Во рту полно теплой крови...

Хочу обернуться, но еще один удар – в левый бок – сбивает меня с ног! Я оседаю на землю, неясно вижу его. Широкие черные брови. Я в двух шагах от своей улицы. Передо мной мокрый после дневного дождя асфальт с маленькими лужицами. В мозгу стучит мысль: нельзя

умирать! Мне надо выгулять Пако, он уже извелся в ожидании меня. А еще нужно упаковать вкусности для Сию, чтобы завтра же она их получила. Глаза закрываются. Я пытаюсь удержаться в сознании, не потерять последнюю картинку, которую запомнила перед ударом, – крыша дома напротив. Силы покидают меня, тело становится ватным. Темнота засасывает, и последнее, что я слышу, это его ругань.

Он говорит отрывисто, да и не все слова я понимаю. Понимаю ненависть. «Смеешь... слишком много... нельзя...» Я уже тону в темноте, осталось совсем мало, как вдруг мой слух прорезает громкий звук ударов. Он бьет меня? Но я не чувствую боли, и тело не сотрясается. Что происходит? Темнота окончательно накрывает. Все. Я в неизвестном пространстве. Там вокруг бежевые мутные стены, а на них, как из проектора, всплывают цветные картинки воспоминаний.

...Один из вечеров прежней жизни. За окнами завьюженный Город непогод. Я сижу перед телевизором в нашей новой квартире, и вдруг выбивает пробки. Где они находятся, я не знаю и панически боюсь темноты. На ощупь отыскиваю телефон – но ты прочно застрял на дороге. «Приезжай быстрее, дорогой!» Наконец я догадалась открыть дверь на лестничную клетку – там хотя бы светло. Сижу у порога, жду, а тебя все нет. Однако сидеть в пижаме на лестнице смешно и холодно. Ко мне потихоньку возвращается сообразительность – собираю все свечи в доме, расставляю их в ванной. Теперь у меня есть светлый уголок, где можно сидеть, читать книжку и дожидаться спасения.

Когда устала ждать, вышла из ванной, пошарила в прихожей – и вдруг обнаружила щит. Наугад пощелкала выключателями. В момент, когда зажегся свет, на пороге появился ты. Улыбаешься, шарф болтается на шее, красный от мороза нос. Ты крепко обнял меня, сказал, что я молодец, сама справилась, а я разревелась. То ли от пережитого страха, то ли от того, как сильно тебя ждала. Как никогда раньше.

Я очень хочу, чтобы ты и сейчас появился. Но как ты попадешь сюда, в эти угрюмые стены неизвестного пространства?

Я все еще здесь. В неизвестном бежевом пространстве. Говорят, человек, находясь на волосок от смерти, совершает путешествие по прошлому. Он возвращается туда, где не обязательно переживал что-то знаменательное. Какие-то мгновения, встречи, из которых и складывается, как фильм из кадров, жизнь.

То ли я умираю, то ли фантастическим образом избавилась от боли и перенеслась туда, где мне хорошо. Сейчас я замерла в какой-то точке, а передо мной, словно на белом холсте (вот почему здесь бежевые стены!), стремительно разворачиваясь, оживает мое прошлое. В каждом слайде вижу всю ситуацию в мельчайших деталях, и в то же время – вижу себя как будто со стороны. И чувствую все, что чувствовала в тот момент. Например, удивительную предсумеречную свежесть из летнего окна, обещающую юной мне начало начал. И приятную тяжесть любимого одеяла, которым укрывалась даже в июле. Я без него просто не высыпалась. С детства легкие одеяла не давали мне ощущения покоя и уединения, в котором я любила засыпать.

Мне здесь хорошо. Чувствую щекочущую легкость, словно внутри распускается слабость, но такая хорошая, и сопротивляться этой слабости не хочется, хотя кажется – вот-вот я стану прозрачной, невесомой. Наверное, теперь я не отражаюсь в зеркале. Где-то далеко, будто на одном из верхних этажей, слышу обрывки суетливых звуков. Кто-то бежит, что-то объясняет, куда-то звонит. Я не могу избавиться от тревожных звуков, словно они тоже как-то связаны со мной, моим большим невидимым телом.

Но свет и тепло воспоминаний пересиливают. Растворяюсь в них, переживая все снова, и переполняюсь тихой радостью. Вот я в родной квартире, сижу на подоконнике в сердце осени, грущу из-за того, что ушел любимый, исчез, выключив телефон. Уже который день никуда не выхожу, передвигаюсь по дому неслышно, не хочу, чтобы приставали с вопросами, советами, выражали сочувствие. И я уже окончательно расклеилась, когда приходит эсэмэска от двоюродной сестры, живущей рядом с бабушкой.

У Нелли за плечами развод, две дочери-близняшки, большой сад с тюльпанами, разноцветный текстиль по всему дому – Нелли работает портнихой. «Я знаю, что ты грустишь! Напиши мне, пожалуйста». И я послушно пишу. Я объявлюсь тогда, когда буду снова улыбаться. Пишу одно, а в душе – другое. Как же хочется позвонить, разрыдаться, пожаловаться на свою горькую долю! И она ведь как-то узнала про это мое желание, почувствовала. Ответное сообщение – как согревающее прикосновение родного человека: «Я понимаю, ты привыкла все сама... И я такая. Но если поделиться, то будет вдвое легче. Приезжай, у нас здесь солнце включили. Не сиди ты там одна, не умножай свои печали. А ну-ка собирайся, дуй ко мне!»

Прочитав эсэмэску тут же решаю ехать. Уже через четверть часа выхожу из дома. Поеду на вокзал – и ближайшим поездом к Нелли. Заодно и бабушку навещу. Сразу так хорошо становится: теперь я не одна. Скоро рядом будут бабуля, сестра с ее детишками... И сад с тюльпанами...

На стене оживает следующее воспоминание. Чувствую себя подростком перед игровым автоматом – мне не терпится преодолеть первый раунд и посмотреть, что там дальше. Вот нам с подругой по восемнадцать, мы идем сдавать донорскую кровь, необходимую нашей однокурснице. Немного страшно и подташнивает, в последний раз ели накануне вечером, и то овощной салат. Пока кровь наполняет мешочек, я напеваю какую-то привязчивую песенку, улыбаюсь и повторяю про себя, что у меня ничего не кружится и не трясется, что я вообще сильная, а не кисейная барышня. И вроде вполне себя убедила: минус пятьсот миллилитров крови – а я бодрячком. А вот когда стали вынимать капельницу – все разладилось. Минут на пять выпала из реальности.

Зато через несколько дней, когда я расплачивалась за свекольную запеканку в студенческом буфете, мне позвонили и сообщили, что жизни однокурсницы больше ничего не угрожает. Операция прошла успешно. В тот день мне было так хорошо, как будто у меня вся власть мира. И поэтому от меня тоже зависит чудо жизни, поэтому я, с помощью собственного тела и воли, могу продлить жизнь другому человеку! Могу сама стать счастливой и сделать счастливее ближнего.

...Не успеваю досмотреть это воспоминание, как звуки извне усиливаются. Я чувствую головокружение, сажусь на пол, опираясь

спиной о стену. В этот момент отчетливо слышу мягкий мужской голос: «Она приходит в себя».

Часть II

Дорогая
Скотти, в те
моменты, когда
тебя душил
отчаяние, когда
тебе кажется, что у
тебя ничего не
получается и что
невозможно ничего
сделать, вот знай,
дорогая Скотти:
только в такие
моменты ты по-
настоящему идешь
вперед.

*Фрэнсис Скотт
Фицджеральд (из
переписки с
дочерью)*

– Стоишь на
берегу и
чувствуешь
соленый запах
ветра, что веет с
моря. И веришь,
что свободен ты, и
жизнь лишь
началась...

– Я не был на
море...

– Ладно, не
заливай! Ни разу не

был на море?

– Не довелось.

Не был.

– Мы уже
постучались на
небеса, накачались
текилы, буквально
проводили себя в
последний путь...
А ты на море-то не
побывал!

– Не успел. Не
вышло.

– Не знал, что
на небесах никуда
без этого? Пойми,
на небе только и
разговоров что о
море.

*к/ф «Достучаться
до небес»*

– Ты кофе будешь?

– Нет, спасибо. Лучше яблок.

На кухне открыто окно, отсюда не видно набережной. Вместо нее – дома, похожие на цветные кубики, раскиданные по бугристому покрывалу холмов. Я завариваю кофе, его аромат перемешивается с дыханием весны, отчего воздух на кухне светлеет до волшебной прозрачности.

Эта весна пришла как-то неожиданно. Две недели подряд гремели грозы, и ветер сломал немало зонтов. А потом наступил вторник новой, третьей, недели и на небе поселилось настолько щедрое солнце, что пришлось снять с себя пальто и отвезти его в химчистку – ну, перед тем как повесить в шкаф до осени. Потрясающая весна. С запахом обновившегося моря и солнечными лучами сквозь еще молодые листья. Вчера ходили в местный зоопарк, где и животные радовались приходу тепла: пингвины строили свои дома, столетние черепахи целовались, слоны, ожидающие скорого пополнения семейства, поливали друг друга водой.

Я очищаю желтые яблоки от кожуры, нарезаю их дольками, раскладываю солнцем на голубой тарелке. Возвращаюсь на наш балкончик, где сидит Рэ, закинув ноги на перила. Он с довольной миной разглядывает похрапывающего Пако. Я смотрю на эту картину и не могу поверить, что каких-то три месяца назад в этих стенах одиночества было больше, чем в самой дальней пустыне. Это было гордое одиночество, которое выбираешь намеренно, надеясь, что оно поможет расставить мысли по полочкам и отпустить прошлое, которое таскаешь с собой повсюду, как интересную книгу. Обращаешься к ней при каждом удобном случае, надеясь, что скоро она будет дочитана и ты наконец сможешь сделать уверенный шаг в будущее.

Я не ставлю этот метод под сомнение. Я сама так жила и так же надеялась. Но все методы, теории, схемы лишаются актуальности, когда встречаешь... спасителя. Понимающего тебя человека. Того, кто неожиданно приходит в твою жизнь, заполняет ее пустоты своим присутствием. Своей любовью, которая основана не только на дружбе, схожести судеб, но и на том, что трудно объяснить. Притяжении?..

– Эй, парень, не грусти, дождь не смоет солнце – у него силенок не хватит. А мы с тобой под Новый год сотрем все старые счета и убежим туда, где речь не та, и счастья перевес, и персики в мае созревают...

Ставлю тарелку с чашкой на стол, напевая ту самую негритянскую песенку – нашу с Пако. Он в полудреме начинает вилять хвостом, я улыбаюсь чуткости пса и вспоминаю день, когда впервые увидела его. Брошенный оттерхаунд трогательно ютился в продуваемом подъезде. В его глазах было то же самое, что и в моих, – отчаянное желание жить дальше, из последних сил. Мы справились.

– Я не грущу, до Нового года еще есть время, и, надеюсь, ты не собираешься убежать? Знай, Север, я тебя не отпущу. Буду сторожить круглосуточно.

– Круглосуточно? Я не против! С твоей работой это будет настоящим чудом.

– Ну, физическое присутствие – это только полдела. Намного важнее привязанность сердца. Это может звучать пафосно, но я действительно так думаю.

– Рэ, знаешь, я стала бояться слов, значащих многое, главное. Мне кажется, чем чаще я их говорю, тем быстрее приближаюсь к потере. Наверное, это следствие пережитых разлук. Но одно знай: я счастлива, что ты рядом.

– И я. Счастлив. С тобой... Получается, теперь ты редко будешь признаваться мне в любви?

– Может быть. Но я буду рядом, буду любить тебя без слов – своим присутствием, своей заботой и прикосновениями.

– Я согласен!

У нас с ним все просто. Мы вместе, и нам хорошо. Пришли друг к другу вовремя: я, запутавшись, билась в сетях неожиданной развязки, а он, изможденный безрадостной жизнью, искал только спокойствия.

– Хорошо, что у нас с Зейнеп не было ребенка. Иначе на любви к нему и держались бы эти отношения. Вот моя сестра – она развелась с мужем, имея пятилетнего сына. Как-то она сказала мне: «Когда-то Пати стал причиной, по которой мы перестали спать в обнимку. Но в последнее время Пати был единственной причиной, по которой мы продолжали спать в одной кровати».

Я крепко обнимаю Рэ и хочу сказать ему, что с каждым днем сильнее погружаюсь в него, хотя думала – больше никогда не полюблю. Сдерживаюсь. Тот самый страх перед громкими словами.

Лучше поцелую.

На каждую женщину приходится одна всепоглощающая любовь; все, что после нее, – сознательное чувство, когда тебе просто хорошо, что он рядом. И это не тот случай, когда, перебесившись и отчаявшись, ты позволяешь себя любить, а отвечая на его поцелуи, думаешь о другом, кто никогда больше не придет.

Сознательная любовь – это не эгоистическое потребительское отношение. Это то, к чему приходит каждая из нас, когда встречает человека, который не завоевывает красивыми словами и которого не нужно приукрашивать. Вы беретесь за руки и спокойно идете вперед, оставляя за собой былые разочарования и напрасные ожидания. Вы не стираете прошлое, но помещаете его в дальний ящик и делаете шаг навстречу новой жизни. Да, любить можно по-разному. Важнее не бояться, что это может закончиться.

Я для него, как и он для меня, то самое трезвое чувство, к которому мы оба пришли через череду потерь. Он не интересуется подробностями моей истории, я не интересуюсь подробностями его. Мы не вываливаем друг на друга пережитое, не спешим быстро узнать друг друга, мы говорим о том, что было действительно недавно. Не из страха сделать что-то не так, испортить впечатление, разрушить что-то, что пока не окрепло. Из желания соблюсти золотую середину – максимально выровнять движение корабля, придерживаться одного курса и ждать, когда на горизонте появится наше место, где мы сможем пришвартоваться. Не торопиться, но и не медлить – и то и другое может оказаться губительным. Поэтому лучше двигаться осторожно и, главное, в унисон, чтобы сохранить пока еще хрупкое, но такое волшебное ощущение.

– Помнишь тот вечер, когда на тебя напали? Сколько в этом неприятного. Но смотри, как все обернулось в нашу пользу. Хорошо, что в ту ночь я вышел пройтись перед сном и успел к тебе на помощь... Когда тебя, окровавленную, без сознания, вкатывали на носилках в машину, я вдруг понял, что ужасно за тебя боюсь. Будто за эти десять минут, что я был рядом с тобой в ожидании «скорой», во мне что-то изменилось. Раскрылось. Я смотрел на тебя, и по щекам бежали слезы: ведь вот, только что я встретил человека, которого так

долго искал. Хотя мы еще даже не говорили, не были знакомы. Необъяснимое чувство.

Я целую его руку, смеюсь и говорю, что дороговато заплатила за встречу с ним – черепно-мозговой травмой, переломом ребра и двумя неделями в больнице. «Иногда я думаю: а что, если бы ты не появился вовремя? Неужели я умерла бы такой глупой смертью? С моего первого дня в Овальном городе я ничего не боялась. Нет, конечно, я соблюдала осторожность. Но чтобы кто-то напал на меня... Когда приезжаешь из мегаполиса, где грабят и убивают чуть ли не каждый час, в маленький город, тебе кажется, что безопаснее, чем здесь, нигде быть не может. Оказывается, это не так».

Рэ крепко обнимает меня, просит сменить тему: «Ты не забыла, что сегодня к семи нас пригласила Начо на кабачковую лазанью? Пора собираться. Ты же знаешь, как она злится, когда опаздывают». Кабачковая лазанья – фирменное блюдо моей подруги-соседки, давней поклонницы Софи Лорен. В одном из интервью актрисы Начо вычитала рецепт и теперь хочет, чтобы и мы попробовали это, как она утверждает, «самое вкусное весеннее блюдо».

Пока Рэ принимает душ, я измеряю температуру. Слава богу, ртутный столбик показывает тридцать шесть и два. Всю прошлую неделю у меня температура была чуть выше тридцати пяти, я с трудом это от него скрывала. Я не стала рассказывать Рэ о болезни. Зачем? Чтобы он переживал, не отходил от моей кровати, жалел меня? А может, я боюсь, что Рэ тоже уйдет, когда узнает? Нет, Север, он не такой.

Я и раньше старалась не думать о болезни, а после встречи с Рэ гоню прочь любые мысли о ней. Я счастлива. Я хочу, чтобы это счастье не покидало меня до последнего вздоха. До последней минуты. С Рэ я ожила. Словно внутри меня кто-то открыл все окна настежь и весенний ветер унес все плохое: застоявшиеся запахи, налет пыли, угнетающую пустоту.

Мне так спокойно. С тобой и без тебя. Когда ты задерживаешься где-то или уходишь ранним утром за горячим хлебом, а я, проснувшись, не застаю тебя рядом, во мне не поднимается страх, что все происходящее было сном. У нас все настолько осязаемо, что возможность превращения действительности в наваждение исключается. Я хорошо ощущаю почву под ногами и не боюсь упасть, даже если вдруг прыгну с обрыва чувств. Да и это «если» на всякий пожарный – какой бы мощный ветер эмоций ни подталкивал, теперь я уверена, что больше не совершу спонтанных поступков-прыжков.

Теперь крепкие взаимные чувства между мужчиной и женщиной не напоминают мне рекламу апельсинового сока, в натуральность которого я не верю. И пусть в них нет волнующего трепета и горячего круговорота где-то под желудком – этого раньше было с избытком, по горло, да и расчесано до ран. Теперь я переживаю трудности в порядке их поступления. А если их нет – просто радуюсь мелочам, из которых складывается жизнь.

С Рэ я избавилась от одной большой слабости – прежде очень любила перебирать воспоминания. Вот устроюсь поудобнее, закрою глаза и начинаю погружение... Больше никаких сравнений, обращений к развалинам былого. Теперь между мной и прошлым – охраняемая граница. Шрам. Пока воспаленный, горячий, но уже не пульсирующий, как раньше.

Принять прошлое и не ковыряться в нем – этому невозможно научиться на чужом опыте. К миру с прошлым приходишь со временем. Это не война до победного выстрела, а скорее мирное, пусть и медленное, урегулирование конфликта.

Так много «теперь» в моей жизни. Не мимолетная свежесть новых чувств, но неспешное начало, белый лист. Бывает, заглянешь в темное окно проносащегося вагона – и видишь за цветными сплетениями чего-то неизвестного отражение очень близкого человека, от которого все еще многое живо в тебе. Испуганно отшатнешься, оглядишься направо и налево, а потом, вздохнув с облегчением, закрываешь глаза. Ведь это могло быть только твое собственное отражение. И кричишь

внутри себя от усталости – нет больше сил жить тобою, уйди же из меня, оставь в покое!

Уязвимость наша исходит только от частого обращения к прошлому и к его героям.

Нужны решительность и способность действовать. Надо твердо сказать себе: все, с меня хватит, перестать топтаться на месте, не обращаться к багажу прошлого, какое-то время вообще не оглядываться назад. Если окончательно решишь покинуть какое-либо место, думай о том, куда держишь курс, а не о том, с чем давно пора было попрощаться.

* * *

Снова верю в персональных спасителей. В ранней юности я сомневалась в том, что встречу человека, которой соберет меня, распадающуюся на элементы, и крепко обнимет. Ну просто в тот момент я думала, что меня нельзя полюбить такой, какая я есть. Потому что я постоянно разная – сплошные крайности. И каждый, кто мне встречался, влюблялся только в одну из этих разных.

И вот в семнадцать лет вопреки своей недоверчивости я влюбилась в мужчину, который смог подарить мне постоянство. Благодаря ему я стала цельной. Но на втором курсе института мы расстались. Он уехал в другую страну.

Потом был тот, из-за которого по большей части я уехала из Города непогод. Похоже, он появился в моей жизни не с благородной миссией, а для того, чтобы устроить моей вере испытание на прочность. Я не только не выдержала экзамен, но и вовсе потеряла веру. Думала, что все так и закончится – на нем.

Но появился тот, кто, кажется, знает все обо всем, а чего не знает, то чувствует. Рэ вернул меня к жизни – в прямом и переносном смысле. А ведь за неделю до встречи с ним я получила знак о его приближении, но, как всегда, не обратила внимания. Мне же Сулеме говорила, что в квартиру напротив должен въехать «какой-то иностранец». Оказывается, это и был Рэ.

Мой новый сосед, мой новый свет и тот самый личный спаситель. Он полюбил мое настоящее, не заставляя возвращаться в прошлое...

Каждая женщина ждет, каждая остро нуждается в мужчине-спасителе.
Но далеко не каждая признается в этом вслух.

Его имя – зеркальное отражение моего. Ревес. Ливанская бабушка назвала его в честь знаменитого революционера, который, несмотря на удары судьбы, не сдавался и боролся за свободу людей. За равенство. Не материальное, когда, по глупой теории, отнимают имущество у богатого для того, чтобы отдать бедному. Он боролся за равенство гражданских возможностей, когда каждый, вне зависимости от статуса, может выбирать, а не покорно склонять голову перед тем, что дают.

«Ревес» переводится как «терпение», «терпимость». Бабушка связывала победы человека с этими качествами. Она говорила, что у всех наступает время, которое нужно переждать, перетерпеть, чтобы избавиться от густого осадка тяжелой судьбы. Мол, только так можно добраться до счастья, легкого пути нет.

Я называю его Рэ. Так к нему с детства обращаются друзья, близкие. У него, так же как и у меня, два имени. В Ливане наличие двух имен у одного человека связывают с наличием двух жизней. Неужели там, на небе, смилуются и дадут мне шанс на вторую жизнь? Хотя – я уже ее проживаю. С ним.

Он приехал сюда писать книгу. По контракту с американским издательством Рэ должен сдать ее к концу лета. «Я сбежал сюда из Токио, там слишком много шума и однотипных лиц. Для предыдущей книги среда большого города вполне подходила. Но для нового романа мне нужен южный колорит, где, в хорошем смысле, сначала скажут, а потом подумают. В этой эмоциональной искренности столько прелести. Подглядел – и в книгу!»

Я – разрушительница его планов. Он надеялся встретить хороший сюжет, а встретил меня. «Книжные мысли ведь подчиняют себе все дела и вообще жизнь автора забирают, пока он пишет. Я встретил тебя в последний вечер своей свободы – с утра следующего дня планировал засесть за книгу. И вдруг ты, девушка с самыми прекрасными веснушками, которые я видел за свои годы. В одной песне на моей родине есть такая строчка: “Порой я думаю, что лучше б тебя и не было, и тут же понимаю, что лучше тебя и нет”...»

У него спутанные кудри цвета кофейной гущи и нос с горбинкой. Он красивый. С ним можно молчать без надобности что-то объяснять, с ним – обязательные ежедневные прогулки по весенним лужам.

«Ага, значит, ваша писательская душа утомилась от меня. Неудивительно! Музы не бывают лысыми и с банданой на голове». Он притягивает меня к себе, сажает на колени и целует в ухо. «Не говори ерунды. Ты наполнила смыслом мое настоящее. Я знаю, звучит банально, но на самом деле так и есть. Да и мне позволительно прибегать к штампу в разговорной речи, ведь я избегал их во всех своих книгах.

Знаешь, здесь, рядом с тобой, я понимаю, что приехал сюда не из-за книги. Скорее бежал от того, что было. Я опустил на свое эмоциональное дно, чтобы оттолкнуться изо всех сил – и вернуться на поверхность, где живительного солнечного света намного больше, чем там, в заводи целого океана отжившего опыта. Ты и есть солнце. Пусть и в бандане».

Смущенно опускаю голову и зарываюсь в его шею, где колючая щетина соседствует с нежной кожей: «Спасибо. На самом деле мы тоже к вам равнодушны, но стесняемся сказать вслух».

Там, в Токио, он расстался с турчанкой по имени Зейнеп, которой посвятил свои первые три книги. Рассказывает об этом с горечью в голосе. Я не задаю вопросов, не заостряю внимания на непонятных мне деталях. Даже пару раз пытаюсь сменить тему. Не хочу, чтобы ему становилось больно, – я знаю, что это такое. Но Рэ все равно возвращается к своему рассказу. Значит, хочет, чтобы я знала. «Я так и не научился отпускать с улыбкой, хотя такие сцены удаются мне в книгах. В моей реальности одна сплошная тоска... была. До тебя».

Расстаться предложила она. Собрала чемоданы, уехала в Стамбул. Он говорит, что в последнее время это были отношения на грани. Такое изнуряющее состояние, когда двое притягиваются и отталкиваются одновременно. И что с этим делать – непонятно, так как постоянные стычки, непонимание и в то же время взаимное притяжение изводят. В итоге ушла она. «Ей хватило сил поставить точку... Дальше было бы только хуже. Мы бы потеряли уважение к тому хорошему, что было между нами. А это страшнее любого расставания».

Я пока прочла только первую его книгу. Зная его характер, хорошо понимаю, что он пишет о себе. И мне становится неловко от собственной мысли: наверное, многие писатели тоже используют свою личную жизнь – с легкостью пускаются в отношения, чтобы в результате написать об этом. А когда все уже написано – расстаются. Они, как генетики, ставят опыты на животных, чтобы выявить что-то новое. Неужели я такое же подопытное?..

Отгоняю от себя тревожные умозаключения, обнимаю его, закрываю глаза и думаю о том, что будет прямо сейчас. Все-таки мы встретились неспроста. Может, для того, чтобы вылечить друг друга от «вируса жалости к себе»? Или...

* * *

Вчера Рэ тайком от меня пошел в парикмахерскую, постригся и стал похож на Бродского времен ссылки в Норенской. Мне, ясное дело, это страшно нравится. На фоне моих «отростков» вьющиеся локоны Рэ смотрелись слишком контрастно, а теперь мы наравне – коротко стриженные и счастливые.

Я спрашиваю его: «Как тебя угораздило влюбиться в лысую? Еще никогда в истории лысина не была орудием соблазнения». Он ответил: «В первый раз я посмотрел на тебя снизу вверх. До волос дело не дошло, я остановился на веснушках. Они сразили меня наповал». Как странно, необъяснимо все, что касается любви.

Можно найти своего человека даже в неприятной ситуации – к примеру, в таком инциденте, что случился со мной.

Насколько все же непредсказуема любовь – никогда не знаешь, где и при каких обстоятельствах ее встретишь. Все решается где-то над тобой – и тебе ничего не остается как подчиниться этой вспышке, даже если интуиция твердит, что с этим человеком надолго не получится. Но любовь не всегда дается для продолжения. Она может прийти, научить тебя чему-то важному – и так же непредсказуемо уйти.

Но ни одна любовь не бывает бесследной – вот ее главная особенность. И она делает тебя только лучше, никогда – хуже. Я пишу, ты заглядываешь в дневник за моей спиной и хмыкаешь, целуя в

плечо: «Жаль, я не понимаю языка, иначе успел бы прочесть хотя бы одно предложение. Ты пишешь о том, что было, или о том, что будет?»

Люблю вечера солнечного дня, ну как сегодня. Я смотрю на Рэ – на его лице красивые тени темно-желтого цвета. «К чему разделять время на «было», «есть» или «будет»? Одно исходит из другого, меняются лишь декорации и герои. В итоге все в любом случае сливается в одно целое. Да и происходит не зря – вне зависимости от того, плохое или хорошее. Все для чего-то».

Он говорит, что из меня получился бы писатель: «Ты красиво говоришь. И вот даже пишешь. Может, попробуешь?» Нет уж. У меня мысли скачут и мешаются, так ничего путного не изложишь. Сплошные сопливые синусоиды. Моя голова словно блендер: в нее, родимую, загрузили все радостные и печальные переживания, нажали на кнопку, и все измельчилось, перемешалось так, что уже не отличишь важное от не важного.

«Нет, Рэ. На нас двоих хватит одного писателя. Ты лучше иди дописывай главу. Завтра с утра в путь. Желтая деревня заждалась двух сумасшедших туристов!»

Лето. Лимонно-золотые дни, варенье из белой черешни, бесконечные улицы вкривь и вкось, кирпичные домики с окнами бирюзового цвета, бусы из красного перца сушатся на верандах.

Здесь будто начинается мир, тревоги вынесены за скобки, и я больше не боюсь смотреть в ночные зеркала. Там отныне нет для меня грозных тайн и призраков прошлого – рассадила их по местам, сдала в багаж и, дождавшись свистка состава, отправила под пасмурные своды.

Здесь так много солнца, что в дневное время от жары воздух дрожит у самой брусчатки. Только иногда припускает дождь, но он не страшен – капли большие, теплые, подогретые солнцем. Мой вечер здесь – это ласковый ветерок, белые стены нашего домика, бутылка «Пино Гриджио» и овощи с козьим сыром.

Я счастлива. И дело не в том, что все сложности разрешились. В какой-то мере все запуталось еще больше, но все равно стало легче. С каждым днем эта легкость увеличивается в размерах. Еще полгодика здесь, с ним рядом, – и я стану невесомой.

С утра до шести вечера Рэ пишет книгу, а я, передвигаясь на цыпочках, готовлю что-нибудь вкусненькое, потом иду гулять по улицам, засаженным персиковыми деревьями. Плоды почти созрели, скоро можно будет срывать, наслаждаться вкусом и бархатным ароматом.

Желтая деревня. Мы здесь. Вторая неделя поразительного спокойствия, когда не задумываешься о процессе жизни, а окунаешься в него с головой, не закрывая с непривычки глаза. Как же так, мы ведь привыкли к ежедневной борьбе, к отвоеванным мгновениям счастья. А здесь, вокруг нас с Рэ, даже не мгновения, а целые недели абсолютного счастья. Хоть нарежь ломтиками и подавай ароматным рахат-лукумом.

Вчера перед сном я размечталась: вот бы такое счастье надолго. Я хорошо понимаю, что есть еще и реальность со своими правилами. Но кто нам запрещает продлевать это счастье внутри? Там ведь мы хозяева – никаких часов, будильников, офисов, начальников. Продлевать это внутреннее счастье до тех пор, пока оно снова не сольется с реальностью. От лета до лета. И так всегда, назло холодам.

В Желтой деревне всегда шумно. Но шум не назойливый, в гармонии с течением дня. Здесь все на своих местах. Будто так, как должно быть, хоть мы никогда и не знаем точного расклада. Да здесь как-то и не думается об этом. Просто оглядываемся вокруг и понимаем, что суровость мира не испортила воду местных родников. Здесь слыхом не слыхивали о вывозе токсичных отходов в развивающиеся страны наперекор Базельской конвенции. Или о том, что глобальные темпы роста населения Земли за последние пятьдесят лет сократились вдвое.

Наслаждаясь оранжевой дыней, я наблюдаю за жизнью Желтой деревни. Порой спокойствие человека может заключаться в элементарном незнании.

Мы слишком во многое вникаем, слишком многое пытаемся оправдать и многому стремимся противостоять. Знание не всегда сила. Знание в любом случае утяжеляет, да и не каждый, получивший это знание, может направить его в нужное русло. Чаще мы просто перегружаем себя, наполняем до предела лишней информацией, чувствуя себя якобы подготовленными к грядущим угрозам, а на деле становимся еще более уязвимыми, беззащитными. Порою нужно чего-то не знать или что-то пропустить, чтобы оставаться счастливым.

Я покупаю домашний лимонад из плодов шиповника у старичка в зеленой рубашке. Здешние пожилые мужчины почему-то носят исключительно зеленые рубашки. Пока он разводит сироп в газированной воде, я ради интереса спрашиваю его о конце света: «Говорят, он совсем скоро. Не боитесь?» Старичок улыбается, качает головой и цепляет на край стакана дольку лайма: «Девочка моя, намного важнее, не настал ли твой внутренний конец света. Света, который горит в тебе».

Мы многое усложняем. То, к чему можно отнестись проще, мы разбираем на части, подкрепляем опасениями, пропитываем эмоциями, а потом носимся с этим грузом, ищем, куда его сбросить или на кого взвалить. Но даже если мир сошел с ума, это еще не повод бросать поводья и оголтело нестись за всеми.

В детстве мама в порыве возмущения часто говорила мне: «Если все начнут прыгать из окон, ты тоже прыгнешь? Отвечай за себя в первую очередь». В Желтой деревне я поняла, как важно оберегать свое – то, что присуще именно мне, то хорошее, что кому-то может

показаться глупым. Счастье – это совсем не то, чего мы ждем и получаем в редкие моменты. Счастье – это то в нас, что радуется этим моментам.

«Я не буду тебе врать, что до конца разлюбил Зейнеп. Знаешь, у мужчин так принято: если мы расстаемся с женщиной, которую любили, мы уже не признаем этого вслух. Обходим стороной свои настоящие чувства и говорим только о том, какими мы были разными, и что для того, чтобы окончательно убедиться в этом, понадобилось несколько лет пожить вместе. Не что иное, как ложь, под которой глыба гордости.

В действительности, в глубине души, все иначе, не так эгоистично. Мы тоже тоскуем, тоже мечемся в постели от наплыва воспоминаний. Мы тоже, как и вы, женщины, ищем родное лицо в толпе. Чем отличается женская тоска от мужской? Мы предпочитаем забываться. На пару недель убегаем к “промежуточным” женщинам – они нас целуют, удовлетворяют, помогают забыть. Но в постели мы никогда не смотрим таким женщинам в лицо. Боимся увидеть в них черты той, которую любим по-настоящему. Той, в которой видели мать своих детей.

Я не верю, что любовь забывается. Ее невозможно отпустить. Она подобна голубю в клетке без дверцы – так навсегда и остается там.

В тебе. Однако со временем начинаешь иначе относиться к тому, что было.

Со временем этот голубь в клетке, вскормленный воспоминаниями, становится украшением твоего сада-сердца. Его посещают новые люди, кому-то из них ты показываешь красивую птицу прошлого, а кого-то не пускаешь дальше калитки. Но в итоге непременно найдется тот, кто полюбит тебя вместе с твоими воспоминаниями. И это нельзя назвать милосердием с его стороны. Просто у этого человека есть такой же сад. И такой же голубь в клетке без дверцы.

Буду честен с тобой: иногда мысленно я переношусь в прошлое. Не потому, что здесь, сегодня, рядом с тобой, мне чего-то не хватает. Ты – другое. Ты – мое осязаемое настоящее. А то, что осталось там, в прошлом, – это подводные течения океанов, которые

исподволь меняют ландшафт, но никогда не исчезают. Уверен, у тебя так же.

Я переносусь в дни, когда мы с ней прощались на старом вокзале в центре одного города. Она в чем-то упрекала меня, я что-то ей объяснял со слезами на глазах – не помню уже, какие были слова, вопросы, оправдания. Помню одно: мне безумно хотелось поцеловать ее. В губы, в плечи, которые обгорели на первом июньском солнце. В самый разгар нашего спора она вдруг чуть приспустила рукав блузки и совершенно по-детски сказала: “Черт, посмотри, как я обгорела... Вся красная”. А я посмотрел на ее обожженное плечо и подумал, что вопреки желанию не посмею прижаться к нему губами, лицом. Я всегда носил щетину, которая так колола ее бархатистую кожу.

Почему мы расстались? Слова. Мы, оба эмоциональные и взрывные, столько всего наговорили друг другу, что в итоге не смогли переступить через это сказанное. Оба ведь гордые. Каждый раз, когда хотел позвонить и сказать, как сильно ее люблю, мой порыв останавливали те слова, которые она сказала мне. Я был воспитан в среде абсолютно патриархальной – если мужчина в чем-то не прав, то женщина должна промолчать. Это корни, это мое начало. Моя мама говорит: “Мудрая женщина сначала промолчит, но потом, когда мужчина успокоится, обязательно скажет свое слово и получит то, что хочет”.

Все так странно и изрядно глупо. Неужели слова значат больше, чем чувства? Неужели слова способны разрушить отношения двух любящих людей? Я пытался ее вернуть. В тот день, на вокзале, я говорил о том, как сильно люблю ее. На что она ответила: “Но я тебя уже не люблю. Пойми”. Мне ничего не оставалось, кроме как отпустить. Хотя знаю, что она соврала! Или я сам себя обманываю?..

В одной из прошлых книг я написал о расставании двух людей. Я написал о том, что у этой разлуки не было причины, с их любовью просто-напросто случилась жизнь. Точная формулировка, правда? “С ними случилась жизнь”. Такое часто бывает. Некогда одна дорога двух людей вдруг разделяется на две разные и обрастает высокими стенами. И никто ничего не может с этим поделать.

Любовь не одолеет течения жизни. Может, из-за того, что любовь и есть жизнь?»

Я слушаю его и понимаю, как сильно мы похожи. Мы не противоположности, которые, как известно, притягиваются. У нас две почти одинаковые истории, слившиеся в одну целую – новую. У нас одинаковые раны, упущения, противостояния. Я разглядываю сонное ночное небо, пытаюсь отыскать там ответ: что же нас с Рэ объединило? Сходство взглядов, понятное дело, помогает, но на нем не построишь то, что каждое утро делает счастливой. Когда открываешь глаза, утыкаешься в его руки, теплые, сильные пальцы и понимаешь всю ценность этой награды: с тобой рядом тот, кого хочешь видеть всегда, независимо от того, в каком настроении проснулась. Чего же мы оба так рьяно искали и что наконец нашли друг в друге? Возможно, доверие. Себе, другому, жизненному процессу.

Правда, у моего жизненного процесса наметился приближающийся конец. Но Рэ я об этом не скажу. Пусть ничто не нарушает нашего спокойствия. Мы это заслужили.

* * *

Есть люди уютные, как дом. Обнимаешь их – и понимаешь: я дома. Ты именно такой. Долгое время в отношениях я чувствовала себя как детдомовская. Пришли, посмотрели, погладили по макушке, но выбрали другого. Или же взяли, но вдруг забыли на шумном перекрестке, как какую-то вещь.

А я вижу, как эти люди с моей надеждой в руках удаляются, теряются в толпе, и даже совсем не сержусь – привыкла оставаться одна. Потом, со временем, перестала уже и ждать, сама кружила в поисках того, кто не то чтобы принял ответственность за меня (не нужно такой щедрости, я сама справлюсь!), а просто был бы рядом. И находила, и любила, и даже счастье наконец пробовала на вкус. А потом теряла и терялась опять.

Рэ появился в моей жизни именно в такой момент, когда я чуть было не перестала верить. Теперь все хорошо. Мы в Желтой деревне.

Пока он пишет книгу, я таскаю домой цветные ракушки, отполированные морем. Думаю, те, кто снимет этот домик вслед за нами, найдут еще много сокровищ, запрятанных в разных его уголках.

* * *

Из-за наступившей внутренней тишины я чаще молчу. Я хочу слушать тебя. Вечерние часы, когда солнце уже не так обжигает, мы проводим на веранде. Я сижу в плетеном подвесном кресле, а ты куришь, присев на перила. За тобой буро-оранжевый закат, напускающий на оливковые рощи загадочный желтый туман. Где-то вдали, у Безмолвной горы, юные пастухи гоняют стадо овец, взволнованно блеющих, жмущихся друг к другу. Рикардо из соседнего дома бранит свою любимую овчарку Дарин, которая с заходом солнца становится активнее, прыгает и заигрывает с пожилым хозяином. Рикардо сердится, когда собака мешает его занятию – вот уже двадцать пять лет он выпиливает на небольшом станке деревянные бруски одинаковой формы, а из них потом собирает мебель на продажу.

Рэ говорит, что скромная Желтая деревня своей деловитой и одновременно размеренной энергетикой напоминает огромный Бангкок. Здесь и там по улицам дети носятся босиком, а куры живут в абсолютной свободе, оставляя яйца где попало. «Такое впечатление, будто Овальный город и Желтая деревня – это два отдельных государства в противоположных концах света. Там, в городе, жизнь тоже яркая, громкая. Но при этом будто иносказательная, с философией, с подтекстом. А здесь – сплошной самотек и все так чистосердечно, открыто, просто и понятно. Север, скажи, тебе где лучше?»

Я хочу ему сказать – везде, только бы рядом с ним, но такой ответ кажется мне слишком банальным, и я только улыбаюсь. Когда знаешь кого-то довольно долго, слова перестают литься рекой, как в первые дни отношений. То, чем хочешь поделиться, часто не выражается словами. Замирает внутри. Не из-за обыденности или разочарований. Настолько проникаешься взглядами и интересами другого, что кажется – нечем больше делиться, все уже и так общее. Да и чувства будто не такие сильные – не вибрируют и не расшатываются, вырываясь

искрами эмоций наружу. И тогда начинаешь говорить глазами, руками, прикосновениями. По-моему, лучшего проявления любви не существует.

«Я люблю оба этих места, Рэ. Для меня они одно целое... Но прожить я хотела бы здесь. С тобой». Он подходит ко мне, садится рядом, улыбается: «Не знаю, не знаю... А по-моему, ты просто очень любишь персики. Здесь их больше, и, что самое приятное, за них не нужно платить. Я угадал?»

Хорошо, что он есть. Самый милый.

«Мама говорит, что прежде я был не человеком, а Погодой. Воздушной и изменчивой субстанцией. Я родился весной, когда солнца было удивительно много, стояла жара. Первые дни я спал в комнате с открытым окном, моя кроватка стояла прямо под ним. И каждый раз, когда мама порывалась его закрыть, начинал истошно орать и успокаивался только тогда, когда рама возвращалась в прежнее положение.

Я и потом не позволял закрывать его даже в холодную погоду – бунтовал, пищал, одним словом – протестовал как умел. Когда кроватку переставили в родительскую спальню, отказывался от еды. Ее потом вернули на место. Вот так я и вырос под открытым окном, ни разу не заболев, представляешь?

Я должен был постоянно наблюдать за природой, отмечать ее изменения. Воздух бывает прозрачный и звонкий, а бывает влажный и тяжелый – знаешь отчего? Все эти перемены меня с детства увлекают. Мама даже опасалась, что я стану метеорологом, а это труд странный, для простых людей малопонятный, вроде гаданий.

Что это за профессия? Она хотела видеть меня адвокатом или дипломатом.

А я вырос и стал писателем. Мама сначала огорчалась, а теперь – гордится.

** * **

Нас было двое в этом мире. Она, молодой врач-педиатр, до позднего вечера бегала по вызовам, чтобы заработать денег. На нас двоих. Прибегала с работы, забирала меня у соседки – азербайджанки Рафиги, кормила, проверяла уроки и обязательно читала мне перед сном, даже когда я уже и сам мог читать. Чаще всего – Туве Янссон, ее тогда начали у нас переводить, и она была очень популярна. Больше всего я любил ее книгу “В конце ноября”. До сих пор помню свою самую

любимую строчку: “Чтобы придать очертания большой мечте, нужны пространство и тишина”.

У нас с мамой была одна мечта на двоих. Маленький домик с садом из мандариновых деревьев. Мы даже репетировали нашу мечту. По воскресеньям, когда она была дома, рисовали на бумаге чертеж дома или возились с карликовыми мандариновыми деревьями, которые сажали в горшках. Если была зима, то опрыскивали кроны теплой водой. Если было лето, то выносили деревца на балкон. Они цвели белоснежными цветами с крошечными кувшинчиками посередине.

Я скучал, когда мама куда-то уезжала. Например, в ближайšie селения, когда ее вызывали к больным детям. Денег мать не брала, но зато ее щедро благодарили домашним белым маслом или курами, запеченными в глиняной жаровне. Когда скучал по маме – читал ее дневник. Знал, где она его прятала. Помню одну запись из него, видимо, сделанную по возвращении из очередной поездки: “Ревес спит и еще не знает, что я приехала. А завтра мы проснемся рядом друг с другом. И он, конечно, раньше меня. И день будет шумным. Устала”.

Я счастлив, что успел купить ей домик с мандариновым садом.

* * *

Я всегда стремлюсь к тишине. Если вокруг разрушается то, что казалось вечным, а надежда вяло трепыхается на иссохшей земле, мне хочется только туда – в тишину. Не в ту гулкую тишину, которая придет со смертью. Искать такой тишины было бы то же, что прятать голову в песок, когда страхи толкают на побег подальше от самого себя. Я ищу другого – легкого чувства спокойствия, когда находишься в условиях, в которые поставила судьба, признаешь их добровольно и по собственному желанию, но при этом в любой миг можешь изменить орбиту. Например, оказаться у моря, сказать ему «привет, давно не виделись!», даже если волны еще не успели смыть твои недавние следы на песке.

Моя тишина ничего не отнимает, да и не награждает ничем экзотическим. Мне просто хорошо в этом состоянии безмолвия. Нет ни вопросительных, ни даже восклицательных знаков. Только запятые и точки – все, как обычно, имеет начало, продолжение и... конец. Как

закономерное завершение витка, предвкушение нового начала и, конечно, продолжение всего хорошего.

Хочешь, скажу, когда была тишина, о которой я говорю? Ну, например, вчера. Мы просидели с тобой четыре часа на веранде, наблюдая, как движется вечернее солнце и по небу разносятся розовые вихри облаков. Сидели до тех пор, пока не замерзли, а когда замерзли, надели ветровки, заварили мандариновый чай и сидели еще, наслаждаясь звездной ночью. Казалось бы, обычная картинка летнего отдыха. Но сколько же в ней того, чем мы будем греться в заснеженные дни!»

Желтая деревня для меня, как мозаика, – складывается постепенно из разных кусочков улиц, дорог, переездов и, конечно же, людей. И чем больше красок в этой мозаике, тем глубже я в нее погружаюсь. Овальный город был репетицией невероятной красоты – той, что я встретила здесь. Желтая деревня, такая живая, естественная, совсем не похожа на Тоскану или Прованс, где все словно подкрашено для увлекающихся туристов и глянцевых страниц путеводителей.

В Желтой деревне нет ни бедных, ни богатых. Здесь одинаковые кирпичные домики, увитые виноградными лозами. Здесь для определения ценности ни с чем не сравнивают, не интересуются твоей национальностью. Здесь становится понятно, что дом там, где ты. Здесь у всех свое хозяйство, где все процессы подчинены законам природы – сливки густеют натуральным путем, фрукты наливаются в свое время от щедрого солнца и ласковых дождей.

В Желтой деревне меня не покидает ощущение, что последние годы я куда-то бежала второпях и только сейчас стала останавливаться. Шаги замедляются, и я наслаждаюсь окружающим миром – и почти африканским жарким ветром, и запахом горячих скал, и выцветшим небом с ленивыми облаками, и оладьями из шпината.

* * *

Вокруг так много света, людей, эмоций. Поток повседневных открытий и никаких разочарований. Может, они и есть, просто уже незаметны. Или, скорее, я их не замечаю, оцениваю беглым взглядом какие-то события, но разочарованиями уже не считаю. Так, небольшие колебания с неприятными вибрациями на пару секунд. Ну, как глазные капли: чуть пощиплет – и быстро отпустит. Так и с разочарованиями – я уже настолько хорошо закалилась, что не стану плакать над тем, что обязательно пройдет.

Многое, если не все, попробовано на вкус. Многое, если не все, испытано. Столько горького выпито, столько крепкого выкурено,

столько людей меня оставили – и столько моей же рукой удалено из телефонной книжки. Теперь я живу чуть медленнее, но и отважнее – чего бояться, когда большинство страхов за плечами.

Таким количеством «уже» в жизни, с одной стороны, гордишься, с другой... Иногда, ночами у окна, я грущу об этом, потому что не выбирала себе этой дороги, этой войны и таких ее последствий. Моя война сама меня выбрала. Насильно надела на меня доспехи, коротко постригла (да что там – совсем лишила волос!) и толкнула в спину боевым порывом – иди, вперед, сражайся! И я сражаюсь. Никаких сожалений. Просто, как я уже сказала, временами грустно. Не больше.

Больших сожалений я себе уже не позволяю. Сейчас выбрала быть счастливой – улыбаться миру и не думать о том, кто ушел, и о тех, кого я пыталась удержать. Это привычка, хорошая привычка – каждый день стремиться быть счастливой. Полюбить нового человека, открыть ему свое сердце и отдавать то хорошее, что есть во мне. Карусель новых стремлений: я уже другая, меня не узнать, похудела, пью чай без сахара, выбираю удобные сандалии и яркие рубашки.

Но временами, незаметно для окружающих, все-таки схожу с этой карусели. Отбегаю подальше, смотрю со стороны на новую жизнь со мной в главной роли. И я хотела бы, чтобы тот, кто остался там, в прошлом, тоже ее увидел. Вот, посмотри, я не погибла без тебя, стала сильнее и осанку теперь держу не только на фотографиях. Ведь он был недоволен, что я горблюсь, что я не такая грациозная, как девушка его друга. Выпрямилась.

...И вот я смотрю на себя со стороны и плачу. Знаешь почему? Оплакиваю себя умершую – ту мягкосердечную девушку, растворяющуюся в любви. К кому-то, ко всему миру. Я оплакиваю отсутствие возможности стать прежней – такой же стеснительной, верной и... глупой. Теперь все новое.

Вытираю слезы рукавом – все это ни к чему. Я не скучаю по прошлому, просто оно мне дорого. Иногда. Очень и очень редко. И уж точно из-за этой временной слабости я не откажусь от себя теперешней. Да и нет никакой возможности возвращаться назад. Просто той, прежней, меня больше нет.

Ее нет нигде на земле. Значит, возвращаться не в кого. Некуда.

Я дышу. Я сейчас открыта всем ветрам, любящая, приятно встревоженная, отошедшая от борьбы с самой собой. Рэ работает над книгой, а я, потушив баклажаны со стручковой фасолью, спускаюсь к морю. В утреннее время берег пуст, лишь чайки, смешно переваливаясь, бегают по горячему песку от волны к волне, наслаждаются безлюдьем. Лазурная морская гладь до самого горизонта, и такое ощущение, что я всегда была здесь и что это единственное лето из всех возможных.

Сажусь на песок, укрываюсь от солнца под большой желтой шляпой, закрываю глаза и щиплю себя за ногу. Мне трудно поверить, что это происходит со мной. Мне трудно поверить, что еще полгода назад я покидала безжалостные больничные коридоры с диагнозом, больше похожим на приговор. Сейчас я чувствую себя так хорошо, что уже сомневаюсь в компетентности врачей, – может, нет никакой болезни, может, все это не про меня?..

Я будто вернулась в свое тело, на которое последние несколько лет смотрела со стороны безучастным взглядом. Такие перемены за столь короткий срок. А ведь совсем недавно пыталась жить с отключенным сердцем. Ну, это когда устаешь чувствовать – и плохое, и даже хорошее. Когда случается переизбыток абсолютно всего и кажется: еще чуть-чуть – и сердце остановится за ненужностью. Тогда единственное решение – отключить его самостоятельно.

Будто отсоединяешь провода, и первое время так хорошо... Больше не суетишься в погоне за счастьем, не стремишься достичь побыстрее то одного, то другого, не торопишься получить, встретить, начать или завершить что-то. Не огорчаешься из-за задержек и отсрочек. Внутри все стихает, разглаживается, затухает. И ты, словно некогда теплый дом, холодеешь, пустеешь и только несешь в себе скорбную память о покинувших эти стены жильцах.

Так может продолжаться долго – месяцы, несколько лет. Но потом, когда звенящая пустота в тебе вытеснит все остальное, оставив только былые рефлексy, ты вдруг падаешь на пыльный пол, обнимаешь колени и плачешь. Плачешь навзрыд оттого, что больше не можешь так жить. Без чувств, без сердца, без переживаний, пусть и грустных.

Включу сердце, пока не поздно! И пусть оно погибнет от разрыва тревог и сомнений, но я хочу слышать его удары. Ведь в каждом из них – я. Со всем, что было и будет.

Это все мое. Плохое или хорошее – не важно.

* * *

После обеда Рэ засел обсуждать по скайпу со своим редактором концепцию очередной книги, а я не хочу мешать, лучше погуляю по берегу. Сегодня невероятно жарко, дома сидеть невозможно, тянет к прохладе, свободному дыханию вне каменных стен. Я пребываю в гармонии с этим летом. Хотя долгое время не любила пору накаленной солнцем земли. Может, оттого, что в Городе непогод оно было редким гостем.

Летом на меня всегда резко обрушивалось огромное количество проблем, случалось обострение всего того, что постепенно накапливалось в течение года. И поэтому каждый раз с приближением июня меня охватывал страх. Старалась на три месяца максимально уйти в тень – никаких планов, мероприятий, поездок. В последнее время брала отпуск, уезжала к бабушке на дачу и старалась прожить совершенно неприметную жизнь.

Сейчас все иначе. Мы с летом ладим. Оно не душит меня неприятными событиями, а я больше не боюсь ничего начинать. У меня уже есть новое начало – Рэ, Пако и маленький мир с друзьями, садами из персиковых деревьев и морем до горизонта.

Те, кто начинает новый день со встречи с морем, не могут быть злыми или несчастными. И какое это море – летнее или зимнее, – не имеет значения. Когда видишь, как просыпается солнце, как мягко потягивается вода, жмурясь от первых лучей, понимаешь, что совершенно не важно, на чем спать, что у тебя есть и куда нужно спешить после того, как проснешься. Главное – дожидаться утра, чтобы открыть глаза и обнять взглядом море.

Я счастлива, что эта возможность у меня есть. Я счастлива, что нашла наконец-то свое место, свою географическую отметку, которую не хочется менять. Теперь у меня есть свой город и даже своя маленькая деревня. Помню, раньше, приезжая в какой-нибудь новый

город, я первым делом задавала себе вопрос: а хотела бы я здесь жить? Ответ, как правило, был отрицательный. И пусть это был самый цветущий город с богатой историей и развитой инфраструктурой – для меня эти детали никогда не были важнее голоса сердца. Именно оно должно было сказать: «Север, вот оно – твое место». Я меняла направления, часовые пояса и полушария, но при этом чувствовала, что мой город где-то терпеливо ждет меня. А я ищу его. И вот отыскала. Мы вместе.

Вчера я спросила у Рэ: «Почему никто, кого я спрашиваю о любимом городе, не называет тот город, в котором родился и живет?» Он не сразу ответил. «Не знаю, милая... Быть может, нас всех разбросали по миру и перемешали в нем для того, чтобы каждый сам искал свое место. Сердцем».

Сейчас мне хорошо, и именно тогда, когда мне становится хорошо, я задумываюсь, почему не смогла обрести эту легкость «до». Неужели я должна была так много растерять, пережить, похоронить, прежде чем спокойно вдохнуть и так же свободно выдохнуть? Наверное, так всегда – долбишься головой о стену, и именно в тот момент, когда совсем отчаешься и смиришься, на тебя тонкой струйкой начинает сыпаться крошка расшатанных кирпичей. Открывается путь, выход, тоннель – каждый по-разному это называет, но в тот самый момент все одинаково воспринимают как спасение. Кто-то в пережитых сложностях видит плату за будущие награды, а кто-то списывает все на судьбу со словами «значит, так должно было быть».

Я смотрю с веранды на сидящего в гостиной Рэ, его сосредоточенный на ноутбуке взгляд, кудри, небрежно спадающие на лоб, шрам над губой, которого обычно не видно за щетиной, – и понимаю, зачем были необходимы эти преграды. Чтобы осознать, нужно ли мне по-настоящему то, что сейчас у меня есть. То, что сейчас окружает меня. Я всегда хотела такого спокойствия, такого мягкого ветерка из приоткрытой форточки, такого молчаливого мужчину с красивыми руками. И такую веру в завтрашний день, особенно если он может стать последним.

* * *

Теплый тихий вечер, и такое ощущение, будто вся Вселенная смотрит на нас с любовью. Такое оно прекрасное, наше лето. И мы поселимся в нем, пожалуй, когда умрем вместе, от старости...

Постелили большое одеяло на веранде, набросали подушек, я положила голову ему на живот, а он перебирает мои волосы. Удивительно, они уже успели отрасти до симпатичного каре. Благодаря смеси из масел грецкого ореха и миндаля – я втираю ее по утрам, буквально на два часа, а потом смываю, перед походом на пляж. Мне нравится запах кожи Рэ, немного влажный, но при этом теплый. Он

пахнет... солнцем после дождя. Вот, да! Я целую его крупные пальцы, с легкой порослью и немного неаккуратно подрезанными ногтями. Целую – и еще раз убеждаюсь в том, что люблю настроение этого мужчины, каким бы оно ни было.

Он не меняет своих решений. Он переменчив в настроениях, похожих на незаметные подводные течения, – ты не почувствуешь изменения, пока глубоко не нырнешь. Но Рэ старается ничем не выдавать свою эмоциональность – из-за приобретенных страхов.

«В прошлых отношениях мне трудно было скрывать свою переменчивость. Не позволять себе дождей, прятать тучи, улыбаться, играть независимость от пасмурных циклонов. А ведь это очень важно – прочувствовать и принять погоду друг друга. У всех она разная. Один живет в вечной осени с равномерными и безучастными дождями, другой – в одухотворяющей весне, где после дождливого дня непременно наступает солнечный. Важно не заставлять ближнего быть тем, кем ты хочешь его видеть. Не упрекать. Все равно он останется собой, вернется в свою погоду, пусть и самую холодную на планете. Лучше с самого начала принять погоду любимого человека, ее светлые качества, показать ему лучшие качества своей и создать один на двоих общий климат».

Он понимает и даже предсказывает мое самочувствие. За все это время мы настолько синхронизировались друг с другом, слились в один циклон, что настроение Рэ часто точно отражает мое состояние. Но я стараюсь много об этом не думать, чтобы не гордиться, а просто быть рядом. Уважая свободу друг друга. Радуя друг друга, не ожидая ответного жеста.

Быть может, кто-то скажет, что в одиночестве можно быть более свободным, честным и смелым, – тот, кто приспособился к жизни в самом холодном месте и даже приучился улыбаться. Но все это не имеет ничего общего с переполняющим счастьем взаимной, сознательно возвращенной любви. Когда совпадают все бугорки и ямки, продлевают друг друга все линии и формы. И с чем сравнить чувство одновременно обжигающего и прохладного трепета внутри, когда любимый порывисто обнимает тебя у порога со словами «как же долго тебя не было»... Хотя прошло каких-то десять минут, пока ты сбегала за домашним вишневым джемом в магазинчик у мельницы.

Если бы раньше кто-то рассказал мне такую летнюю сказку, я бы точно не поверила. Но счастье просто случается, веришь в него или нет. Случается даже с рыжими девушками.

«Несчастливая любовь – это как... боль в горле. Вполне совместимая с жизнью, просто неприятно, но и не думать о ней невозможно. Помогает ненадолго чай с лимоном и медом, а еще – время и молчание. Когда говоришь, только больнее становится – даже дыхание перехватывает. Поэтому лучше сесть и записать. С каждой буквой наблевшее становится отблевающим. Правда, сразу этого не почувствовать – эффект наступает чуть позже».

Она наливает мне капучино из кофемашины и улыбается, посыпая пышную молочную пенку молотой корицей. «Сколько лет здесь живу, но так и не приучилась варить кофе в турке. Приехала сюда вместе со своей кофемашиной. У нас с ней давняя любовь, я ее выиграла в телеконкурсе. Готова просто делать кофе и не пить – потому что столько не влезет, – только ради того, чтобы видеть эту густую молочную пенку».

Ее зовут Панда. Она переехала сюда из Болгарии. Там, в Поморье, она прожила шесть лет, а потом решила вдруг «мне пора дальше» и приехала сюда. В маленькую «персиковую» деревушку, где ее все принимают за свою. Панда – брюнетка с белой кожей. По ее виду никогда не скажешь, что она из северного города, где снега больше, чем солнца.

Я не спрашиваю ее настоящего имени, но спрашиваю: почему именно Панда? «Этому несколько причин, как-нибудь расскажу подробно. Но Панда – очень мое, мой характер и моя любовь к бамбуку, его прямым и строгим силуэтам. Недавно мне друг из Баку прислал вырезку из какой-то энциклопедии, характеристику панд. Ну, понимаешь – точно про меня, как индивидуальный гороскоп. Там, например, написано, что панды незлобивые и дружелюбные, но могут вести себя агрессивно, если что-то или кто-то вторгается в их личное пространство».

Мы познакомились с ней на рынке, у овощной лавки. Я хотела купить кабачков и, пытаясь вспомнить, как они называются на английском, нечаянно назвала их русским словом. «Привет, соотечественница! Не теряйся, они поймут, если скажешь цуккини. А еще проще – указать на них пальцем». Я обернулась и сразу

почувствовала – родная, своя. И прямолинейная. Она легко общается с местным народом, резво отшучивается, обнимает старушек, которые называют ее дочерью. Здесь она чувствует себя так свободно, будто она из этих краев. Будто она никогда не знала мегаполиса с безучастными толпами.

«Знаешь, я долго воевала. Как и ты. С собой, с окружающим миром и с его отношением к себе. Долго воевала, потом в один день просто перестала. Перестала ждать, упускать, разочаровываться и плакать. Женские слезы больше расходуются по внутренним причинам, чем по внешним. Поэтому я и начала лечить то, что внутри. И получилось. Не сразу, конечно. Но у меня характер выносливый, яростный. Неспроста я родилась двадцать третьего февраля, в мужской праздник. В детстве, люди, узнав, когда у меня день рождения, шутили: “Наверное, папа очень хотел сына!” Ну а я шутики, наверное, не очень хорошо понимала... Вот все свои тридцать два года и шла мужской дорогой – воевала, добивалась».

Мы сидим с Пандой в ее маленьком домике, в двух шагах от Встречного переулка. Она старательно протирает линзу своего фотоаппарата, я наслаждаюсь ароматом капучино, а Кавамура-сан, развалившись на стуле, чешет за ушком, изящно отставив заднюю лапу. Я люблю этого кота, думаю, они с Пако подружились бы.

Панда подобрала его на улице. Кто-то отрубил коту хвост. Она не смогла оставить без помощи истекающее кровью животное: «Я назвала этого бездельника Кавамура-сан в честь кота из книги Мураками. Он тоже был без хвоста... Вот, скрашивает мой досуг. Ты, наверное, не поверишь, но здесь мне так легко и свободно, что я совсем не ищу новых отношений, нового мужчину. С меня хватит! Временами полезно пожить для себя. Не неделю, не месяц – больше. Как бы цинично это ни звучало, но отношения – это тоже своего рода работа. Просто мне не всегда везло. Работала только одна я. Тогда как надо вдвоем, а не по отдельности».

Я смотрю на Панду – и вижу в ней своего... ангела-хранителя. Хотя мы знакомы чуть больше месяца. Но не все измеришь временем, особенно если его остается не так много. Оказывается, ангелы-хранители – свои в доску парни (или девчонки?). Умеют показывать средний палец приставающим ухажерам, аппетитно фотографировать

вкусное и запросто объяснять то, что ты чувствуешь, но не всегда умеешь выразить.

А еще моя Панда дуется, когда я быстро, мимолетно, сама не заметив, скажу что-то резкое. Отведет молча взгляд – значит, не понравилось. Да я и не пытаюсь ей угодить. С ней я такая же, как дома. А когда ты пускаешь человека в свой дом, значит, он уже свой.

«Когда она ушла, я долго искал ее. Знал, конечно, что оглядываться, перебирать толпу бессмысленно, ее нет в этом городе, она в Стамбуле, но все равно глаза сами искали ту, которая вдруг растворилась в небытии, а я остался помнить и быть.»

Шагал по дорогам наших воспоминаний – по проспекту, где гуляли босиком в летнюю ночь, снимая друг друга на камеру телефона; по бугристым дорогам Старого города с уютной кафешкой на маленькой кривой улочке, куда мы забежали поесть обжигającego грибного супа; по вестибюлю станции метро, где после долгой ночной прогулки мы едва не заснули в последнем вагоне, – иногда мне казалось, что все это было не со мной и не с нами.

А было это с героями одной из зачитанных до дыр книги, которые вдруг стали нами, без нашего разрешения. И понимаешь: ничего нельзя с этим поделать, остается только принять развитие сюжета и ждать развязки. Это все придуманное, вычитанное, но становится самой живой жизнью. Неистребимыми впечатлениями, которые в итоге расслаиваются на две части. У нее свои, у меня свои. В воспоминаниях мы вдвоем, но в реальности давно уже перелистнули последнюю страницу книги.

До недавнего времени я ненавидел слово “реальность”.

** * **

Когда она ушла, я долго жил с этой печалью в сердце. Не знаю точно сколько, наверное, года три. Тридцать шесть месяцев бесконечных попыток начать новый этап, выработать новое отношение к тому, что было, заново обратиться к миру и все такое. Меня хватало максимум на неделю – и я, как отчаянный наркоман, срывался и снова дрожал над осколками разбитых отношений.

Может быть, если бы мы оба пришли к тому, что нам нужно расстаться, приняли такое трезвое решение без эмоций, чтобы сохранить то хорошее, что было, боль не была бы такой острой...

Никто никогда не поймет твоей печали так, как переживаешь ее ты. С тех времен я перестал рассказывать друзьям, что со мной происходит. Да, они могли выслушать меня, покивать, в чем-то даже понять, но все равно я не получал от них той реакции, которую ждал. Простой поддержки, без глупых сравнений и ничтожных советов вроде “хочешь быть счастливым – будь им”. Слова, слова, слова. А ведь на деле все не складывается так просто. Знаешь, на что это похоже? Как в детстве – крутишь, вертишь кубик Рубика, и вот уже вроде получилось. Но нет: раз – и выскочит другой цвет. И тогда... бывает, хочется все бросить.

Каждый в тот или иной период жизни устает бороться. Хорошо, если это всего лишь усталость – она имеет свойство проходить. Выспишься как следует или уедешь на время к морю, и силы снова возвращаются... Путь назад, к новому прорастанию в жизнь был долгий. Казалось бы, три года не так много. Но для меня эти три года были как три жизни, с опытом которых я родился снова, и уже другой.

** * **

Она ушла, и я больше не жду ее. Знаешь, когда я понял, что отпустил ее? В тот день, когда осознал, что больше не боюсь нашей встречи. Я смогу с ней спокойно поздороваться, спросить “как ты?”, попрощаться и продолжить путь. Так и произошло.

В прошлом году мы столкнулись в одном маленьком прибрежном ресторанчике, совершенно неожиданно. Все так и случилось: я поздоровался, поинтересовался ее самочувствием и, пожелав всего доброго, двинулся дальше. И слезы не навернулись, и кома в горле не было, и никаких переживаний после. Правда, что-то защемило в сердце, но буквально на секунду – быстро отпустило. От горячей любви остался только вежливый интерес.

Вот так все и прошло. Теперь мои воспоминания не оживают в часы осеннего сплина, когда за окнами тарабанит дождь, и я больше не набираю в задумчивости ее имя на страницах рабочих документов, и не таскаю в какой-то нелепой надежде ее любимую карамель в карманах плаща. Пусть она живет внутри моего прошлого и на

страницах изданных книг. Она там такая, какой я ее запомнил. Хрупкая девушка со смуглой кожей, пахнувшей соленым морским бризом, в моей майке, с томиком стихов в руках.

Я хочу, чтобы она была счастливой. Не важно, одна или с кем-то. Главное – счастливой.

В своих книгах я пишу о том, что нужно верить, искать, быть открытым для нового. А сам только недавно этому научился. Нет, я и раньше все это знал и многое умел. Но когда потерял то, чем так дорожил, все остальное вдруг оказалось таким бессмысленным. Вот такие моменты и проверяют тебя на искренность и верность принципам.

Пока все в ажуре, мысли приведены в повседневный порядок, а рядом верный друг, ради которого хочется свернуть горы, нет даже намека на то, что в один день все может как-то перемениться. Не говоря уж – закончиться. А наступают перемены – они, вообще-то, всегда наступают, – и оказывается, что гармония казалась незыблемой, а была хрупкой и временной.

Любые отношения время от времени проходят проверку на прочность. Мы с Зейнеп, еще не зная этого, решили: наша вера друг в друга настолько сильна, что ничто не сможет ее разрушить. Да, со стороны ее ничто и не разрушило, мы сами постарались, в щепки разнеся то, что построили, представляешь? Своими же руками, Север! Все началось с маленьких обид, а закончилось одной большой невыносимой ношей.

Она ушла. “Кто-то из нас обязательно уйдет. Лучшие я первая сделаю это. Ты сильнее. Ведь всегда сложнее тому, кто остался. А я не смогу этого перенести. Здесь. В этом городе, где каждая улица – наша”. Вот так в один день не стало всего того, во что я так верил. Я отвез ее в аэропорт, помог с багажом, обнял в последний раз.

Обнимая, не хотел отпускать так... легко. Но я понимал, что удержать женщину, которая решила уйти, невозможно. Она все равно уйдет – днем, неделей, месяцем позже. Я сказал, что люблю ее. Она выбрала промолчать в ответ. Это был наш последний день вместе. Последний день, когда я не осознавал щедрости своей судьбы. После него последовали месяцы, годы, в течение которых мне пришлось учиться жить заново. Верить, ждать, двигаться вперед и... любить.

Последнее получилось благодаря тебе. Спасибо.

* * *

*В Желтой деревне я нашел то, что искал, наверное, все свои тридцать лет. В турецком языке есть замечательное слово *huzur*. По словарю – “покой”, “безмятежность”. В исламе *huzur* считается проявлением внутренней связи человека со Всевышним. Север, я нашел свой *huzur*, и для меня это намного больше, чем умиротворение или безмятежность.*

Для меня это тишина внутри – ее не нарушает старинная безбрежная тоска и не стесняет багаж воспоминаний. Раньше добрая половина воздуха и пространства вокруг была занята образом человека из прошлого. Теперь я понял, прочувствовал, как стоит жить, как правильно и как хочется, и у меня достаточно решимости начать заново и хватит сил продолжать.

По ночам я выхожу на веранду. Вокруг темно, я вслушиваюсь в шум прибоя, стрекот цикад, редкие крики какой-то неизвестной птицы и предвкушаю, как через минуту я затушу сигарету и вернусь к тебе, мирно спящей сразу на двух подушках – своей и моей.

Я поцелую тебя в подбородок, ты тихонько пробурчишь что-то, и я тоже погружусь в спокойный сон с мыслями о том, что наступающий день обязательно будет лучше, чем уходящий. И пусть наши дни так похожи друг на друга, это не надоедает. Наоборот. Мы оба устали от всего непредсказуемого и хаотичного, и нам вполне достаточно того, что есть сейчас. Только Пако не хватает для полного счастья, но совсем скоро он будет с нами – уже в четверг Начо его привезет.

Я хочу, чтобы мы провели здесь много-много дней. Пусть они будут не такие теплые, пусть в них будут дожди и грозы, – настоящие тепло и свет существуют между нами. Я больше не буду говорить о гармонии. Это такое шаткое, непостоянное понятие. Я просто счастлив, что мы есть друг у друга. И что нам хорошо – по отдельности и вместе. Эти оглядки назад, попытки переосмыслить, пересмотреть, переслушать – я избавился от вредных привычек прошлого. Думаю, и ты тоже.

Редактор сообщил: через неделю перечислят аванс за книгу. Оплатим аренду дома до конца года. А еще освежим стены, утеплим

рамы, починим лестницу, поменяем ванну, и плиту тоже. Начнем подготовку к следующему времени года. Ты же любишь осень?»

Рэ рассказывает о том, что было, а я поражаюсь, как его слова оборачиваются для меня своим, пережитым до каждого вздоха тоски. Его обращение к прошлому не отзывается во мне желанием проникнуть еще глубже, осмотреть все детально. Вообще-то это в порядке вещей. Нам, женщинам, хочется пролистать прошлые дни своего мужчины не для того, чтобы изучить «врага», не наступать на те же грабли или выработать лучшую стратегию поведения, а просто... чтобы быть в курсе. Создать новую незримую связь, комфорт и психологическую защиту от неприятностей. Чем лучше знаешь человека, тем быстрее и точнее угадываешь его реакции. При этом мы внимательно слушаем, не нарушая границ рассказчика. Но потом, если что-то осталось недосказанным, мы непременно вернемся, тактично разузнаем – незатейливо, между делом.

Я слушаю Рэ как старого доброго друга, рассказ которого – еще одно доказательство тому, как схожи наши истории. Я слушаю Рэ, и вкус какой-то упрямой победы дрожит на моих губах. «Север, ты не сдалась, ты верила и смогла отыскать своего мужчину!» Не люблю слова «половинка». В нем столько человеческой ущербности – если ты не можешь обрести гармонию наедине с самим собой, то как ты собираешься найти ее, если вас будет двое?

Я понимаю, что Зейнеп оставила большой след в его жизни. Не буду стараться заполнить собою ту пустоту, что образовалась с ее уходом. Пусть весь этот опыт останется с ним. У того времени свой почерк, свой автор. Но я сделаю все, чтобы Рэ не тревожили эти раны. Я хочу быть для него той, с кем он будет смеяться так же естественно, как дышать. Болезненные темы остаются, никуда не исчезают, не превращаются в табу. Но если ты можешь говорить об этом без тоски и страха, если не дрожит голос и не подступают слезы, то, значит, прошлое окончательно отжило и само хоронит своих мертвецов.

Как бы мы ни мучились от тяги к нему, обязательно наступает день, когда остается только осознать, что все закончилось. На самом деле. И больше не возвращаешься в прошлое, больше не хочешь им жить. Наоборот – пытаешься снова почувствовать распахивающий сердце восторг и пережить окрыляющие чувства, как в дни, полные

любви... Главное, ты хочешь возродить себя и подарить свои лучшие качества новому человеку, который идет тебе навстречу. Или уже пришел.

Нам удалось перевернуть страницу пережитого. И, приступая к новой, мы благодарим свой опыт и людей, которые нам его подарили.

* * *

Я больше не оставляю для тебя места во всем, что со мной случается. Это бесполезно и... не нужно. Вот где я нашла смирение – в этом «не нужно». И мне хорошо. Дыхание стало легким и свободным. Снова люблю ночные дороги и позволяю себе думать только о настоящем. Засыпаю спокойно, почти не вижу снов. Живу в другой стране, где тебя никогда не было. И не будет. Реалии моего прошлого сильно подешевели.

Я проснулась раньше обычного. Заварила кофе, приготовила для Рэ омлет с разноцветными сладкими перцами и побежала здороваться с морем. Сегодня последний день тишины, завтра приезжают Начо с Пако. Соскучилась по ним. По вечно умному взгляду и мокрому носу Пако. По анекдотам Начо и ее уморительным историям о неустрашимых недостатках очередного кавалера. Мы будем много смеяться, пить холодное белое вино, а думать – как можно меньше...

Я прохожу по старой площади Суэрто, где в воскресные дни разворачивается шумный рынок для туристов. Сегодня +38. Устала, ухожу в тень. Прижимаюсь щекой к сухой, потрескавшейся стене, сохранившей в себе звуки, голоса прошедших лет. Притронувшись к растрескавшемуся, но все равно мощному камню, я неожиданно уловила в нем общую с собой черту. Люди – как стены: либо окончательно разрушаются под натиском перемен, либо выдерживают, пусть и потеряв кое-что в этой схватке.

Я родилась слабой. Семимесячной, с асфиксией. «Врачи сомневались, что ты выживешь. Тебя поместили в специальную камеру, и Катя каждые два часа приходила, разговаривала с тобой. Ты была ее надеждой... Честно говоря, я уже не думала, что она станет матерью. Слишком жесткая, твердая, самоуверенная – какой бы мужик с ней поладил? Ее сила и помогла отвоевать тебя у смерти». Я вспоминаю слова бабушки и размышляю о том, что смерть все равно в итоге побеждает. Как бы я ни лечилась, куда бы ни уезжала, она все равно настигнет. Но если раньше я боялась этого, то сейчас прижимаюсь к стене на площади Суэрто – и от страха нет и следа. Сильнее я, а не он.

Череду дней я проживаю с одним желанием – жить в полную силу. Чувствовать вкус чая со свежими персиками, открывать по утрам окно навстречу бризу, держаться за любимые руки, писать дневник, покупать фрукты на рынке, мыть деревянные полы веранды, развешивать наши с Рэ фотографии над письменным столом, блаженно жмуриться от запаха шампуня. А еще надевать веселые теплые носки и класть в ноги грелку, несмотря на то что душно и открыто окно. Ноги у меня, кажется, живут какой-то отдельной жизнью...

Мое желание жить похоже на легкую эйфорию, когда наконец не нужно думать, как когда-то раньше: вот накоплю денег, вот похудею, вот поменяю работу или встречу большую любовь... и начну жить. Во мне растет чистое и бескорыстное стремление наслаждаться жизнью. Имея то, что есть. Жить одним днем. Улыбаться не только снаружи, но и внутри себя. Готовить на уютной кухне, вытирать руки крахмаленным полотенцем, пробовать на вкус еду. Доставать белую посуду разных форм и выкладывать в нее приготовленное. Кстати, сегодня надо выбрать блюда для застолья в честь приезда Начо. Мясо готовить не буду – жарко. Приготовлю что-нибудь легкое, но необычное.

Я сижу на берегу, наслаждаясь спокойным плеском волн, впуская в душу утренние крики чаек и соленый ветер. На часах 9:30. Рэ уже проснулся и, должно быть, чистит зубы своей зеленой щеткой. Через пару минут он пройдет на кухню и улыбнется горячему кофейнику. Я чувствую каждый твой шаг, мой самый любимый писатель! Я настроена на твою волну. Никогда не забуду твои глаза в больнице, когда я проснулась и увидела тебя рядом. И черные кудри, и аккуратную щетину, и рубашку в белую и фиолетовую мелкую клетку.

А еще не забуду твои пальцы, которыми ты утирал мне слезы, когда я рассказывала о печалях, оставленных в Городе непогод. О холодных, бесконечно долгих месяцах, когда я стояла на переполненном перроне в метро, оглядывала толпу и никак не могла отделаться от мысли: зачем нас так много? Ведь мы даже не все счастливы, не говоря уж о том, что не все мы хорошие ребята! О том, как хочу стать счастливой и оставить свои тяготы, как оставляют официантам на чай – ровно столько, чтобы не обидеть, ровно столько, чтобы не запомниться.

Рэ, моя любимая Погода, я скучаю по тебе даже тогда, когда мы в разных комнатах. По всему, что было и чего уже не будет. Чувство к тебе всегда в особом месте – в сердцевине, во мне. Там, где начинается вдох.

Ты – будь. Ты будь частью меня, как есть. Как будет.

Панда разворачивает маринованные виноградные листья. Я настаиваю, чтобы она надела перчатки, потому что от засоленных листьев пальцы чернеют, но Панда отказывается: «Мне так приятно участвовать в процессе, чувствовать себя нужной на кухне. Я же особым кулинарным талантом не отличаюсь, только омлеты могу сообразить, пасту, максимум маффины... А здесь такое необычное блюдо – рисовая долма. Я о ней только слышала».

Тем временем я занимаюсь начинкой для долмы. Рис отвариваю до полуготовности. Добавляю в него мелкий изюм (желательно коринку), корицу, немного сахара и сушеной мяты. Обжариваю на оливковом масле мелко нарезанный лук, кедровые орешки, слегка солю, перчу, даю остыть. Затем смешиваю вместе с рисом и измельченной петрушкой. Ура, начинка готова!

Кладу на разделочную доску листик, на него выкладываю чуть больше чайной ложки фарша и сворачиваю тугим рулетиком. Панда внимательно следит за процессом: «Слушай, а это не так сложно, как мне думалось. Правильно сделала, что решила не готовить мясную долму. При сорокоградусной жаре баранина – еда тяжелая! А это вкусно и легко для желудка».

Плотно складываю долмушки в кастрюлю с толстым дном, которое полностью покрыто слоем виноградных листьев. Чтобы долма не всплыла и не развернулась во время варки, кладу сверху тарелку подходящего размера. Потом заливаю долму водой и на час ставлю томиться на маленьком огне. Подавать рисовую долму буду холодной. Только чуть сбрызну лимоном и оливковым маслом.

Перед тем как заняться овощами для салатов, выходим с Пандой на перекур. Точнее, перекур у меня, а она пьет капучино: «Даже в жару не могу без него». Панда сегодня еще красивее. Длинный сарафан с ромашками, сланцы, волнистые темные кудри и знаменитая цветная татуировка из бабочек на загорелом плече. Говорю ей об этом, а она «отстреливается»: «Ты все равно красивее, Север. У тебя глаза горят любовью, а это самая лучшая красота на свете».

Сама Панда пока не готова к новой любви – раны еще не зажили. «Хотя, наверное, к любви невозможно быть готовой, она нагрянет без

спросу и предварительного стука... Иногда мне кажется, что я слишком требовательна к любви, вот она меня и боится. Я, к примеру, не люблю, когда женщина называет мужчину, с которым долго живет, но не расписана, – “муж”. Может, я слишком категорична, но муж – это муж. А Вася, Петя – это любимый мужчина, “зайка”, “масик”. В общем, кто сердцу мил, но не муж».

Мы с Пандой возвращаемся на кухню, продолжаем готовить для завтрашнего дня, а заодно и обсуждаем то, что переживаем сейчас. Она рассказывает о своем, я – о своем, но многое выходит похоже, связано, и диалог получается бурный. Осознаем что-то новое, по-новому начинаем смотреть на то, что имеем.

Хотя по природе панды молчаливые и чаще грызут бамбук, чем «говорят», моя Панда совсем особенная – она всегда выдает нужное, то, что в этот момент актуально для нее, а часто и для меня тоже: «Вот я за тобой наблюдаю: за тем, как ты смотришь на Рэ, как даешь ему попробовать рис, ухаживаешь за ним, и восхищаюсь – как ты его бережешь! Между вами такое открытое и нежное чувство, в какое многие из нас и верить перестали, увязнув в одиночестве. Но вот оно пришло, связало тебя с другим человеком – и вы счастливы. В эйфории этого счастья можно быстро забыть еще не такое далекое вчера. Начать строить вокруг своего счастья новую философию, будто так было и будет всегда: эти бессонные ночи, полные страсти, эти милые подарки от любимого человека, длинные дороги ради короткого времени, проведенного вместе...

Эта новая радость таит в себе опасность отделить себя от других, отнести их к категории несостоявшихся, ненашедших себя. Можно начать обижать других такими словами, которые еще недавно не сказала бы, потому что самой было так же больно. Знаешь, я не считаю, что сожаление и разочарование должны быть постоянными спутниками. Нет, о них просто не нужно забывать. Известно – счастье познается в сравнении. Иногда полезно вспомнить вчерашнее, чтобы сильнее ценить настоящее».

Я нарезаю сыр для салата и улыбаюсь оттого, что уже ничего ни с чем не сравниваю. У меня особый случай. Держусь за то, что есть вокруг меня именно сейчас. Я наслаждаюсь сегодняшним днем, понимая, что это вряд ли успеет мне надоесть – у болезни свои сроки.

Вот сегодня я проснулась с необычным ощущением: у меня ничего не болело. Ни шея, ни спина, ни низ живота. Я проснулась утром, улыбнулась солнечному лучу, погладила легкомысленный голубенький сарафанчик и вприпрыжку убежала на рынок.

Там меня уже ждала Панда.

Приготовления на завтра завершились. Я докуриваю последнюю сигарету на веранде и собираюсь идти спать. Наверное, Рэ видит уже двадцатый сон, а я, проводив Панду, прибрала на кухне и вышла послушать ночь. Сегодня она угрюма, но все равно прекрасна. Из-за персиковых рощ доносится буйный рев моря. По небу карабкаются насупленные тучи. Завтра будет дождливая погода, но, думаю, ненадолго. Освежит округу после жары и уйдет восвояси. Зато легче будет дышаться, и... дождь у моря – это так прекрасно.

Еще прекраснее – залезать в постель, обнимать Рэ, такого большого и теплого, и засыпать, ни о чем не думая. Это так непривычно для меня. Это так хорошо и счастливо – закрывать глаза не с желанием быстрее проводить тяжелый день, а от... тишины внутри. Такой убаюкивающей и такой долгожданной. Когда спокойствие приятно растекается по телу, проникает в каждую клеточку. Когда любишь *своего* человека и больше не страдаешь от самой мучительной бабской фигни, изводящей бесконечными ночами.

Как проявляется эта фигня? Вдруг начинаешь вспоминать что-то из прошлого – раз начнешь, два, три, а потом уже нет сил остановиться.

Я целую тебя в плечо, ты сонно улыбаешься и прижимаешь меня к себе. Рэ, душа моя, завтра нас ждет еще один хороший день, у нас соберутся любимые друзья, и Пако будет с нами. Завтра я буду любить тебя еще сильнее, чем вчера.

Знаешь, иногда случается такое, что я не сплю всю ночь. Не спит то, что внутри меня. Там идут странные процессы, будто кто-то за меня моделирует наше с тобой будущее, о котором я стараюсь не думать. Не из-за того, что не верю в него. Просто до тебя я часто мечтала – строила замки, и в итоге они разрушались на моих глазах. Я полагала, что строю замок из надежного камня, а в реальности это оказывался прибрежный песок. С тобой я ничего не строю, Рэ. С тобой я вижу все настолько отчетливо, что сама пугаюсь столь яркой картинки.

Я вижу, как мы с тобой покупаем маленький домик в Желтой деревне и живем так же, как живем сейчас. В тишине. Когда слова

излишни, достаточно взгляда – и все понятно. Это не идеальные отношения, которые случаются только в книжках. Это всего лишь отношения двух людей, выбравших друг друга, чтобы стать счастливыми вместе.

Я вижу это будущее, но не хочу рассказывать тебе о нем. Лучше пусть оно останется во мне. Но я сделаю все, чтобы мы к нему пришли. Я буду стараться вопреки всем диагнозам, страхам, испытаниям. Ты – первый человек, с которым я представляю совместное будущее. Раньше ни с кем не совпадала.

Мы с тобой любим одни и те же вещи, хотим одного и того же. У нас одни и те же достоинства, которые мы будем развивать, и недостатки, которые примем такими, какие они есть. Мы с тобой оба не желаем считать отношения между мужчиной и женщиной взаимной работой, ежедневным трудом. Потому что людям, которые искренни в своей любви друг к другу, не нужны общие советы и правила: они сами интуитивно знают, как будет лучше для их отношений. Это не игра по правилам. Это глубокое понимание и интерес к ближнему.

Знаешь, Рэ, в прежних отношениях я ждала одобрения во всем. И когда не получала его, уходила в себя. Сначала, конечно, разбирала случившееся на детали, сопоставляла свои желания и требования. В итоге взваливала на себя все причины разлада и, разочарованная и потерянная, ругала себя за что-то или за кого-то. Так прожила много лет. И хотя я не люблю излишней сентиментальности, но теперь все складывается по совершенно иному сценарию... И я больше не хочу чувствовать себя той, кем была.

Поэтому сейчас я ничего не жду Просто живу. И вот единственное мое желание: будь рядом.

Начо, друг мой, я делюсь с тобой своим счастьем! Его так много в сердце, что вот-вот прольется за края. Хотя счастья, конечно, не бывает много или мало – оно либо есть, либо его нет. Наверное, в прошлой жизни я была очень-очень хорошей, какой-нибудь монахиней, раз в этой мне достался Рэ. А он, наверное, вел себя как попало – поэтому теперь мучается со мной. Это я шучу, Начо! Я пытаюсь сделать его счастливым – настолько, насколько могу. Он пишет книги, я тихо сижу в соседней комнате, прислушиваюсь к его движениям, выдохам сигаретного дыма, стуку пальцев по клавиатуре.

Когда я гуляю по набережной, мне постоянно хочется смотреть в небо. Благодарить высшие силы за то, что мы с Рэ добрались друг до друга. Так странно: я приехала в Овальный город умирать, а встретила здесь любовь. Самую сильную, осязаемую. Порой мне кажется, что я даже могу к ней прикоснуться. Она, словно тень, имеет отражение. К примеру, на нашей светло-желтой постели и на правой стороне его лица, когда я смотрю на него, растроганно замерев, а он бережно целует мои пальцы.

Друг мой, однажды ты сказала, что любовь может победить самую страшную болезнь. Тогда я тебе не поверила, рассмеялась: мол, такое бывает лишь в книжках-сказках Даниэлы Стил. Сейчас я знаю, что, какими бы отчаянными и циничными мы ни стали, в жизни непременно появится нечто более сильное, что перечеркнет все то, что мы надумали за время потускневших надежд.

Сейчас я не узнаю себя, ту нелепую и опустошенную героиню из чужого времени, не умеющую справляться с жизнью. Тогда было ясно, что это все ненадолго. Я говорила себе: «Север, подожди еще немного. Должно случиться то, что заставит сердце биться быстрее и радостнее». Но вера ослабевала, иногда вообще впадала в кому. И все же я выдержала. Дождалась.

Помнишь второй день нашего знакомства? Ты пригласила меня на булочки с мятным чаем. Мы сидели у тебя на кухне, я жаловалась, что не знаю, как жить дальше. Тогда я только приехала в чужую страну, была в полуразрушенном состоянии и не знала, что делать. Как выплыть на поверхность? Как научиться жить... заново?

Ты тогда рассердилась: «Север, пора подняться и идти! Привести в порядок мысли. И не завтра, не в понедельник, а сейчас! Нужно действовать, не давая себе возможности размышлять о сделанном. И делать все это ради себя. Для себя». Я, помню, тогда немного разозлилась. Встала, поблагодарила за чай и ушла к себе. Но в тот момент я и решила начать все заново. И у меня получилось. Благодаря тебе, друг мой. Спасибо!

Не могу сказать, что любовь сделала меня совсем уж неуязвимой. Болезнь частенько дает о себе знать бессонными ночами, когда от боли грызу диванную подушку, чтобы Рэ не услышал... Я теряю вес. Рэ настаивал на враче, а я соврала, что это мое обычное, женское, пройдет. Каждый раз, когда боль разъедает меня изнутри, я думаю о том, что у меня есть. Об этом домике в Желтой деревне, в котором живу с родным человеком. О волнах любимого моря. Я представляю, как они накрывают мою боль своей прохладой, уносят ее в океан и разбивают о скалы где-то в другом конце земли.

Утром, когда ночная боль отступает, я спускаюсь к морю. Благодарю его за силы. За то, что оно внутри меня, – теперь для нас расстояние не важно. Моя любовь к Рэ – это море. Когда меня не станет, я буду шумом своих волн говорить с ним и он будет приходить ко мне снова и снова. А если не будет приходить, то... я все равно буду его ждать. И любить. Безмолвной и вечной любовью.

Что я говорю! Послушать – так просто героиня романа! Мои слова могут показаться сентиментальной чушью влюбленной женщины. Есть такие люди, знаешь, которым просто не повезло. Они уверены, что никакой любви нет, есть только страсть, привязанность. Помнишь, ты тоже говорила такое? Так вот, Начо, любовь есть! И если она не спасает от страшной болезни, то точно отодвигает ее. Помогает не думать о ней, проживать сполна мгновения в их красоте.

Разве этого мало?..

Начо, друг мой, раньше я думала, что свидетельство любви – сумасшедшее биение сердца. Как в момент, когда любимый стучится в дверь и ты перед тем, как открыть ее, словно в первый раз, заглядываешь в зеркало – не растрепались ли волосы? Не покраснелась ли от волнения? Не перекосилось ли платье? Поначалу так и бывает. Но это волнение чаще всего проходит достаточно быстро – через полгода отношений исчезают былой трепет, страстное предвкушение. А что остается? Все превращается в рутину – и где же любовь? Я продолжала искать ответ на вопрос, с чего она должна начинаться и как развиваться. Что ценнее: сумасшедший трепет или спокойная уверенность?

Представляешь, мне нужно было прожить тридцать лет, чтобы наконец понять, что у любви нет симптомов и она не предупреждает о своем появлении. Просто в один день я проснулась другой. Не такой, как всегда. Будто со всех сторон поменялся ландшафт и мои жизненные принципы тоже кто-то подменил. Но от этого совсем не страшно. Наоборот. Мне в этой новой реальности вдруг стало хорошо и спокойно. Вот с Рэ я чувствую себя защищенной. Хотя до этого я верила, что спокойствие в отношениях должно настораживать, что существует большая угроза перерождения бури в штиль, любви в безразличие. Нынешняя уравновешенность между нами – это совсем другое: не медленно засасывающее болото быта, а сознательное предоставление другому личного пространства. Так ведут себя зрелые люди, уставшие от бессонных ночей, неотвеченных звонков, громких и пустых слов, угнетающих сомнений.

Начо, теперь мне смешно вспоминать, как я рисовала в мыслях своего мужчину. Характер, рост, глаза, цвет волос. Я находилась в плену у собственных представлений о том, каким должен быть мой человек. Это все такая чушь! Мы влюбляемся в тех, кто и наполовину не соответствует придуманному образу. И что самое приятное – после встречи с таким человеком все прежние пункты, требования отпадают сами собой.

* * *

Вчера на веранде ты спросила меня: «Не боишься завтрашнего дня? Теперь вас двое, приходится принимать решения, которые касаются двоих». Я отшутилась в ответ, но потом всю ночь думала: не эгоистично ли я поступаю по отношению к Рэ, скрывая от него свою болезнь? Если честно, Начо, я не хочу задавать себе вопросы, я не хочу искать ответы и анализировать свои мотивы и желания.

Я стараюсь не размышлять о будущем, не прокладывать заранее дорог – пусть они сами разворачиваются по мере совершения шагов. Живу от мгновения до мгновения. В каждом из них что-то свое, особенное. Друг мой, я не буду заглядывать в дни грядущие. Я буду просто радоваться им, пока мне это будет позволено.

Лишь изредка, прохладными ночами, я задумываюсь: каким будет наше с ним будущее и будет ли оно вообще? Но уже в следующее мгновение понимаю, что этого делать не стоит – пусть все идет своим чередом. Пусть время смешивает стечения обстоятельств со случайностями, секунды имеют вкус вечности, а настоящее создает побольше трогательных воспоминаний. Как бы мы от них ни бежали, они все равно неотъемлемая часть жизни. Важно приумножать приятные воспоминания и уметь отпускать неприятные.

А еще главное, что вереницы старых дверей захлопываются, открываются новые и происходят радостные события, которые когда-то казались нам невозможными...

Сегодня утром, пока вы спали, я была на рынке. На обратном пути заглянула в маленькую кафешку выпить чашечку кофе. Сидела в тени персикового дерева и прислушивалась к тому, как тихо и спокойно у меня на душе. Ничто внутри больше не требует спешки, я давно не уговариваю себя еще немного потерпеть, подождать, постараться – все происходит само собой.

Это было мое утреннее счастье – смотреть, как улицы заполняются торговцами, как люди спешат на фермы, как пустеет моя чашка капучино. И в два шага можно дойти до стойки, чтобы заказать еще одну.

Наши гости спят. И ты уже спишь. Я прибралась на кухне, промыла посуду, и сон улетучился. Но эта бессонница совсем меня не беспокоит. Так не хочется покинуть эту приятную реальность, даже ради сна. Я сижу в кресле в нашей спальне, в границах лунного света, льющегося из окна, люблюсь на тебя спящего и с щемящим чувством в груди чувствую, как сильно люблю тебя. Моя Погода с печальными глазами. Когда смотрю в них, мне хочется обнять тебя крепко-крепко и прошептать, что я всегда ищу тебя. В каждой своей минуте, часе и дне. Не из сумасшедшей привязанности – из обычного желания делиться всем.

Мне не обязательно прикасаться к тебе или держаться с тобой за руки. Мне важнее ощущать, что ты на одной волне со мной. Что я могу видеть тебя – как ты с озадаченным лицом появляешься на кухне, кладешь себе на тарелку еще несколько кусков дыни, не возвращаясь в реальность из своих размышлений, или как выходишь покурить, такой же погруженный в себя, и я с трудом сдерживаю порыв подбежать к тебе – не хочу сбивать с мыслей о написанном или недописанном.

Иногда мне кажется, что ты пронизываешь мою жизнь насквозь. Ты словно мое крепление в этом мире, и благодаря ему меня не уносит назад, на тонкий лед, который в любое мгновение может треснуть. Ты – моя почва. Благодаря тебе меня покинуло ощущение, что я стою в качающейся лодке в открытом море, не зная, чего ждать: бури или штиля.

Я сберегаю слова, которые не решаюсь сказать тебе. Потому что боюсь утомить своей нежностью... Мой Рэ, моя любовь с самыми красивыми руками, которые я видела. Они не изящные, как руки пианиста. В твоих руках такая аккуратная стройность линий, у них крупные ногти и выпуклые вены, и я хочу, чтобы по ним текла любовь ко мне.

Знаешь, иногда мне хочется спросить у тебя: «Мы же всегда будем вместе, ведь так?» И я снова сдерживаюсь. Я стала бояться признаний, мне кажется, они приближают разлуку. Поэтому, когда у меня возникают подобные порывы, я просто ложусь с тобой рядом,

прижимаю к себе твои руки и целую их, тихо, аккуратно, чтобы не растревожить сердце.

Я смотрю на тебя – и внутри все замирает. Из окна дует прохладный бриз, я набрасываю твою майку на замерзшие колени, от нее пахнет твоим резким, таким мужественным парфюмом. Terre D’Hermes.

В моей голове звучит Джони Митчелл с любимой «Both Sides Now». Если бы сердце умело петь, то оно спело бы именно эту песню. *«Слезы, и страхи, и гордость от сказанного вслух “я люблю тебя”... Мечты, и планы, и толпа циркачей – такой мне виделась жизнь... Я бы столько всего сделала, если бы не облака на моем пути...»* Это так близко мне. Я так боюсь не успеть. Я так боюсь, что облаков на моем пути станет больше, я перестану видеть тебя, и сама превращусь в невидимку, и мне придется искать способы, чтобы сказать тебе: «Это я, Ревес! Узнай же меня!» А вдруг ты не узнаешь?..

Отбрасываю страхи, выхожу из лунного квадрата, ложусь рядом с тобой. Тихонько обнимаю твою руку, чувствую пульс. Митчелл все еще поет во мне. *«Я видела жизнь с обеих сторон, побеждала и проигрывала... И до сих пор почему-то вспоминаю эти жизненные иллюзии... Может, я совсем не знаю жизни?»* Может, мы действительно ее недостаточно хорошо знаем? Может, в самый неожиданный момент произойдет то, чего мы даже себе не представляем? Может, облака – это совсем не препятствия, а просто огромные скопления свежего воздуха, белоснежного, нетронутого, увлекающего за собой?..

Закрываю глаза. Пусть мне приснятся наши первые дни в Желтой деревне. Вот мы лежим на пустынном берегу и неожиданно озвучиваем одинаковую мысль: «Какие же мы счастливые, что теперь живем здесь!» Наши ноги греет горячий песок, глаза крепко зажмуриваются под натиском солнечных лучей, а время кажется таким же легким и быстрым, как... сейчас.

– Я рада, что Пако не успел сильно привязаться ко мне. Перенес наш отъезд нормально. Начо говорит, что он два дня погрузил, ничего не ел, а на третий подбежал к столу и, виляя хвостом, начал клянить еду...

– Обжора. Кстати, Север, ты покормила его?

– Да. Уже пятый раз за день, представляешь? Растолстел...

– Пусть ест. Он слишком долго мучился. Мы сделаем все, чтобы сейчас ему было так же хорошо, как тогда, когда была жива его хозяйка.

– Как бы мы ни старались, Рэ, вряд ли с нами он будет так же счастлив, как с ней. Для собак их хозяева – это весь мир.

– Не только для собак. Разве в нашей жизни не бывает так, что мы встречаем кого-то, кто становится для нас всем? И как долго мы бодем, когда вдруг теряем это все. Одни выздоравливают, а другие так и остаются неизлечимо больными.

– Уж нам ли этого не знать... Интересные все же создания люди. Нас растят мамы и папы, мы играем во дворе с мальчиками и девочками, дружим с братьями и сестрами, а потом вдруг один совершенно чужой человек становится самым близким. Настолько близким, что даже дыхание захватывает.

– Я словно позабыл дышать, когда увидел тебя. Я, наверное, извращенец, но как же ты была красива даже в тот не самый радостный момент.

– Ты сумасшедший, Рэ...

– Я не шучу, любимая. Во-первых, я до того дня не видел женщины с такой интересной россыпью веснушек. И губы. Такие аккуратные, матовые. Ты знаешь, что твои губы созданы для поцелуев?

– Да ладно, обычные губы. Вот веснушки – да, это мое все.

– Я хочу, чтобы ты всегда была вся моя.

– Буду... Знаешь, Рэ, я стала бояться времени. Вчера всю ночь, пока ты спал, думала об этом. Боюсь – нет, скорее опасаюсь не успеть. Да, я научилась жить настоящим, вкладывать и извлекать из него максимум. Но когда рядом с тобой тот, с которым хочешь быть всегда, страхи накрывают.

– Север, ты как-то странно говоришь. «Время», «не успею», «страхи»... К чему все это? Лето только началось, до холодов еще полгода. Север...

– Да?

– Я люблю тебя.

– Когда я это слышу, мне уже ничего не страшно.

– Как в анекдоте, помнишь? «Я люблю тебя» – лучшего седативного средства для женщин еще не придумано.

– Да, именно!

– Север, тревоги пройдут, нужно еще немного времени. Это все последствия долгих ожиданий, они ведь не исчезают бесследно. Ты слишком долго ждала этой внутренней тишины... Для меня ожидание тоже непросто. Особенно когда нужно просто ждать и ничего не предпринимать, чтобы ожидаемое пришло побыстрее. В таких ситуациях время течет медленно, хочется взять и перемотать его. Но, как назло, кто-то спрятал пульт, а по-другому это сделать не получится. Эта невозможность что-либо изменить жутко изводит. Потом, когда получаешь долгожданное, ты уже не радуешься, а трясешься в страхе, и в голове одна мысль: как бы не потерять теперь... Вот у тебя что-то подобное.

– Ты прав, дорогой! Главное, чтобы ожидание было лишь отрезком нашей жизни, а не всей жизнью. Хотя уж сейчас-то мне больше нечего ждать. Я нашла тебя и смогла расстаться с тенями прошлого – это было критически важно для меня. Я счастлива, что ты рядом, Рэ. И что я люблю тебя, и что, какие бы опасения меня ни мучили, я всегда с удовольствием говорю об этом. И буду говорить – вне зависимости от того, сколько времени нам отмерено. Мы можем обладать чем угодно, кроме времени.

– Ну, хватит, довольно! Больше никаких разговоров про время! Все равно мы не можем никак повлиять на его количество. А еще, когда слишком сильно дорожишь им, оно, будто специально, усиливает ход, невидимо подталкивает стрелки часов. Поэтому лучше не думать о времени, а...

– ...поцеловать меня.

– Кстати, хорошая идея!

– В Желтой деревне я почти не вижу снов. С первой ночи здесь живу только в одной реальности. Хотя раньше часто путалась между сном и явью.

– Ну, значит, у тебя все так хорошо в этой реальности, что ты не ищешь спасения в другой.

– Да... Представляешь, мне иногда кажется, что все происходящее – это хороший сон, который длится дольше обычного, и скоро я проснусь в своей квартире на восьмом этаже, подойду к окну, а там снежные сугробы вместо персиковых деревьев. И знаешь, чем я спасаюсь, когда меня накрывают эти тревожные ощущения?

– Бежишь на кухню за персиковым чизкейком?

– Нет. Обнимаю тебя.

– Ну, это лучше. Менее калорийно.

– Ах, вот как, ты считаешь меня обжорой? А ведь неделю назад ты говорил, что я похудела... Все, с завтрашнего дня никаких пирогов, эклеров. Только овощи и фрукты.

– Только не это, Север! Без твоей вкуснятины я ни строчки не напишу.

– Без вкуснятины, говоришь? Тогда к чему эти разговоры о калориях?

– Это я, мягко говоря, снимаю с себя ответственность. Сильно поправился. Вон какие щеки отъел.

– ...и при этом не хочешь овощей и фруктов?

– Они же не такие вкусные, как твоя долма или кейки.

– Ладно. Тогда с сентября садишься на диету, как раз тыква появится. От ее сока натошак худеют. К тому времени и книгу допишешь, не обязательно будет подпитывать мозг сладким.

– Договорились... Север, ты всегда была такой рассудительной, всегда знала, как нужно поступить и каких ждать результатов?

– Милый, ты обо мне слишком хорошего мнения! Ну, я, конечно, знала, чего хочу, ставила перед собой цели, но часто мне не хватало упорства их достичь. Быстро ломалась. Как будто кончались силы, пропадал интерес, и я не могла сделать ни шагу. Может, я быстро

сдавалась, может, нечто высшее пыталось уберечь меня от ошибочного пути – не знаю. Но сейчас все иначе, Рэ.

– Окрепла?

– Скорее переродилась. Будто все, что было тогда со мной, вокруг меня, – другая жизнь. И когда встречаешь что-то, напоминающее о той, прежней жизни, прошлое заново встает перед глазами. Но уже не как личная история, а как... фильм, хорошо понятный и увлекающий. Только не о тебе. Помню слова моей бабушки: каждый человек рано или поздно перекраивает собственную жизнь. Как старую и любимую одежду. Мол, только так можно вернуться к истокам и полюбить жизнь заново. У меня вышло по-другому. Я не стала ничего перекраивать, а просто перестала эту старую одежду носить, убрав в дальний угол шкафа.

– ...который разбираешь раз в квартал и непременно натыкаешься на эту одежду-воспоминание.

– А это не страшно. Поначалу можно опасаться, что засосет обратно – вдруг вернуться беспросветные тягостные дни и недели, ожидание неприятностей, хмурое окружение... А потом время само же излечивает. Напоминает диету – первые три дня кризисные, первые два месяца сложные, а потом организм привыкает к новому режиму питания.

– Север, а что ты чувствуешь, когда, вспомнив ту жизнь, возвращаешься в эту?

– Облегчение. Другое дыхание. Более чистое, глубокое. Это как если дышать прохладным кондиционированным воздухом, полагая, что это и есть свежесть, а потом вдохнуть настоящего морского ветра... Временами скучаю по Городу непогод. Скучаю и одновременно понимаю, что если бы не уехала оттуда, то не смогла бы душевно исцелиться. Фокус в том, что другая земля не помнит меня такой, какой помнит город моего детства. Другая земля вообще ничего обо мне не знала – и помогла переродиться.

– Может, как-нибудь съездим туда? Я хочу увидеть места, где ты жила. Мне хочется разделить с тобой все твое.

– А я не хочу снова видеть себя той. Пусть и на время. Я привыкла быть здесь какой-то определенной. Счастливой. Иначе реагировать на вещи и людей, не сутулиться, меньше переживать из-за своих переживаний, больше улыбаться – мышцы моего лица уже к этому

привыкли. Я радуюсь всему этому и не держу никаких обид на город моего детства. Я уехала не из-за него, а из-за себя.

– Если бы не было моря, все было бы не так, как сейчас. Тебе этого не понять, ты вырос у моря, оно для тебя неотъемлемая часть пейзажа... Переехав в Овальный город, каждый вечер после работы, я приходила к морю. Сидела на набережной, пересказывала вполголоса события прежней жизни. Чаще просто молчала. Слушала волны, вдыхала с воздухом брызги, смотрела на угрюмое волнующееся пространство или на неподвижную гладь, залакированную солнечным светом.

– И помогало, Север?

– Да, любимый. Может, кто-то скажет, что это самовнушение, но я буквально чувствовала, как волны смывают боль. Такие мягкие движения волн по сердцу... Хотя вообще-то я оказалась в Овальном городе в таком отчаянии и растерянности, что готова была зацепиться за любую соломинку, только бы не пойти на дно.

– Я злюсь, что меня не было рядом с тобой. Что не приехал в этот город на пару месяцев раньше. Что не дописал предыдущую книгу быстрее и не почувствовал, что нужен тебе здесь.

– Рэ, ты появился тогда, когда должен был появиться. По-настоящему необходимое человеку событие невозможно ни поторопить, ни отложить. У всего свое время... Бывает, что живешь, казалось бы, полноценной жизнью, постоянно куда-то ходишь, с кем-то общаешься, планируешь что-то сделать и, возможно, даже делаешь, но ощущение затишья в жизни не покидает тебя. И в глубине души знаешь, что твои попытки активизировать происходящее – лишь обычные физические передвижения. Если сейчас должна быть передышка, то она и будет. Как и куда бы ты ни убегал.

– Согласен. Правда, некоторые в этом осознании видят форму слабости, покорности судьбе. Лично я верю, что многое зависит от нас, мы сами определяем форму своей жизни. Но вот события происходят по решению небесной канцелярии. Они там сводят пути и обстоятельства, которые, казалось бы, несовместимы.

– Да, да и еще раз да! Я никогда не могла подумать, что окажусь здесь. Что продам жилье в городе детства и уеду туда, куда первым подумалось, в незнакомый город, умея изъясняться только на

английском. Я не думала, что влюблюсь при столь, мягко говоря, криминальных обстоятельствах. Да еще и в писателя. Говорят ведь, что женщиной писателя может стать не каждая.

– Ну и как, сложно?

– Мне?

– А ты видишь здесь еще одну женщину писателя?

– Не сложно. Во-первых, потому что я тебя люблю. А во-вторых, писатель – это очень типичная для нашего времени профессия. Проводит большое количество часов перед ноутбуком и совершает множество передвижений в пространстве. Только писатель ездит с благородной целью вдохновиться, а, например, менеджер – с намерением пробить проект компании.

– Смелое сравнение. Север, ты не пробовала писать сатирические заметки в газеты?

– Нет уж, с меня дневника хватит.

– Ты ведешь дневник?

– Да. По ночам пишу.

– С чего это вдруг? Лучше поделись со мной, я сумею и понять, и использовать твой опыт.

– Нет, это слишком скучно для книги... До переезда в Овальный город я прочитала статью одного психолога, который советовал писать дневник всем, кто страдает «вирусом прошлого». То есть, наверное, вообще всем... Но писать не для себя, а представляя, что тебя читает небольшая аудитория. Именно представляя. Так легче выздороветь. С каждой страницей понемногу, до полного исцеления.

– Наверное, большая часть твоего дневника печальна?

– Не думаю. Иногда я перечитываю написанное. И знаешь, может, это прозвучит чертовски банально, но я ни о чем не жалею. Знаешь почему? Все эти бугристые дороги привели меня сюда. К тебе, к вам, к этому морю. Я выпитываю каждое мгновение свободы, счастья, веселья и надеюсь, что скоро закончу этот дневник. Скажу самой себе все, что хотела сказать. Скажу, отпущу... и продолжу жить этой новой жизнью.

– Надеюсь, со мной?

– С тобой. С моей Погодой. Хочу просыпаться рядом с тобой. Хочу приходить с тобой к морю и не думать о времени, как сейчас. Не думать о времени, относиться к нему как к механическому движению стрелки часов. И любить тебя. Это все, что мне нужно. Помнишь слова

из песни Ламинсы: «Как возвращаться в эту нескладную реальность, когда там, во сне, летний океан»? Только у меня наоборот – реальность самая полная, а сны пустые.

Начо разглядывает свое отражение в зеркале, разочарованно вздыхает. Я сижу на подоконнике открытого окна и смотрю на дорогу, жду появления Рэ. Он ушел за билетами на автобус до Овального города. Мы с Начо вечером уезжаем. Я собираю в рюкзак самые необходимые вещи. Моя подруга продолжает страдать перед зеркалом, она расстроена тем, что платье, которое она планировала надеть в дорогу, на ней вот-вот лопнет. «Я его надевала две недели назад, и оно было в самый раз... Ну что мне делать, я что, магнит? Почему-то зрелых и богатых мужчин не притягиваю – зато лишние килограммы просто липнут!» Я смеюсь, подхожу к моей языкастой пампушке, целую ее в щечку: «Начо, ты и так красавица! А лишние килограммы легко сбросить. Вот поедем в город, там будем гулять по набережной, плюс диета».

Она подходит к столу и закидывает в рот еще одно миндальное печенье. Обжора Пако мгновенно оказывается рядом, хотя еще минуту назад мирно дремал на диване. «Милая моя, я и диета – понятия несовместимые. Это не отговорки. Между мной и едой огромная непреодолимая любовь, а кулинария в моей стране, к сожалению, очень калорийная. Так что вопрос меры и порций в нашем случае не актуален, к тому же половина блюд готовится на курдючем жире, да еще и в тесте. Перейти на овощи и траву? Прости, но я не настолько себя ненавижу. Правда, во мне постоянно борются два желания, причем одновременно – похудеть и поесть. Чаше побеждает последнее. Как видишь».

Чайник закипел, я завариваю яблочный чай. С миндальным печеньем самое то – кисленькое со сладким. «Не переживай, Начо, мы будем сжигать калории во время прогулок. Будем больше гулять, договорились?» – «Договорились, сестра. Смотри, ты пообещала!»

Я еду в Овальный город, чтобы разобраться с деньгами, которые получила от продажи родительской квартиры. Разделю сумму на две части и перечислю в два благотворительных фонда, которые помогают детям. Одну часть от суммы – на родину, другую передам в местный фонд. Я не хочу об этом писать, не хочу говорить никому, кроме Начо. Единственное, чего я хочу, это хоть как-то облегчить боль детей. Мы, взрослые, грешные, сильные, часто виноваты в том, что происходит с нами. Пусть хотя бы дети не страдают. Они же ни в чем не виноваты.

* * *

За ночь выпила три дозы обезболивающего. Трудно не от боли, трудно видеть, как эта боль отдаляет меня от Рэ, которого люблю всем сердцем. И я не говорю ему о дистанции, которая с каждой такой болезненной ночью увеличивается. Вчерашнюю я провела в комнате у Начо. Она натирала мне запястья маслом кардамона, читала молитву и вытирала слезы. Я с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Начо порывалась разбудить Рэ, вызвать «скорую»: «Ты должна ему обо всем рассказать, сумасшедшая! Ты его обманываешь, не даешь ему стать тебе еще ближе. Ты сохраняешь тайну и надеешься, что это спасет его, когда тебя не станет?! Не повторяй прошлых ошибок».

Ничего не отвечаю. Быть может, я сама все осознаю не до конца. Быть может, просто не хочу осознавать. Выбрала жить мгновениями. Может, это слишком эгоистично по отношению к Рэ. Но я чувствую: все так, как должно быть.

Я смотрю из окна автобуса на картинку из двух цветов – желтого и голубого. Мы уже въехали в Овальный город, который начинается с угрюмой пустыни и моря на горизонте. Я думаю об этом маленьком городе, заменившем мне родину, и у меня сжимается сердце. Здесь не так просто жить, здесь меня даже чуть не убили. Но я люблю, так люблю и это море, и изнуряющее солнце, и людей. Здесь легко дышится. Здесь хочется идти пешком по узким кварталам, напевать под нос любимый мотив, восхищаться навалившейся свободой. Куда бы ни вели эти улочки, по ним в любом случае выйдешь к морю.

Я вижу в море свое спасение. От прошлого, страхов и самой себя. Мы проезжаем по краю набережной. Передо мной волны – они

набрасываются на сушу, будто пытаются ее проглотить. В Овальном городе чувствуется приближение осени. Повсюду ее приметы, она словно говорит: недолго осталось, дорогие мои, скоро я накрою вас багряным листопадом и запахом корицы.

Это будет моя первая осень в этой стране.

Часть III

– Что у тебя с глазами? Они совсем красные. Ты плакал?

– Нет, – отвечал он, смеясь. – Я слишком пристально вглядывался в свои сказки, а там очень яркое солнце.

Кнут Гамсун

Она посмотрела на меня, улыбаясь.

Она почти никогда не отвечала, когда я говорил что-нибудь в таком роде.

Впрочем, я и не рассчитывал на ответное признание.

Мне бы это было даже неприятно.

Мне казалось, что женщина не должна говорить

мужчине, что
любит его.

Об этом пусть
говорят ее
сияющие,
счастливые глаза.
Они красноречивее
всяких слов.

Эрих Мария Ремарк

Овальный город. Снова, но уже иначе. Та самая квартира в ста пятидесяти двух шагах от набережной. Та самая эстакада со старой, высохшей за лето скамейкой. На ней я просидела много часов, изливая душу молчаливым волнам. Та самая соседка Мари-Клод, каждое утро подкармливающая дворовых кошек. Та самая печальная баллада Ламинсы «Saria Porando», которая доносится из соседнего дома. Теперь я не плачу под нее. Теперь я наблюдаю неизменную жизнь Овального города и осознаю, что месяцы, прожитые здесь, незаметно для меня вдруг стали воспоминаниями.

А я, находясь в Желтой деревне, думала, что все еще крепко связана с этими улицами, с этой жизнью – ведь я недалеко, в каких-то нескольких часах езды. Лето в Желтой деревне изменило меня и отдалило от той потерянной девушки, которая приехала сюда из северного города – умирать. Обрела вторую жизнь. И для того, чтобы понять это, я должна была снова вернуться в Овальный город. Одна.

* * *

Бумажный мешочек на кухонном столе. В нем два миндальных печенья. Я их каждый вечер покупала в ближайшем магазинчике, где вечно мокрый кафельный пол. Начо рассказала, что магазин недавно закрыли. Его чуть было не подожгли возмущенные местные жители – на мокром полу поскользнулась мать троих детей, ударилась затылком об угол стеллажа, умерла на месте.

Я сворачиваю мешочек с остатками печенья, выбрасываю в мусорное ведро. До конца месяца осталось чуть меньше трех недель, после чего Сулеме сдаст эту двушку другим приезжим. Она довольна: «Благодаря тебе в этой квартире поселился мир. Ветер больше не мучает ее, не царапает окна, не срывает белье с веревок. Он будто понял, что побежден. Твоей силой. Ведь ты не испугалась, начала жить здесь, несмотря ни на что».

Я хочу сказать Сулеме, что ветер не испугался меня, а, скорее, пожалел, ибо лежачего не бьют. На тот момент я была повержена, и сражаться со мной было бесполезно. Ветер все равно победил бы. Поэтому он ушел, а я... выжила.

* * *

Третья ночь без сна. Я чувствую, как болезнь разъедает меня изнутри. Вчера упала в обморок в туалете, после того как увидела в моче капли крови. Скрыла это от Начо. Купила иммуностимуляторы, антибиотики, обезболивающее – должно же это хоть как-то уменьшить боль. Не хочу идти к врачу: он сразу госпитализирует, назначит какую-нибудь нечеловеческую терапию, и я проведу свои последние дни в больнице. Только не это!

В дневное время мне значительно лучше. Я гуляю по Овальному городу, спускаюсь к набережной, перечитываю вторую часть дневника, где меня обнимает Погода, где зреют персики под щедрым солнцем, где Пако засыпает у меня в ногах, и я не смею пошевелиться, чтобы не нарушить его сон. А еще там невероятно милая Панда, которая с деланным возмущением возвращает мне книгу итальянки Мадзантини «Не уходи», которую я дала ей почитать: «Север, не понимаю, чем тебе так понравился этот роман! Ничего, кроме отвращения к главному герою, я не испытала. Растоптать человека, сделать из него кусок мяса, корчащийся на полу, обливать его грязью, даже не думать о нем ничего хорошего, а потом скулить под дверью “я люблю тебя” – это не любовь. Ты, конечно, можешь сказать, что любовь бывает разной, но для меня это не любовь. И как потом верить мужикам?»

Мне сейчас так не хватает Панды. Ее лучистых зеленых глаз, милой резковатости и непоколебимой веры в счастье. «Счастье только внутри нас. Ну, еще и в жизни, кто-то извне делает нас счастливыми тоже. Но если этот кто-то вдруг перестанет делать тебя счастливым, внутреннее счастье непременно спасет. Оно никогда нам не изменяет».

Я благодарю этот город и Желтую деревню за людей, которых здесь встретила. Когда ночами надо мной нависают черные тучи, я мысленно обращаюсь к любимым лицам, вспоминаю их слова, улыбки, теплые объятия, и мне хочется еще отважнее бороться за

продолжение счастья. А еще я вспоминаю наш с Погодой домик, утренние прогулки по шумной деревне и тамошнее солнце, путающееся в зелени персиковых деревьев и просачивающееся лучами на землю.

Скоро я вернусь туда, к вам. Мне так этого хочется.

Сулеме добавляет в мясной фарш две щепотки корицы и обжаривает его на сильном огне, помешивая деревянной лопаткой. Из приоткрытого окна доносится смех пробегающих по улице мальчишек, продавцы сувениров зазывают туристов, ветер с порта приносит лязг швартующихся кораблей. Сегодня шумный субботний день.

Я мою крупные картофелины для нашей запеканки и пытаюсь справиться с назойливым ощущением дежавю. Похожий день уже был. Мы с Сулеме готовили картофельную запеканку, она так же добавляла корицу в мясной фарш, за окном так же пробежали мальчишки.

«Ты ведь помнишь тот день? Вы тогда с Пако познакомились... Сулеме, как только я приехала в Овальный город, повторы буквально преследуют меня. Для чего? Чтобы, сравнивая, я поняла что-то?»

Сулеме подходит к окну, закуривает сигарету. В Овальном городе почти осень. Пора липового чая с медом, яблочного пирога с корицей и долгих прогулок по приятно прохладным улицам, когда воздух какой-то особенный, а все вокруг кажется выпуклым, насыщенным.

«Говорят, вчера на Центральной площади запускали воздушные горящие фонарики, а у Перевернутых колонн молодежь танцевала сальсу. Эх, а я пропустила. Но все равно сегодня все гораздо лучше, чем вчера. Может, вот в этом причина нашествия повторений? Чтобы мы окончательно закрепили в себе то, что, в принципе, знаем. А еще важно быть благодарным за все, что было. Это ведь привело нас к тому хорошему, что мы имеем... Верить в завтра наперекор всему и быть благодарным за вчера – вот самое главное, Север.

В остальном надо просто жить. Баловать себя вкусным, строить семью или не строить, делать карьеру или не делать, уезжать в другие страны, читать красивые книги, ходить босиком по весенней траве, собирать полевые цветы, булькать лимонадом через трубочку и временами поворачиваться задом к стереотипам общества».

Я тоже подхожу к окну. На улице деревья уже закутались в разноцветные шарфы – багрянец, рыжая хна, солнечная куркума. Не думала, что в южной стране осень может быть такой красивой. Спасибо тому, кто над облаками, за то, что я могу ее видеть.

– Сулеме, а давай-ка кофе попьем. Что ты об этом думаешь?

– Я только «за», милая.

* * *

Ближе к вечеру я прихожу на ту самую эстакаду, которая запомнила меня отчаянной, сажусь на скамейку. Рассматриваю невероятной красоты закаты. Они принадлежат кисти невидимого художника, который всякий раз до неузнаваемости перекрашивает небо. Улыбаюсь. Я больше не прихожу к морю с болью прошлого.

Когда-то я думала, что раны души – это сплошные клише. Что боль, в сущности, и не проходит, она лишь утихает на время, а потом снова проявляется, но уже иначе. Теперь точно знаю: боль не пройдет и обязательно вернется, если самому не отпустить ее. Мы можем о ней забыть на время, забыться в ком-то или в чем-то, надеясь, что время само вылечит. Бесполезно надеяться на время, когда желание исцелиться не подкрепляется действиями. В случае с «вирусом прошлого» важен не столько результат, сколько сам процесс.

Море видит мои глаза. В них безмолвное проживание счастья. Это не идеальное счастье, похожее на голливудское – ну такое, когда получаешь больше, чем потерял, а расставания непременно заканчиваются объятиями на фоне осеннего Централ-парка. Мое счастье – обычное, самое простое, житейское. Когда мы вместе ходим на море, бегаем по мокрому песку, стираем одинаковые футболки, залитые одинаковым кофе, срываемся в «Икею», откладываем деньги на ремонт и переживаем схожие ощущения: будто тут, в Желтой деревне, мы жили всю жизнь, и непременно вместе.

По жизни всегда хочется, чтобы было легко и воздушно, а получается тернисто и часто даже не к звездам. Сейчас, когда у меня есть самое главное – любовь внутри: к мужчине, к миру вокруг и каждому новому дню, – я, как никогда раньше, готова к трудностям, которые наверняка будут на моем, нашем пути. Теперь они не пугают, потому что я... совершенно по-детски верю в то, что в самые сложные дни на горизонте появится большой корабль. Который привезет нам финики и мяту.

По ночам в нашем доме тихо. Будто не на этих этажах еще пару часов назад царила атмосфера итальянского общежития. Шум, разговоры, хохот, перебранки и задиристые шутки. В «Сердце ветра» двери закрываются лишь по ночам. В дневное время может сложиться впечатление, что в доме живет одна большая семья. Соседи громко переговариваются друг с другом, детвора носится по лестничным пролетам, запахи готовящихся блюд смешиваются в одно невероятно ароматное облако. Только я да пара соседей с верхних этажей живем за закрытыми дверьми. На нас не обижаются, знают же – приезжие.

Джуди, шведка с пятого этажа, которая работает в Овальном городе по контракту, говорит, что так и не смогла привыкнуть к местному образу жизни. Поэтому в следующем месяце она уезжает работать в другой филиал компании, в Бонне: «Там спокойно, все по правилам. В восемь вечера, как будто играя в “Мафию”, весь город засыпает. Все закрывается, все спешат домой. Вокруг тишина, покой».

Меня громкие звуки «Сердца ветра» нисколько не смущают: я так долго прожила в доме, где никто никого не знает, а если и знает, то на уровне бездушного «здрасте», что этот бедлам меня даже радует. Словно я живу в большой дружной семье, где тебя обязательно напоят чаем с малиновым вареньем, если ты простудился, да еще и рядышком посидят, держа за руку.

Никогда ничего просто так не случается – убеждаюсь в этом еще раз. Не зря я сняла квартиру в самом шумном доме Овального города – здесь мое одиночество не казалось настолько гнетущим. Хотя бы в дневное время суток...

Вторую ночь мне не спится. А когда мне не спится, то обычно думается. Сегодня около двух часов ночи поднималась от Начо к себе и, уже на своей лестничной площадке, услышала шум за дверью соседней квартиры. Той самой, которую Рэ снимал до встречи со мной. Видимо, ее уже опять сдали, но мне Сулеме об этом ничего не сказала.

Нехорошо подслушивать за дверью, знаю. Но любопытство заставило меня подойти к двери соседней квартиры, чтобы послушать, что за ней происходит. Мужской кашель. Такой сухой, звучный. Сразу понятно: это кашель курильщика со стажем.

Мое воображение мгновенно нарисовало седовласого мужчину солидного возраста, сидящего за старинным столом, с трубкой в углу рта. Почему именно за столом? Потому что вроде бы я слышу треск печатной машинки. Незнакомец что-то быстро печатает, профессионально. Так же быстро печатает мой Рэ, когда его посещает важная мысль и он спешит ее записать.

Быть может, этот незнакомец тоже писатель? Надо разузнать.

* * *

В телефонной связи между мной и Рэ помехи с каждым днем увеличиваются. Родной голос на том конце провода прерывается, крошится и рассыпается. Кажется, еще пару дней – и я вообще перестану его слышать.

Причем помехи начинаются только тогда, когда я звоню Рэ. Будто нашу связь что-то извне пытается разорвать. С друзьями из Желтой деревни я созваниваюсь без каких-либо сложностей. Но стоит набрать Рэ, как на экране телефона появляется «Сбой связи». Я нервничаю, звоню в службу поддержки оператора мобильной связи, чтобы выяснить причину проблем со звонками на единственный номер. «Все операторы заняты, подождите, пожалуйста». Жизнерадостная мелодия бесконечно повторяется, словно назло моему возмущению...

В Овальном городе всю ночь шел дождь, стучал по подоконникам. Да и сейчас тоже льет как из ведра. Не лучшая погода, хотя в такую самое то заняться уборкой квартиры. Тем более если ожидаются гости. Послезавтра Сома привезет ко мне малышку Сию. Она побудет у меня несколько дней, пока ее родители будут в Толо, в деревушке в ста семидесяти километрах от Овального города. Муж Сома Альфредо оттуда родом.

«От родителей Фредо нам достался маленький домик с участком. Давно хотим продать его. Вот, слава тебе господи, нашелся клиент... Одного Фредо в Толо я не отпущу, иначе до города с деньгами он не доедет, пропьет все по дороге. А мне надо ребенку лечение оплатить, у нее опять анемия обострилась».

Сегодня надо посидеть в Интернете, найти какой-нибудь вкусный рецепт из безглютеновых продуктов. Хочу побаловать мою маленькую

гостью.

Оператор мобильной связи наконец-то отвечает на мой звонок. Объясняю ситуацию. Девушка на том конце провода просит продиктовать номер, во время звонков на который возникают помехи.

– Простите, вы точно не ошиблись в номере?

– Нет, девушка, я его знаю наизусть. Это мой самый любимый номер...

Замешательство оператора, небольшое молчание, после чего девушка заявляет:

– Этот номер уже десятый месяц не активен. На него невозможно позвонить. Если вам не трудно, перепроверьте номер.

От удивления чуть не роняю трубку телефона:

– Девушка, вы ничего не путаете? Давайте я еще раз повторю. После 18 524...

На том конце провода все тот же категоричный тон.

– Да, речь идет об этом номере. Он заблокирован. За более подробной информацией вы можете обратиться в один из наших филиалов... Всего доброго!

Чушь какая-то. Тогда кому я звонила последние четыре месяца?..

Почему-то именно сейчас я остро ощущаю, как не хватает мамы. Хотя я никогда особенно не чувствовала ее присутствия в своей жизни – бабушке удавалось компенсировать недостаток материнской ласки. Но сейчас мне хочется поговорить именно с мамой. С человеком, который дал мне жизнь. Уверена, будь она рядом, как всегда, перебила бы меня словами: «Хватит сопли жевать! Лучше займись делом и заруби себе на носу: терпение – главная благодетель».

Я отбиваюсь в мыслях от реального образа и воображаю идеальную картину – мама с дочерью, самые настоящие подруги, понимающие друг друга с полуслова. И я, положив голову на родные колени, признаюсь маме в том, что всегда любила ее, но практически не говорила об этом. Боялась ответной реакции.

Она не любила подобных сантиментов, она не любила обниматься. Мне даже казалось, что она не любит ничего, кроме своей работы.

В детстве моим самым большим страхом было то, что за мной не придут. Помню, в садике, если у нас не гостила бабушка, меня всегда забирали последней. Мама постоянно не успевала, а соседка, которую она просила меня забрать, всегда опаздывала. Хорошо помню тишину пустой группы и измученные игрушки, словно уснувшие там, куда их бросили. И лошадку деревянную, на которой я качалась в одиночестве.

Мне до сих пор снятся вечера, когда уже все дома, а я в окружении казенных крашеных стен уныло смотрю в окно, дожидаясь появления мамы. Еще я очень боялась смотреть вверх – меня ужасно пугали мигающие люминесцентные лампы.

Мам, я никогда не забуду твои слова, ставшие для меня настоящим источником сил: «Если ты хотя бы вяло трепыхаешься, значит, не все потеряно. Значит, есть еще надежда на спасение».

Мам, я так хочу поговорить с тобой. Заварить твой любимый кофе, сесть за кухонный стол и рассказать о том, что я люблю талантливого писателя; о том, что вчера у нас случилась гроза, начавшаяся с цыганского дождика с краем солнышка, а под конец все так гроыхало и лило стеной! О том, что теперь я живу в другом городе, в окружении чудесных людей; они стали моей семьей. О том,

что я больше не бегу от воспоминаний – я остановилась, отдышалась, свыклась и отпустила. А еще непременно расскажу тебе о здешнем море, о волнах, пена которых украшает берег белыми кружевами. Я по ним гадаю, когда в чем-то сомневаюсь.

Мам, знаешь, я счастлива. Настолько, что даже перестала бояться смерти.

* * *

Где фотографии? Что происходит? Те снимки, где я с Рэ, исчезли и из моего ноутбука, и из телефона. Все остальное в целости и сохранности. В панике дозваниваюсь ему в Желтую деревню и, сквозь ужасные помехи, кричу, что люблю и скучаю.

«Хочешь, я приеду за тобой, и мы вместе вернемся сюда? Ты что-то там задержалась». Меня порывает согласиться, сказать, чтобы он как можно быстрее приехал ко мне, но я не хочу его тревожить. Ревес дописывает книгу, остались последние пять глав, а потом наступит абсолютная свобода. Мы будем наслаждаться октябрьским солнцем, в нем осенняя мягкость, другой угол падения, и рождает оно другие эмоции.

Я люблю гулять в октябре. Дышать прохладным воздухом, забегать в уютные кафешки, когда начинает моросить дождь, а у меня открытая обувь и легкая верхняя одежда. Я сложно перехожу от летней одежды на более теплую – не хочется отпускать пору светлого неба. Хорошо, есть осень, она нежно и аккуратно готовит нас к холодам. Любимая осень. Время размышлений, рук в карманах, глинтвейна по вечерам и приятной меланхолии...

Деньги перечислены в местный благотворительный фонд, осталось оформить бумаги, отослать оставшуюся сумму в Город непогод, посидеть с Сию, а потом со спокойной душой уехать в Желтую деревню. Со дня возвращения в Овальный город я отчетливо ощущаю, как нечто пытается помешать моей связи с Рэ. Проблемы с телефонным соединением, исчезновение фотографий, и еще сон, который повторяется изо дня в день.

Будто я одна в нашем домике в Желтой деревне, жду возвращения Ревеса. Уже поздно, я засыпаю почему-то в дальней комнате и ближе к

рассвету вдруг просыпаюсь в тоске. Обхожу дом – Рэ все еще не вернулся. Звоню – телефон отключен. И мне вдруг становится дьявольски одиноко, и я думаю:, горело бы оно все огнем, весь этот дом, в котором я сижу одна, без него. Такое очень живое и страшное чувство, от которого вздрагиваю в постели.

К чему все это?.. Я хочу домой. Я хочу к тебе.

Последние годы я жила, словно стремясь доказать тому, кто от меня когда-то отказался, что снова могу стать счастливой. Я не была заиклена на этом желании. Скорее, оно проявлялось как-то подсознательно и проживало вместе со мной каждый день: просыпалось, выходило на улицу, садилось на диету и флиртвало тоже вместе со мной. Я носила его в себе, и каждый раз, когда происходили какие-либо приятные и радостные события, я заглядывала в себя, смотрела в глаза этому желанию и, улыбаясь, торжественно говорила: «Смотри, у меня получается, я могу быть счастливой без него».

Порою мне хотелось позвонить нашим общим друзьям, чтобы услышать, что у него дела не очень – проблемы на работе, плохое настроение, или про то, что он снова ушел в себя, редко с кем видится и даже располнел. Узнать об этих неприятных событиях в его жизни, вслух высказать сожаление, а про себя сказать: «Это все из-за того, что ты от меня отказался!» Хотела ли я расплаты, возмездия или наказания? Чего больше, сама не знаю. Но на одной полке с этим желанием мести была большая любовь к нему. Лучшая месть – разлюбить его, но не получалось.

Я пыталась договориться с сердцем, объяснить ему: мол, хватит мучить меня – ну не получилось, ну не сошлось, с кем не бывает. Отпусти же его! Не изводи меня, перестань напоминать о нем. Больно ведь. Пойми же наконец, что оттого, что он всегда внутри, мне легче не становится – он мне нужен рядом. Определись же наконец: то ты хочешь его забыть, то всегда помнить. Долгие просьбы, почти молилась на коленях, но это соревнование моей собственной жизни с жизнью без него продолжалось.

Как это жалко, наверное, смотрится – когда женщина живет мужчиной, которого нет рядом. Кстати, со стороны это замечают только женщины – мы же все из одного батальона, хоть и ненавидим, когда нас сравнивают друг с другом. «Я другая, исключение, у меня все по-другому было». Слова на публику, а за ними молчаливое смирение, у всех одни бабские тревоги и сомнения. И часто совет той,

кто уже давно прошел твоей дорогой и завернул в переулок смирения, заставляет содрогнуться и вытереть слезы.

Однажды я стояла на остановке в ожидании тебя, тьфу, автобуса, смотрела за горизонт проспекта и, стесняясь, курила сигарету. Затягивалась, отвернувшись от рядом стоящих людей. Не хотела, чтобы кто-то видел, как я раскуриваю тоску. Автобус подъехал, народ слился в монолит толпы и двинулся к открывшейся двери, как вдруг одна старушка в синей куртке, проходя мимо меня, сказала: «Девочка моя, он не придет, ждать бесполезно. Лучше иди дальше».

Я отпрянула от нее, докурила и, достав телефон, набрала номер. Он ответил на втором гудке. Поздоровалась, спросила, как он, проигнорировав ответное «А ты как? Нормально?». Я сказала, что рада его слышать и что пусть он не болеет, не принимает все близко к сердцу, пусть вернется к плаванию, потому что полнота ему не идет. Он сказал, что постарается, и хотел как-то продолжить разговор, но я попрощалась: «Береги себя! Всего доброго». Я нажала отбой, закрыла глаза и хотела заплакать, но не заплакала. Перекинула сумку через плечо и пошла в сторону метро. С детства не люблю автобусы. Лучше пятнадцать минут пешком, чем автобус.

Я спускалась в подземку и вдруг остановилась, вытащила мобильный и посмотрела, сколько минут назад был сделан звонок. 19:09. Прошло двадцать шесть минут. Черт, двадцать шесть минут, прожитые для себя. Без желания доказать тому, кто от меня когда-то отказался, свое превосходство, силу, гордость. Первые двадцать шесть минут через двадцать шесть месяцев зависимости от прошлого. Я свободна.

Я хочу, чтобы у него все было лучше, чем было. Я хочу, чтобы он не болел, чтобы не уходил в себя, чтобы становился еще красивее. Это не мои благородство или ущербность. У нас же теперь разные дороги. Он теперь обычный прохожий, такой же путешественник во времени, как я, как миллионы других людей. И я хочу, чтобы наши дороги были светлыми и открытыми – моя, его и тех, кто идет рядышком или на расстоянии.

За последнюю неделю – первая запись. Я обращаюсь к белым листам дневника, чтобы сказать, а точнее, написать, что соскучилась.

За дни обострения болезни, где-то между сном и реальностью, я думала о том, как сильно привязалась к этой толстой тетради, заполненной моими мыслями. Она спасает. С того самого дня, когда я написала первое предложение, сидя в маленькой кафешке Овального города: «У меня ничего нет, кроме себя самой».

С тех пор многое изменилось, хотя я была почти уверена, что все закончится точкой, которую я поставила в предложении о переезде сюда. Да, я действительно поставила точку, но она вдруг стала началом нового рассказа. Новых слов, ощущений, поступков – и все они прежде всего о любви.

Вчера утром мне полегчало. Я открыла глаза, увидела рядом Начо и малышку Сию. Они смотрели на меня, обеспокоенные. Мои родные, любимые. Свои. Я прижала их к себе и снова осознала, насколько я счастливый человек. Все, что было, и все то, что утрачено и будет утрачено, – ничто по сравнению с той теплотой, которую я ощущаю в дне сегодняшнем.

Держаться за настоящее так важно. Настоящее – как подвесной мост. Оно не может быть крепким и бетонным, как прошлое, которое уже не пугает, потому что пройдено. В настоящем нет никаких гарантий – тебя может раскачивать из стороны в сторону, у тебя может кружиться голова, но главное – то, что ты стоишь на ногах и имеешь возможность сделать шаг вперед. И это надо ценить, хотя разумеется, быть на мосту, да еще и подвесном, не самая приятная из ситуаций.

* * *

Я снова на набережной. Мое море. Я знаю, что его считают своим тысячи, если не миллионы. Но оно никому не принадлежит. Дарит такую иллюзию, чтобы нам стало легче, чтобы мы не чувствовали себя одинокими. У моря никогда не ощущаешь одиночества. Оно, конечно,

остается внутри, никуда не девается и часто накрывает своим темно-синим одеялом, стоит только наступить ночи. Но рядом с морем сужаются масштабы любого горя, размываются границы – это величие поглощает все вокруг. И вдруг, очутившись в этой бездне, забываешься, становишься другим.

Да, это другое пространство, где тишина наступает не из-за того, что все молчат. Около моря просто нет необходимости говорить. Да и не хочется: лучше послушать волны. Я сегодня пришла сюда, чтобы слиться с ним, пусть мысленно. Последние дни мне немного тяжело. Овальный город будто решил напоследок еще раз обратиться к пройденному материалу – хорошо ли я его усвоила?

Скоро возвращаться в Желтую деревню. Я не знаю, что меня там ждет. Связь с Рэ по-прежнему ужасная, причем, если созваниваться по скайпу ситуация аналогичная. Он говорит со мной как-то странно, отрешенно. Я интересуюсь причиной, а он твердит одно: «Все хорошо, приезжай!» В конце недели буду там.

Море, будь рядом! Я не прошу помощи – ты уже однажды помогло мне исцелиться. Теперь я сама развязываю тугие узлы. Мне важнее чувствовать тебя. Слышать песню твоих волн и знать, что в любой момент я смогу прийти к тебе и мысленно уйти в твои заводи. Это то, что делает меня сильнее.

Через полчаса на набережную придут Начо с Сию, мы договорились встретиться здесь. Погода сегодня хороша, так что вдоволь нагуляемся с малышкой. Мы сильно привязались друг к другу. Если по ночам она скучает по маме, я крепко-крепко обнимаю ее и напеваю песни Ламинсы. Когда я болела, она натирала мне запястья мандариновым маслом. Начо восхищалась и сетовала, что у нее только сыновья и нет дочери: «Мальчишки же как кобели. Вот подрастут, войдут в силу – и побегут за первыми встречными... Любовь это у них называется. А дочь будет рядом, даже если ее дома ждут муж, дети».

Сегодня у нас с Сию обширная программа. Мы пойдем покупать ей цветные карандаши и ботинки на зиму. Затем будем кормить лебедей в Синем парке, а на обратном пути заглянем к кондитеру Яне и заберем клубнично-творожный торт. Она приготовила его специально для Сию из безглютеновой муки.

Я смотрю на эту девочку с красивыми зелеными глазами, и у меня такое ощущение, что в прошлой жизни она была моей дочерью.

Послезавтра вернутся Сома с Альфредо.

Я вижу тебя во сне, Погода. Ты сидишь за кухонным столом, я готовлю для тебя твою любимую пасту, о чем-то рассказываю в процессе, что-то спрашиваю у тебя, а в ответ ничего, кроме тишины. Ты молчишь, опустив глаза, и я в очередной раз влюбляюсь в твои ресницы. Сложил руки на столе, как прилежный школьник. На левом запястье та самая черная фенечка-оберег. Я влюблена в твои руки с того момента, как увидела тебя. Я подхожу к тебе ближе, вся такая занятая, в фартуке, с растрепанными волосами, улыбаюсь тебе, протягиваю руку. Ты не реагируешь. «Эй, Погода, ну же! Хватит дуться. Я тебя люблю». Никакой реакции.

Я возвращаюсь к плите, закидываю спагетти в кипящую воду, добавляю соли и оливкового масла, оборачиваюсь к тебе в надежде увидеть твою улыбку – а там все по-прежнему. Меня вдруг охватывает трепет при мысли, что Погоды на самом деле не существует и я полюбила мужчину, которого нарисовала кистью своего воображения! Чтобы не быть одной, чтобы найти силы преодолеть отчаяние.

Я зову тебя снова: «Погода, ну ответь же мне! Слышишь? Ответь!» Молчание в ответ. Услышать молчание в ответ – самое болезненное для женщины. Лучше пусть он скажет, что разлюбил. Лучше пусть оттолкнет обидным словом и прокричит: «Я устал от твоей любви!» Все что угодно, только не молчание. Оно убивает. Чем? Тем, что она не знает: он все еще любит или действительно разлюбил.

* * *

Я вижу во сне, как такси подъезжает к нашему домику в Желтой деревне. Я сижу за заднем сиденье и предвкушаю нашу встречу. Север, еще минута – и ты увидишь своего любимого мужчину в вашем саду: он, как всегда, сидит на веранде за белым ноутбуком, пишет книгу, а у его ног храпит Пако. Ты увидишь, что гранатовое дерево у лестницы зацвело, совсем скоро красные лепестки осыплются и на них появятся

плоды. А еще – окна гостиной будут распахнуты и ты, Север, увидишь на стене «Полуночников» Эдварда Хоппера.

Мы оба полюбили эту картину с первого взгляда и потом долго выясняли, кто ее автор. И не менее долго пытались ее разгадать. Часами смотрели, устроившись на диване, на четырех персон, застывших в полуночном кафе со стеклянными стенами...

«Погода, интересно, о чем они думают?» Помню, ты тогда предположил, что те двое – мужчина в шляпе и девушка в красном – одновременно приняли решение расстаться и теперь сидят молча, не зная, как об этом сказать друг другу. Хотя говорить уже ни о чем и не надо – точка, видимо, давно поставлена. Я не согласилась. Потому что рядом с тобой я не хотела соглашаться ни с чем безнадежным, что касается двоих...

Такси останавливается, я снимаю очки и не вижу нашего домика. Вместо него на сером камне посреди пустынного участка, опустив голову, сидишь ты. Эй, Погода, что случилось?..

* * *

Я вижу тебя во сне, Погода. Ты по-прежнему отмалчиваешься в моих снах. В них ты, казалось бы, близко, но все равно далеко. Я вижу тебя, но не могу прикоснуться. Будто тебя больше нет в моей жизни, а этот образ – пока еще не размытые следы на мокром песке: вот-вот набежит волна и все смоеет. Я просыпаюсь, звоню тебе и сквозь помехи слышу то же, что во время вчерашнего звонка. «Все хорошо, приезжай!» Я не чувствую в этих словах скрытого волнения. Ты говоришь так, будто ничего не произошло. Может, так оно и есть? Неужели снова вернулись мои необоснованные страхи? Иногда ведь и счастье порождает страхи.

Я это уже однажды испытала. В ту лунную ночь, когда мы, прихватив бутылку шампанского, спустились к морю. Над нами темное низкое небо с редкими серебряными звездами, под ногами прохладный песок, вокруг необычайно яркие тени – и мы вдвоем посередине большого мира. Закутавшись в одно одеяло, пьем шампанское прямо из горлышка, смеемся над чем-то совершенно глупым.

Помню, как вдруг, в самый разгар этого счастливого безумия, мне стало страшно. Оттого что все это может закончиться. Что можем закончиться «мы», или «мы» разделится на два отдельных одиночества. Что скоро наступит утро и все может оказаться сном. Сном, где ты не будешь слышать меня и где на месте нашего дома в Желтой деревне будет безликая пустыня.

Стараюсь верить в то, что все будет хорошо. Но, как бы я ни храбрилась, от страха у меня земля уходит из-под ног и я остро ощущаю свое бессилие перед тем, что должно случиться.

Я хочу обнять тебя хотя бы на минуту, чтобы так сильно не скучать. Не перебирать четки с воспоминаниями, пытаюсь согреться в ощущениях дней прошедших. Не искать тебя в каждом квартале или в воскресной толпе прохожих на площади Суэрто, хотя я знаю, что ты сейчас здесь быть не можешь. Изнуряющий поиск родного человека везде и повсюду даже тогда, когда знаешь его конкретное местонахождение, – вот что самое непреодолимое в тоске. Я хочу неожиданно встретить твой наблюдательный взгляд. Как тогда, помнишь?

...Выкладываю дугой яблочные дольки на пирог – аккуратно, внимательно, чтобы не навредить пышности теста. Будучи сосредоточенной на чем-либо, я всегда закусываю нижнюю губу и деловито потягиваю носом. Заметила, что ты смотришь на меня, когда мне не хватило двух долек и я потянулась к фруктовнице за еще одним яблоком. Мы встретились взглядами, и ты серьезно сказал: «Я люблю тебя. И твои пироги. Тоже». И это «тоже» – такое странное, милое, после небольшой паузы – заставило меня рассмеяться. Тот пирог, отогретый твоим взглядом, получился самым вкусным из всех когда-либо приготовленных.

С удовольствием сейчас испекла бы яблочный пирог под твоим взглядом. Мы торопливо разрезали бы его еще теплым, заварили бы кофе, уселись в тени нашей веранды и наблюдали бы за лучом солнца, скользящим по стене дома. Он вот-вот проникнет через окно в гостиную и зальет комнату мягким светом. И будет почти рай.

* * *

Я хочу обнять тебя, чтобы сказать себе самой «да, он рядом, он тут». Вот оно – мгновение, вот оно – тепло, все остальное будет так, как должно быть. Сколько ни сопротивляйся, сколько ни борись с сомнениями, а дни все равно важнее, чем мифическая жизнь в целом.

Дни состоят из мгновений, вспышек, ошибок – они и дают нам силы и мудрость на дальнейшие шаги.

Поэтому я прижмусь к тебе еще сильнее и перестану бояться, что такое объятие может больше не повториться. Я не хочу пытаться предугадать события или подготовиться к очередной потере. Я так хорошо все понимаю, я знаю лучше других, что тот, кто сейчас рядом, завтра может уйти. По собственному желанию или согласно никому не известному раскладу времени.

Сегодня я думала о том, что будет, если вдруг наш с Рэ единый путь разойдется в разные стороны. Уверена, мне будет нелегко пережить это. Но я... переживу. Постараюсь улыбнуться этой горечи, ведь до нее было так много прекрасных дней, в которые я могла сказать вслух, что люблю, и чувствовать, как эта любовь делает меня сильнее.

С Рэ я научилась не уходить с головой в тревоги. По сути, переживать из-за чего-либо глупо, ведь многое, если не все, уже испытано. Столько горького выпито, столько крепких сигарет выкурено, столько людей потеряно. Теперь я живу чуть прихрамывая, но зато отважнее – чего бояться, когда уже столько страхов преодолено.

С Рэ я познала самую суть любви. Она укрепляет сердце, его веру в хорошие дни. Не важно, какая у тебя любовь, пусть даже односторонняя и изнуряющая. Твое сердце живет, переживает, бьется в такт чувствам – вот в чем ценность. Не зря ведь говорят, что любовь – это и есть жизнь.

Как бы тяжело ни переносились утраты и поражения, каждый верит в то, что однажды на его пути встретится другой, которому снова захочется открыть свое сердце, не утаив ничего. Сейчас понимаю, что я тоже всегда в это верила, даже в Городе непогод. Так и случилось.

* * *

До зимы осталось не так много времени. Не знаю, что меня ждет зимой. Быть может, продолжение счастья, а может, расставание или вообще конец жизни. Все возможно. Но я стараюсь думать о приятном. О том, что куплю себе коричневую сумку почтальона, серые перчатки

и шапочку, чтобы было тепло гулять. О том, что буду приходить к зимнему морю и надеяться скоро увидеть Нью-Йорк. С чего это я об этом далеком мегаполисе? А с того, что в моем вчерашнем сне оказалась Панда.

Мы пили с ней липовый чай, за окном была зима и пушистые снежинки на фоне Желтой деревни. Я ей вдруг предложила: «Панда, может, махнем в Нью-Йорк?» Она улыбнулась, кивнула, потом вдруг засомневалась: «Черт, а мне дадут визу? Я же фотографирую сладости, у меня нет официального места работы». Но визу дали, и ближе к рассвету мы с Пандой улетели. В Манхэттене, где было светло, но морозно, я носила угги, а она сапоги.

В этом странном сне выяснилось, что, оказывается, Панда не любит угги.

– Уже который день с Рэ нет нормальной связи. Либо не дозваниваюсь вообще. А если и дозваниваюсь, то жуткие помехи. Хорошо, хоть его голос слышу – значит, с ним все нормально. Завтра заберу из ремонта свой ноутбук, сразу же напишу ему... А ты с Рэ говорила?

– Как-то не довелось. Но, думаю, мы наверстаем упущенное, когда ты нас наконец познакомишь.

– Начо, хватит шутить. Я же переживаю.

– А я шучу?

– Конечно. Говоришь, что не знакома с человеком, с которым пару недель назад сидела за одним столом. Помнишь тот вечер, когда мы наготовили кукурузных лепешек со сливочно-медовым соусом?

– Помню. Но в тот день были только мы вдвоем, если не считать Пако, дрыхнувшего под столом. Север, мне кажется, что именно ты сейчас шутишь. Да, ты много рассказывала об этом Рэ. О том, как он помог тебе в ту ночь, когда на тебя напали. О том, как ты счастлива с ним в Желтой деревне...

– Да-да, так оно и было. Так оно и... есть. Но он же жил в этом доме, в той квартире, что напротив моей. Ты же знала это и наверняка его видела.

– Да, Север, я знала о том, что Талита сдала свою однушку приезжему писателю. Но мы с ним так нигде и не пересеклись. Видела его только однажды, со спины. Он заходил в лифт, когда я вошла в подъезд. Потом он исчез. Мне сказали, что переехал в другой район из-за сырости.

– Начо, как же так? Мы же столько раз виделись все вместе, гуляли по набережной, выгуливали Пако. И в Желтой деревне жили в одном доме...

– Север, а по-моему, ты его выдумала. Чтобы исцелиться, снова начать верить в завтрашний день. Вспомни, какой ты приехала в Овальный город. Вся разрушенная, отчаянная. Присутствие, пусть и виртуальное, этого мужчины в твоей жизни сделало тебя сильнее... Когда ты поначалу рассказывала о нем, я уже догадывалась, что такого человека нет в реальной жизни. Например, помнишь, как мы ходили в

«Буэро» на концерт Ламинсы? После ты спрашивала меня о моих впечатлениях о Рэ: мол, понравился ли он мне. Мы там действительно были. Но с нами не было мужчины.

– Но я же писала о наших встречах в дневнике...

– Вот именно, писала! Тебе нужна была эта история. Пойми, Север.

– Начо, прошу – уходи. Это неудачная шутка. Пожалуйста, уходи!

– Север...

– Уходи!

* * *

По ночам на Овальный город обрушиваются холодные дожди. Они приходят грозами, будят меня молниями, будто говорят: эй, проснись и посмотри на нас, мы прогнали лето. Но сегодня я встречаю грозы не в постели, а сидя на балконе, завернувшись в плед, с телефоном в руке.

Звоню ему. На том конце не слышно ни гудков, ни его голоса. Вместо этого бесчувственный робот повторяет: «Набранного номера не существует». Звоню в абонентскую службу оператора мобильной связи. «Девушка, номера с названной вами серией не существует». Как же так? Ведь еще вчера я слышала голос Ревеса. Пусть и сквозь жуткие помехи, которые усиливались с каждым звонком. И вот теперь будто ничего не было. Неужели мое «будто» – это самообман?..

Я не могу забыть слова Начо. Они словно отдаляют меня от тех солнечных дней, что прошли рядом с ним. «Ты его выдумала, Север!» Спасаясь воспоминаниями. Помню, как минувшим августом я выбирала для нас шарфы ручной вязки на рынке в Желтой деревне, а ты всячески меня отговаривал: «Как только покупаешь теплый шарф, уже на следующий день начинаешь кашлять и говорить в нос, даже если за окном лето. Я это не раз проверял, Север».

Я так и не купила шарфы для нашей осени. Неужели наша история завершилась вместе с летом? Завтра утром напишу тебе электронное письмо.

Ты не сможешь уйти из меня, потому что из сердца никто никогда не уходит. Физически это возможно, но не на уровне сердца. Те, кто в него допускается, навсегда в нем остаются. Возможна только перестановка мест, к примеру с первых рядов на дальние, но от этого суть не меняется: в сердце погостить невозможно, в нем остаются только на постоянное место жительства.

Было время, когда я бунтовала, всеми возможными способами пыталась стереть тех, кого допустила в свое сердце. Тех, о ком думала долгими ночами, но кто не думал обо мне. Тех, кому я звонила, перешагнув через свою гордость. Это не были безрассудные поступки юности. Просто в любви я сдаюсь абсолютно всем порывам, рождаемым в глубине сердца. Хотя, конечно, часть из них неплохо было бы сдерживать. Ведь каждый смотрит глазами собственного опыта, и не всегда те тепло, нежность, забота, которые я отдавала, воспринимались как любовь.

Некоторые мужчины, наверное, полагали меня чрезмерно назойливой или... изнемогающей от желания поскорее выйти замуж. Я уходила, меня бросали, мы расходились одновременно, но я все равно продолжала беречь их образы в своем сердце, потому что иначе не могла. Сердце и на заре человечества не слушало разум, и теперь не научилось.

А еще я так и не смогла относиться к любви как к обыденности, если здесь вообще уместно это слово.

* * *

Хорошо. Ты не сможешь из меня уйти, потому что я сама тебя выдумала. Да, наверное, все так и есть, как говорит Начо. Да, наверное, я выдумала тебя, чтобы спастись любовью. Ни о чем не жалею. Потому что я любила тебя и люблю, мое сердце ожило благодаря тебе, я согрелась в твоих, пусть и выдуманных, объятиях.

Важно не то, что мы видим. Куда важнее то, что мы чувствуем. Только прочувствованное и пережитое никогда не забывается, это и есть основная составляющая воспоминаний. Своими я научилась гордиться.

Было время, когда я убегала от них – нет, только не они, пожалуйста, мне больно, не хочу вспоминать, избавьте! Я, юная дурочка, надеялась, что обязательно появится тот, кто избавит меня от воспоминаний. Он и появился. Только не для того, чтобы спасти от прошлого. Он появился для того, чтобы подарить мне новые дни, которые оживят, исцелят и которые тоже когда-нибудь превратятся в воспоминания.

Однажды я спросила у бабушки, есть ли лекарство от воспоминаний. Она сказала, что я его непременно найду, но не сразу. И я нашла это чудодейственное средство десять лет спустя. В Овальном городе.

«Я знаю, девочка моя, от некоторых воспоминаний хочется поскорее освободиться. Забыть как страшный сон. Но у каждой из нас есть такие раны, которые долго могут кровоточить, будить по ночам. И тут не стоит паниковать, искать обезболивающие. Стоит лишь набраться терпения и ждать, когда время подберет тебе лекарство. Для каждого оно разное. Для кого-то – новая любовь, для кого-то – ребенок, а для кого-то... хотя бы море. Однажды ты окажешься у моря, и оно унесет на своих волнах боль воспоминаний. У каждого из нас свое море».

* * *

Ты не сможешь из меня уйти, потому что... я люблю тебя. Строчки, написанные выше, меркнут на фоне такого большого чувства. Я не знаю, как долго буду носить в себе эту любовь. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь снова тебя обнять и услышать биение твоего сердца. Я не знаю, что ждет меня в завтрашнем дне – где я буду, с кем и зачем. В любом случае я буду любить тебя. И мне от тебя ничего не нужно, поверь! Ни ответов на мои письма, ни прикосновений губ, ни протянутой руки. Я просто люблю, питаюсь этим чувством.

Когда я пишу «ты не сможешь из меня уйти», это не значит, что я буду пытаться удержать тебя. Как-то остановить, чем-то вернуть обратно. Нет. Я просто хочу сказать, что теперь ты живешь в моем сердце и, куда бы ты ни ушел, как бы ты ни исчезал, я все равно буду возвращаться к тебе через саму себя. Загляну в себя – и увижу тебя. Прислушаюсь к себе – и услышу легкий хрип твоего дыхания.

Начо как-то сказала, что любить кого-то означает желать в первую очередь счастья ему, а потом себе. Моя любимая Погода, я хочу тебе счастья. Я хочу, чтобы твои печальные глаза улыбались, чтобы ты не возвращался назад и не утратил в дороге теплоты своего сердца. Я увидела его в твоих карих глазах – и... влюбилась. В сердце.

Если ты будешь улыбаться, буду улыбаться и я. И совсем не важно, увидишь ли ты мою улыбку или увижу ли я твою. Ведь важно не то, что мы видим. Куда важнее то, что мы чувствуем.

Я хочу сказать тебе спасибо. За то, что ты прижал меня к себе тогда, когда я уже никому не верила. Даже себе. При первом твоём прикосновении я слегка вздрогнула, опустила глаза, недоверчиво повинаясь внутренним порывам. В эти секунды мне хотелось оторваться, убежать к морю, а потом объяснить тебе: «Прости, я не могу. Боюсь снова привыкнуть».

К одиночеству ведь тоже привыкаешь. С ним даже возможен вполне гармоничный союз: живешь наедине с собой, готовишь ужин на одного, засыпаешь перед телевизором и не ждешь появления спасителя, которое все равно случается лишь в книгах и фильмах. Да, это одиночество болезненное, морозное, но зато оно честное – лучше быть одной, чем с кем попало.

К моменту встречи с тобой я так приспособилась к состоянию отчаянной невесомости, что положить свою руку в твою ладонь мне было нелегко.

Да, мне ужасно хотелось твоих объятий, уткнуться носом в шею, запустить пальцы в волосы на затылке. Да, мне ужасно хотелось остаться рядом с тобой после первой же встречи. Да, мне ужасно хотелось расплакаться, положить голову тебе на колени и сказать: «Я очень устала. Помоги мне». Я сдерживалась из последних сил, сохраняя границы привычного одиночества. «Не подпускай его близко. Ты привыкнешь, влюбишься, доверишься, а он возьмет и уйдет, даже не предупредив».

Почему я все же решила тебе довериться, Погода? Помнишь тот июньский день, когда ты, я и Пако гуляли по берегу встревоженного ветром моря? Ты тогда мне сказал то, что перечеркнуло все мои опасения, страхи.

Да, слова имеют не только разрушительную силу, иногда благодаря им... возрождаешься. Человек говорит тебе пару слов, и, сам того не понимая, касается ими дна твоего сердца, где десятки осколков вдруг склеиваются, снова становятся единым целым.

Помню, в тот день мы говорили о каких-то пустяках. Ты рассказывал, что в городе, из которого приехал, начали строить мост. Большой красивый мост через море. А еще ты описывал мне колодец в

саду старого дома твоего дедушки: «В детстве я жутко боялся этого колодца. Он мне казался таким глубоким. По ночам я слышал, как он злобно вздыхал, заглушая убаюкивающий шелест оливковых деревьев. Перед тем как приехать в Овальный город, я съездил в тот дом. Теперь там живет моя сестра Клюква с детьми. Такие странные ощущения. Тот колодец, который казался мне таким большим, на самом деле мне по пояс».

Пару минут мы молчали, а потом ты добавил: «Я построю такой же дом. Для нас с тобой». Я кивнула, улыбнулась и побежала за Пако, который в этот момент сорвался с поводка, бросившись вслед за чайкой. Я бежала со слезами на глазах, я не хотела их тебе показывать. Не знаю почему. Но одно я знаю точно: именно те твои слова сделали меня сильнее. И я тогда сказала себе: «Теперь мне хватит сил, чтобы закрыть дверь в прошлое и любить тебя, Погода».

У нас с тобой был дом. Пусть и не нами построенный, но он все равно был наш. Ведь именно в нем наша любовь окрепла и утвердилась.

* * *

Я хочу сказать тебе спасибо. За то, что ты научил меня идти дальше, даже если в моей руке не будет твоей. В начале нашей истории я, отогреваясь в твоих объятиях, думала, что уже не смогу иначе – без тебя.

Однажды я даже сказала тебе: «Погода, я так долго шла к тебе. Так много всего потеряла в дороге. А что будет со мной, если ты вдруг уйдешь? Ну, надоест тебе твоя рыжая муза, да еще и вечно ноющая». Ты рассмеялся, смахнул засохшие лепестки цветов с подоконника и ответил, что каждый, кто любит по-настоящему, проживает вместе с этим чувством эволюцию понимания одного явления – веры: «Любовь не только делает нас счастливыми. Она еще и закаляет, укрепляет нашу веру в самих себя. В то, что мы по-прежнему способны отдавать и принимать, несмотря на пережитые расставания. В то, что стоит идти дальше в любом случае, при любых потерях. Ведь жизнь периодически дарит нам столько хороших, теплых дней, что на их фоне пережитые заморозки кажутся ерундой».

Я тоже терял, Север. Я тоже часто думал, что не смогу подняться снова, что больше не смогу любить, ждать, надеяться. Так всегда бывает после расставания. А потом вдруг встречаешь своего человека в совершенно неожиданном месте – и желание любить, быть счастливым в тебе снова оживает».

Все так и есть. Все так и будет. Благодаря нашей любви я теперь это знаю точно. Спасибо.

Я укладываю Сию и, тихо собравшись, спускаюсь к набережной. Вокруг угрюмая ночь, кошки прячутся в тени переполненных мусорных баков, с верхнего этажа одного из зданий доносится женский плач, и мне совсем не страшно, хотя недалеко отсюда на меня было совершено нападение.

Все, что сейчас окружает меня, настолько приблизилось ко мне, что уже ничем не пугает – я все рассмотрела, пощупала, приняла, к чему-то привыкла. Я будто отсюда, будто всегда здесь была. Знаю запах здешних закоулков – в каждом из них будто кто-то жарит каштаны, которые подгорают. Знаю, что здесь не принято болеть прошлым, этот вирус занесли приезжие.

Я уже числюсь в списке тех, кто исцелился на этой горячей от солнца земле, и теперь отчетливо чувствую, что живу там, где нужно, на «своем» месте, и от этого жадно предвкушаю каждый новый день.

Подхожу к морю. Оно волнуется из-за проделок ветра, но все равно улыбается и говорит мне, что ждет солнца и нового дня, который отправит восвояси эти холодные порывы воздуха, вторую ночь тревожащие сон рыб.

Я мысленно обнимаю море и шепчу ему на ухо те слова, которые когда-то оно сказала мне: «Боль – это часть счастья». После длительного перерыва снова закуриваю. Сигарета сейчас для меня что-то самое близкое, молчаливо понимающее. Каждым долгим выдохом словно преодолеваю волнение. И пусть это иллюзия, но сейчас она необходима. Через четыре дня буду в Желтой деревне. От Рэ по-прежнему никаких новостей. Попросила Панду проведать наш домик, та обещала завтра утром сходить.

Сегодня перечитывала написанное за последние три дня. В каждой записи смирение с тем, что Погода покинул мою жизнь. Будто он... ушел. Тихо, без слов и объяснений. Ушел в другой город, быть может, в другую страну, в другую жизнь, которую должен спасти своим появлением. Я читала о своих чувствах, и внутри горячо пульсировало знание. Будто я с самого начала знала, что он не будет со мной до... До чего? До конца? Моей жизни?..

А еще я заметила, что больше не пишу и даже не думаю о своей болезни. Некоторое время боль не дает о себе знать. Странно. Только бы это не стало затишьем перед бурей.

* * *

– Это сон или ты действительно здесь?

– Разве это важно? Главное, я рядом. Мы чувствуем, видим, слышим друг друга.

– Хочу к тебе прикоснуться, Погода.

– Прикоснись...

– Почему мы отдаляемся друг от друга, скажи?

– С чего ты взяла? Между нами нет никакой стены. Нет обид, сомнений, размолвок. Изменилась всего лишь погода. Я остался в том лете, а ты уже в этой осени. Тебе к лицу осень. Она цвета твоих веснушек.

– Но я хочу быть с тобой. В нашем лете. Хочу, чтобы оно продолжалось для нас.

– Это невозможно, Север. Наше лето научило тебя важному и ушло. Теперь ты должна идти дальше, в другие времена года. Должна прийти к главному осознанию. Ты уже в двух шагах от него... Я проводил тебя одну в следующую погоду, чтобы не мешать. Чтобы не исказить ощущения. Чтобы не возвращать тебя назад. В наше лето, которое важно благодарить за...

– ...тебя. За нас.

– Скорее за то, что ты вернулась к любви, научилась быть рядом и при этом не растворяться до конца в другом человеке. Ты больше не теряешься в прошлом, полюбила тишину и вот как смело сидишь перед волнами. Хотя раньше они тебя пугали, помнишь? Ты их только слушала, но боялась за ними следить.

– Да, помню... Но наше лето, оно все-таки есть. Это такое место, куда можно возвращаться, бродить там и даже пожить пару дней. Если мне будет тоскливо.

– Ты не будешь скучать по мне, Север.

– Я уже скучаю.

– Это просто часть привычки. Скоро ты будешь не постоянно помнить, а время от времени вспоминать. Так нужно. Я стану для тебя всего лишь частью лета, места, куда ты еще не раз вернешься. Чтобы улыбнуться тому, что было. А еще ты будешь приходить сюда, когда тебе будет не хватать света. Будешь прогуливаться по утренней набережной, срывать солнечные персики с зеленых деревьев, сидеть на теплых камнях площади Суэрто, слушать Ламинсу по вечерам и есть со мной на веранде груши, фаршированные сладким рисом. Они у тебя очень вкусно получаются.

– Ревес...

– Да, любимая.

– Не уходи. Прошу.

– Я никуда не уйду. Я остаюсь здесь. Стоит тебе только захотеть, и ты тоже окажешься здесь.

– Хорошо... Я люблю тебя.

– А я тебя.

– Я иду вперед. У меня сейчас нет другого выбора. Хотя твое отсутствие в моем настоящем снова заставляет жить прошедшим. Я была бы намного сильнее, если бы твоя рука была в моей.

– Тебе так кажется, Север. Твоя сила в тебе.

– Сила?

– Поверь мне, так и есть!

– Прошу тебя... Я не хочу этого слышать!

– Почему?

– Я устала быть сильной! Устала идти вперед, теряя по дороге самое родное, близкое. То, что вернуло мне силы, помогло поверить в завтра, в саму себя. В нас. И теперь ты покидаешь мое настоящее, предлагаешь довольствоваться встречами в иллюзорном лете... Знаешь, когда ты мне объясняешь, я сразу все понимаю, но вот принять это намного сложнее. Потому что объясняешь ты, будучи рядом. А принимать приходится без тебя, в одиночестве.

– Север, послушай...

– Что слушать?! Что ты больше не будешь со мной? Что теперь ты – одно лето моей жизни? Что ты ушел?!

– Я не уходил.

– Тогда где ты? Почему я вижу тебя только в снах? Почему я просыпаюсь, а вокруг ничего, кроме мыслей о тебе, и нет никакого твоего следа в реальности? Пойми, я не капризничаю, не закатываю истерик. Я просто люблю тебя. И мне без тебя тяжело.

– Я с тобой.

– Где? В снах? Эй, немедленно выключите этот сон! Я не хочу больше быть здесь. Я не хочу красивых слов, каких-то невероятных, невыполнимых обещаний... Пусть кто-нибудь вытащит меня отсюда...

– Север, перестань!

– Я устала, пойми. Не проще ли было не любить? Не проще ли было не привыкать? Зачем сегодня быть вместе, если завтра мы будем по отдельности?

– В любви вопроса «зачем?» не существует. В любви не существует вопросительных знаков – только восклицательный и многоточие.

– В нашем случае, наверное, точка.

– В настоящей любви точки не бывает. Можно разойтись, разругаться, разочароваться – возможно абсолютно все. Но какие бы причины ни были, настоящая любовь все равно продолжает жить в сердце. Она отделяется от разума, живет вне происходящего. Ты ничего не можешь поделать с этой любовью и просто сохраняешь ее в себе.

– Скорее, запираешь, а не оставляешь.

– Запирают те, кто боится своих чувств. А оставляет ее в себе тот, кто ею гордится. Гордится тем, что было, продолжая жить каждым новым днем.

– Ревес...

– Да?

– Я тебя очень сильно люблю.

– Знаю.

– Все мои тревоги, все мои бунтарства – от этого. Прости. Сейчас я бессильна перед порывами сердца, они имеют надо мной непреодолимую власть. Это одновременно делает меня счастливой и до чертиков изводит. Потому что любовь...

– ...неуправляема?

– Неуправляема! Как телевизор, перед которым ты сидишь, связанный. И не переключишь канал, и из розетки не выдернешь.

– А юмор тебя не оставляет. Так держать, Север!

– Милый, я больше не буду говорить тебе, пусть и во сне, о том, как мне тяжело без тебя. Я больше не буду приставать к тебе с описанием деталей и их значения, и искать в прошедших событиях мнимые знаки не буду тоже. Все! Теперь я просто буду... рядом с тобой. Пусть и во сне. Я буду смотреть на тебя, слушать тебя и ждать. Ждать, когда наступит утро и все эти беседы окажутся одним длинным сном. Я проснусь в нашем домике в Желтой деревне – и вдруг увижу тебя, спящего рядом. В наших ногах будет лежать Пако, за окном будет снова лето, и во мне не останется никаких тревог. Чтобы ты ни говорил, я уверена: это утро обязательно наступит. Пусть даже в следующей жизни.

– В этой вере и заключается твоя сила! Ты умела и умеешь ждать, наперекор всему. Отныне и я не буду тебя ни в чем убеждать. Я тоже... просто буду рядом, пусть и во сне. Буду любить тебя и ждать момента,

когда я вернусь в твою реальность. Быть может, в другом виде, но главное – вернусь! Ты непременно почувствуешь, что это я. Сердцем. Я обниму тебя, проведу пальцами по твоим рыжим волосам и скажу, что соскучился.

– Ты даешь мне надежду?

– Нет. Я просто люблю тебя.

Завтра без тебя уже не пугает. Тебя так много во мне, что все временные ограничения потеряли актуальность. Я как-то сказала об этом Начо. Она рассмеялась, налила мне второй бокал вина и назвала «влюбленной дурехой». «Не понимаю тебя я, Север! Вроде бы не в первый раз, вроде бы обжигалась, а все равно приукрашиваешь, оправдываешь... Каждой из нас на каком-то этапе любви кажется, что мы будем вечно любить только этого мужчину. Да, это прекрасное время, окрыляющее. Но, поверь мне, это самый махровый идеализм, типично женский».

Я ничего не отвечаю, меняю тему, спрашиваю, купила ли она то синее пальто, что отложила в магазине на Сорок четвертой улице. Начо обожает пальто ярких цветов, у нее их целая коллекция.

Она мгновенно оставляет свои рассуждения на тему идеализации мужчин и приступает к описанию шарфиков, которые подошли бы к тому самому синему пальто. Для нее все так просто. Может, переросла эти чувства? Может, разочаровалась до конца? Может, ее любовь к мужчинам более... зрелая? Неужели любовь может быть незрелой?..

Не могу я любить тихо. Не могу сдерживать то, что вырывается из меня с сумасшедшими ударами сердца. Каждую минуту мысли о тебе текут широкими потоками, а чувства громоздятся подобно горам в каком-то особом месте внутри, где начинается вдох. А вечерами я сижу на балконе, накинув на плечи кашемировый жакет, жадно вдыхаю дождливый воздух, который приносит мне тебя. В эти мгновения я не думаю, кто кого любит сильнее или кто кого спас. Я просто люблю и отнюдь не чувствую себя потерянной странницей, бесконечно путешествующей в поисках тебя.

Ты внутри меня, куда бы я ни пришла. Лишь иногда, ветреными ночами, когда моя вера ослабевает, мне кажется, что все произошедшее с нами было в другой жизни. Где вроде бы были мы, но все будто не про нас, теперешних. Разлученных временем.

За окном ночь. Ветра смолкли. Не тепло и не холодно. Но очень тихо, будто время замерло. Я, так и не сумев заснуть, пишу о том, что не успела сказать тебе. Ты внезапно исчез во времени, оставив в моем сердце так много света. Много осталось слов, прикосновений, которые я не успела подарить тебе. Ручка в руке, белый лист – и я пытаюсь приблизиться к тебе через это письмо. Так много всего, и толком не ложится на бумагу. «Я люблю тебя, Погода». Это самое главное, что мне хочется писать снова и снова.

Я знаю, что тебя не вернуть, что наше время осталось в границах одного лета. Я знаю, что ты многое мне дал, ко многому подтолкнул, многому научил, сам того не заметив. Я знаю, что бесполезно делать вид, будто все по-прежнему. Я должна жить дальше. Милый, честно, я все понимаю, но все равно... скучаю. В дневное время суток эта тоска не так остра, как ночью. Особенно когда за окном такая затаившаяся природа, как сегодня.

Именно сейчас мне хочется оказаться в пекле самого шумного мегаполиса, чтобы постоянный шум движения и разговоров заглушил мою тоску. Чтобы я не ощущала ее вообще, если такое возможно.

Милый, а давай вместе ловить взглядами падающие звезды и загадывать одно желание на двоих. Давай вместе спускаться на набережную с воздушным змеем в руках – ты будешь запускать его, а я пронзительно визжать, когда резкий порыв ветра подхватит наше разноцветное летательное устройство, которое мы сделаем своими руками. Кстати, хочу тебе кое в чем признаться: я визжала не от страха потерять воздушного змея – я боялась, что ветер унесет тебя. Знаю, я похожа на сумасшедшую. Но, поверь, в такие мгновения меня посещал именно такой страх.

Милый, вернись же. Ты можешь не жить со мной, ты можешь больше не называть меня любимой. Мне будет достаточно того, что ты будешь недалеко. В Желтой деревне. В этом самом месте, где ты однажды крепко-крепко обнял меня и спросил: «Ты будешь со мной всегда?» Я тогда ничего не ответила, спрятала лицо в твой шарф, повторяя про себя: «Конечно, конечно, конечно!» Почему не сказала вслух? Боялась не выдержать такой огромной радости. В итоге я привыкла, полюбила еще сильнее, чем тогда, и теперь жалею, что промолчала.

Милый, я хочу, чтобы ты знал одно: твое имя всегда на моих губах. Я буду сдерживаться, чтобы не произнести его вслух: пусть никто не знает, как мне тяжело без тебя. Зато я буду повторять его про себя, надеясь когда-нибудь встретить тебя в толпе. И когда я увижу тебя, это будет самый счастливый день. Самый долгий и удивительный.

– Панда, мне так хочется хотя бы казаться неуязвимой. Отключить бы сердце и жить без мыслей о потерях. Вместо этого я, как угловатый подросток, занимаюсь самоедством...

– Подруга, когда любишь, всегда так. Становишься уязвимой, в глазах какое-то трогательное томление и страх. Страх потерять человека, которым живешь, хотя головой понимаешь, что так нельзя.

– Мне вот Начо доказывает, что Рэ не было, мол, я все выдумала, чтобы справиться с отчаянием.

– Да какая разница – был он или не был. Главное, ты любила! Твое сердце жило, ты снова полюбила жизнь и вот как хорошо теперь выглядишь даже в камере скайпа. Я же в ней всегда в три раза шире и с мешками под глазами.

– Панда, меня больше не беспокоят боли. Температура не поднимается, рвоты по утрам нет. Я даже забыла на время о болезни.

– Слушай, беги обследоваться! Всегда нужно знать, что происходит в твоём теле... С другой стороны, что, если эта любовь исцелила тебя не только морально, но и физически? Нет, слушай, это было бы обыкновенное чудо! Ну чем не сюжет для голливудской мелодрамы?

– Для Голливуда не пойдет. Я встретила любовь, но все равно потеряла ее. А это уже не хэппи-энд.

– Север, ты только не раскисай...

– Панда, милая, но мне так грустно... То одно, то другое... Я что же теперь, сумасшедшая? Не так все должно было быть. Не знаю, как именно, но точно не так.

– И все-таки...

– Да я знаю, что ты сейчас скажешь! «Надо идти дальше». Да, надо. Даже если я не хочу, у меня нет выбора. Нет никакой альтернативы, кроме как смириться.

– Север, мне вот порою кажется, что там, где не больно, нам неинтересно...

– А я устала от этого «больно», просто устала болеть! Может, это и есть нормальное состояние? Не может же человек всегда быть сильным.

– Именно! Да тебе вообще повезло, что у тебя был твой Рэ. Он многое тебе дал. Поставил на ноги, убедился в том, что ты уже самостоятельно ходишь...

– Его ведь не было в «желтом» доме, так? Ты его тоже не видела, да? Его не было, а по мне психушка плачет!

– Зато я видела счастье в твоих глазах. Кстати, за Пако не беспокойся, этого обжору я приютила у себя.

– Пако... Я так соскучилась по нему. Ничего, билет на автобус куплен, завтра вечером выезжаю к вам.

– Север...

– А?

– Я хочу снова увидеть счастье в твоих глазах.

– Знаешь, Панда, как бы мне тяжело ни было, все равно в глубине души я счастлива. Счастлива, что прожила столько прекрасных чувств за столько прекрасных дней.

– И правильно! Я вот почти всегда говорю, что счастлива, даже когда раздражена чем-то и по всем внешним признакам явно не в духе. Я умею быть и счастливой, и разбитой одновременно. Но счастье все равно перевешивает... Вот вернешься, и мы запишемся с тобой на йогу.

– Честно говоря, я пока не очень представляю, что буду делать в Желтой деревне. Все деньги перечислила в детский фонд, квартиры у меня нет, наверное, буду искать работу, чтобы оплачивать жилье.

– А давай ко мне, а? Мне все равно одной скучно. Разделим на двоих месячную плату за мою однушку...

– Давай лучше в наш с Ревесом домик. Там было по-настоящему хорошо...

– Хватит жить воспоминаниями!

– Это счастливые воспоминания, которые заставляют жить дальше. Согревают. Помню, как мы... я въезжала в этот дом. Забитое сумками такси, недовольный перегрузом водитель и в итоге спустившееся колесо у машины, к счастью, уже в метре от дома. А потом мы... мы долго убрали комнаты. Вытряхивали ковры, пылесосили, перетаскивали мебель, раскладывали вещи и устраивали передышки, валяясь на матрасе и слушая Челентано.

– Видишь, Север, а сколько хорошего еще может быть! И этот кусочек счастья тоже навсегда останется в тебе. Ты часто будешь к

нему обращаться, улыбаясь и благодаря Вселенную за такой подарок. Да, именно подарок! Думаешь, каждому человеку посчастливилось любить? Так что соберись, мой пупсик. Флаг в руки, барабан для равновесия – и вперед, навстречу жизни.

– Как? Барабан?! Слушай, я чуть со стула не упала от смеха!

– Ну вот и смейся! Всегда смейся! Кстати, вчера от тоски по лету я купила желтый лак. Такой, знаешь, цвета куркумы, может, немного светлее. Была уверена, что ни к чему не подойдет, но так сильно заскучала по солнцу, что взяла. Вот сейчас покрасила, полюбуйся! Красота? А, чуть не забыла! Главная новость дня. Сегодня в Желтой деревне выпал снег. Мне с утра пришлось расчищать дорожку перед калиткой. И похоже, я простудилась. Горло болит, ноги мерзнут. Вот так, зима наступила... Север, приезжай, будем варить глинтвейн и ныть в обнимку.

– Скоро увидимся, Панда. Очень скоро.

Если ты спросишь, как я живу без тебя, то я просто не знаю. Да, я дышу, хожу и даже перепрыгиваю через препятствия. А еще режу овощи для салата, избавляюсь от ненужной одежды, могу поругаться с продавцом магазина напротив, если подсунет мне скисшее молоко. Я стараюсь встречать каждый новый день без мыслей, оттягивающих обратно, во вчерашний. Я стараюсь именно жить, но пока не очень получается.

Что значит «не получается»? Мне сложно объяснить, но есть чувство неудачи – под оболочкой, которая окружающим может казаться вполне жизнерадостной. И только некоторые, самые родные (и совсем не обязательно по крови), могут прочесть по глазам. А глаза пока не научились врать – раз затемненные очки по-прежнему в моде, значит, нам всем по-прежнему есть что скрывать.

У меня есть такой родной человек – Начо. Даже если она не разделяет моих увлечений, она все равно своя. Та, которая не оставит ни в горе, ни в радости, будет держать за руку. Начо смотрит в мои глаза, и они ей рассказывают о том, что я редко произношу вслух.

О том, что я вечерами хожу по тем же улицам, по которым ходили с ним. Он всегда смущался, когда я целовала его в нос, – так по-детски и так мило. Опускал глаза, и я видела близко-близко его красивые ресницы, темные брови и нос с горбинкой и шептала быстро-быстро: «Как же я тебя люблю-люблю-люблю».

Мои глаза еще рассказывают о том, как я умею быть в себе. Мне даже окружающий мир не нужен. Мне не нужны эти набережные, эти падающие звезды, эта уютная кухня с бежевыми обоями и занавесками в желто-белую клеточку. Мне не нужна даже эта любимая нами осень с оранжевыми красками, ранними сумерками и приглушенными звуками. Во мне всегда одна погода. Во мне всегда я и ты. Все как было, все по-прежнему. Там я прикасаюсь к тебе, вдыхаю твой запах. Там есть мы. И все бы хорошо, если бы не чувство самообмана, заливающего серыми дождями тоски...

А Начо все видит, все читает и больше ничего не говорит. Я кладу голову ей на колени, смахиваю украдкой изредка бегущие слезы, а она перебирает мои волосы и поет своим хриплым грудным голосом

песню: «Эй, девочка, это не вы, ты обозналась. Они слишком счастливые для того, чтобы быть вами. Они прячутся в объятиях друг друга от холодного ветра из тех времен, что остались позади сомкнутых плеч. Они не срубают бамбук, он их ограда от мира, в который не вмещается счастливая любовь... Эй, девочка, это не вы, ты не плачь. Слезы, как сок тростника, застывают липкими следами на сердце, оставаясь невидимыми. И это плохо. Слезы лучше видеть, чтобы помнить о том, что их было пролито вдоволь – хватит уж! Ты лучше пой со мной. Пой и плачь словами. Вслух и для тех, кто все еще плачет...»

Начо, подруга, честное слово, я пытаюсь не плакать. Я вот в дневнике не раз писала о том, что получила много-много счастья. Тогда почему я снова плачу? Из-за того, что все закончилось так внезапно, так неожиданно, так глупо. И я не злюсь на жизнь, которую вечно упрекают в том, что она что-то недодала или что-то не осуществила. Это просто... любовь, которая не находит прежнего выхода. Которая была, есть и останется целой вселенной для каждого из нас. И мою вселенную сейчас заполонили тучи, и мне страшно, что за ними я больше никогда ничего не разгляжу. Но я все равно иду дальше. Благодаря тому маленькому миру внутри меня, где всегда одна погода, где ты обнимаешь меня на веранде заката. Где говоришь: «Ты – мое».

Именно «мое», а не «моя». И в этом «мое» заключается главный посыл любви – когда тот, кто рядом, дополняет тебя, а не забирает себе.

Автобус пробирается сквозь дождь, за окном мокрая ночь, до Желтой деревни полчаса пути, а я совершенно спокойна. Будто все переживания из-за исчезновения Рэ я оставила там, в городе, где началась наша история.

Сейчас не думаю о том, что меня ждет в Желтой деревне. Быть может, я зайду в наш домик и увижу его, сидящего за своим ноутбуком. Он обнимет меня и скажет: «Я соскучился». Быть может, я встречу там холодную тишину некогда теплых комнат, где несколько недель назад его прикосновения лечили меня от тревог и волнений, а время протекало стремительно и спокойно одновременно.

А может быть, распахну двери пустого дома и, переступив порог, увижу белого кролика, который достанет часы из жилетного кармана и уведомит о том, что Рэ опаздывает. Почему бы мне не стать немного Алисой?

Неровным почерком я пишу эти строки в дневнике, в нем осталось только шесть чистых страниц. Последних. Значит, я завершаю большой этап жизни, за которым последует... что-то еще.

Сегодня утром, передав крошку Сию ее маме, я пошла в клинику. Сдала анализы, побеседовала с врачом. Он насторожен, но виду не подает. Завтра утром будут результаты. Честно говоря, я даже не беспокоюсь. Впервые за последний год внутри меня непоколебимое спокойствие.

Проезжающие машины, спешащие по делам люди, на соседнем сиденье гримасничает девчушка, яркие картинки мелькают на экране телевизора. Сейчас все это превратилось в бесконечную череду беззвучных слайдов. Я лишь наблюдатель. Я ничего больше не боюсь.

* * *

– Панда, я сдала анализы. Завтра утром узнаю, сколько мне осталось. Прогноз на будущее.

– Все будет хорошо, не паникуй!

– Я не паникую. Я настолько спокойна, что меня это настораживает. То ли это такая форма депрессии, то ли смирение.

– Нет, Север, только не смирение! Не люблю я это чувство, оно сродни признанию поражения...

– Но ведь сколько в нашей жизни было поражений, которые стали стимулом для дальнейших побед! Если бы тогда, в Городе непогод, меня не оттолкнули, я бы не оказалась здесь. Не встретила бы столько потрясающих людей. Не встретила бы своего Ревеса... Не смогла бы заново полюбить жизнь.

– В чем-то я согласна. Но вот лично я слишком тяжело переношу поражения, хотя умом понимаю, что зачастую они на пользу. Однако сам факт того, что я не достигла, не отвоевала, не получила, долго мучает меня.

– Панда, я испытала поражение в любви. По-моему, это самое болезненное для женщины. Но видишь, несмотря ни на что, в моем сердце не остается никакой горечи. Там может быть тоска, сомнения, сожаления – все что угодно, но только не горечь.

– Я недавно вычитала, что сердце человека перекачивает около девяти тысяч литров крови в день. Представляешь, девять тысяч ежедневно?! И мне стало жалко наше сердце. У него сколько работы, вдобавок еще мы истязаем его своим страданиями...

– Вот! Не хочу больше с каждым вопросом обращаться к сердцу. Буду беречь его. Пусть теперь разум работает. А то я с детства со всем бежала к сердцу, не давала ему покоя. В итоге сердце превратилось в одну вечно открытую рану, которая никак не заживет.

– Конечно, заживет, куда оно денется?! Я все же полагаюсь на время, хоть и говорят, что оно ни черта не лечит. Нет, лечит. Медленно, но все равно лечит. И лечит по-своему. К примеру, посылает нам навстречу людей, которые на какой-то срок становятся нашим лекарством. Или отдаляет нас от тех мест, где на каждой улице, в каждом переулке воспоминания непрестанно показывают нам документальное кино.

– Оба случая – мои. Я тоже возлагаю надежды на время. Оно ведь никогда не ложится спать, постоянно работает. Чаще против нас, но в этом случае – на нас. Я верю времени. Оно непременно вернет мне то, что должно быть моим или со мной.

– Слушай, Север, со стороны, наверное, мы выглядим такими мудрыми сумасшедшими...

– ...хотя на самом деле глаза вечно на мокром месте, а нос под платком.

– Вечные бабские крайности. Вроде смирились, вроде стали сильнее, вроде открыты новому, а все равно суеверно обходим предметы из прошлой жизни, и даже похожие на них.

– Так точно, подруга!

Эпилог

Знаешь, чем
здесь хорошо?
Смотри: вот мы
идем и оставляем
следы на песке,
отчетливые,
глубокие. А завтра
ты встанешь,
посмотришь на
берег – и ничего не
найдешь, никаких
следов, ни
малейших отметин.
За ночь все сотрет
море и слижет
прибой.

Словно никто
и не проходил.
Словно нас и не
было.

*Алессандро
Барикко*

Спустя семь месяцев

Я открываю глаза, оглядываю свою белую комнату, которая еще не обставлена, но зато закончен ремонт. Мой домик в Желтой деревне теперь стал еще светлее, уютнее. Сейчас мы снимаем его на пару с Пандой. С нами живут Пако и малышка Сию, которую Сома часто привозит к нам в гости. Она как будто и мой ребенок, и я отдаю ей всю любовь, что живет во мне.

Скоро в нашем домике появится новая мебель белого цвета и все недостающие детали. Скоро в нашем домике будет круглый стол с белой скатертью, много цветов на подоконниках и глиняных банок для

круп на кухонных полках. Когда-то в этих стенах я снова поверила в счастье, и до сих пор продолжаю в него верить. Оно теперь мой постоянный спутник, иногда ровное, иногда яркими вспышками, все чаще и чаще. Теперь я живу, а не жду жизни.

* * *

Я открываю глаза и чувствую, как переполнена силой, радостью новому дню. У меня ничего не болит. Полгода назад пораженный врач подтвердил, что я здорова и нет даже намека на прежнюю болезнь. Он удивился, когда я сказала, что приехала в эту страну со страшным диагнозом, готовясь к смерти. Врач посмотрел на меня как на сумасшедшую и отправил в другую клинику, где меня перепроверили и подтвердили, что я совершенно здорова.

Сейчас я понимаю, что моя болезнь ушла вместе с прошлым, которое я отпустила. И в этом мне помог Ревес. Мужчина, которого я выдумала, но он был. Какая разница – во мне или вне меня? Он мне очень помог, попросту подарил мне завтра, и это завтра принесло мне исцеление. Сейчас внутри меня такой удивительный мир: бескрайние зеленые поля и много солнца и неба.

И если правда, что любая болезнь – болезнь души, то моя душа, очевидно, выздоровела. Для меня это именно так. А доктора могут поискать другое объяснение.

* * *

Я открываю глаза и понимаю, что уже давно не прихожу к нему во сне. Ревес теперь светлое воспоминание, к которому я обращаюсь наяву. Я помню, я не забыла, но больше нет тоски – изводящей, изнуряющей желанием спрятаться в прошлом. В моем сердце по-прежнему живет любовь к нему, но она теперь другая... спокойная. Само же прошлое минуло и не имеет больше власти над настоящим.

В моей любви так много благодарности Рэ. За то, что он помирил меня со временем – теперь я умею быть полностью в настоящем

момента, и все мои планы касаются исключительно дня сегодняшнего, максимум ближайших выходных. За то, что помог мне поверить, а потом и убедиться в том, что всегда можно начать жизнь заново, сколько бы руин прошлого ни было за спиной.

Мы с Пандой теперь волонтеры в Центре помощи женщинам, больным раком. Две недели в месяц каждая из нас там работает, мы посменно ухаживаем за одинокими больными, не только как нянечки – пытаемся наполнить их надеждой и успокоить их сердца... Это, в общем-то, самое ценное, что мы можем сделать для близких.

В тот день, когда я ехала из Овального города в Желтую деревню, обеспокоенная исчезновением Ревеса, в глубине души мне все-таки было спокойно. В тот миг, когда из окна автобуса я увидела осенние рощи голых персиковых деревьев, я поняла: он ушел, оставив мне все свои силы, до последней капли. Тогда я уже была сильной, но мне нужно было еще, еще больше сил, чтобы продолжить мой путь. Рэ сказал мне однажды: *«Любовь не одолеет течения жизни. Может, из-за того, что любовь и есть жизнь?»*

* * *

Я открываю глаза и вижу доброе весеннее утро. С кухни веет теплым ароматом выпечки. Панда снова печет, хотя мы вроде договорились, что садимся на строгую диету. Ах да, сегодня же воскресенье, последний день свободы перед понедельником – началом режима исключительно здорового питания. По воскресеньям моя верная подруга традиционно печет свою изумительную шарлотку, перед которой просто невозможно устоять. Я улыбаюсь ласковому запаху домашнего пирога с яблоками и прямо в пижаме бегу на кухню. На столе еще теплый пирог. Панда, видимо, вышла в сад. Я не выдерживаю, отрезаю себе кусочек и с набитым ртом высовываюсь в окно. Привет, мир!

Я счастлива. А вы?

Послесловие

Кто может плакать не только о чужих страданиях, но и вообще о страданиях вымышленных, тот, конечно, больше человек, нежели тот, кто плачет тогда только, когда его больно бьют.

*Виссарион
Белинский*

...Мама! и как так случилось, что я — написавший свои знаменитые книги: о смерти, о страхе, о прахе (о пыли), о комплексе жертвы — умудрился все же таки стать... таким невозможно счастливым.

*Дмитрий
Воденников*

Я дописал последнее предложение и уже собирался выключить ноутбук, пойти спать, но напоследок решил проверить электронную почту, хотя срочных писем не ждал. «Одно непрочитанное письмо». От

читательницы по имени Олеся. Открываю: белый лист и всего одна строчка: «Кажется, Вы знаете все о нас, женщинах, а чего не знаете, то чувствуете». Улыбнулся, поблагодарил незнакомку и... задумался.

Мне часто говорят, что я хорошо знаю женщин, что я их понимаю и даже выгораживаю перед мужчинами. Скажу честно: так хорошо о себе не думаю. Женщины слишком многосложны, и каждая совершенно уникальна для того, чтобы их изучить. Но зато у них есть похожие желания. И, наверное, именно эти желания я хорошо изучил, понял и вложил в свои книги. Каким образом? Нет, я далеко не ловелас и даже не претендую на звание легкого в быту, например я забываю закрывать колпачок зубной пасты. Я также не умею элегантно ухаживать.

Так или иначе, я всегда хотел, чтобы меня читали женщины. О них интереснее писать, да не обидится на меня крошечная часть моих читателей-мужчин. Тем более в моем случае, когда женские интересы и желания с детства были естественной средой моего обитания. Я был молчаливым ребенком, не особо общительным и больше любил слушать, чем говорить.

У нас дома, в Баку, всегда собирались женщины – мои многочисленные тетушки, бабушки, кузины. Пока мужья работали, они собирались вместе, занимались приготовлением кулинарных изысков (пекли нежно-сладкую пахлаву или кутабы с весенней зеленью), сплетничали, плакали или хвалились своими золотыми украшениями. Я был маленьким, худеньким, и спрятаться мне было намного легче, чем моему упитанному кузену. Мог часами слушать женщин нашего рода и порою даже засыпал за толстой гардиной, где вечером меня, мирно спящего, обнаруживала мама.

Вот откуда берет начало ветер, который сейчас подталкивает меня вперед, помогает сделать шаг, когда нет сил даже встать на ноги. Вот из чего мы все сотканы – из детства. То, что мы ощущали, слышали, получали тогда, сейчас, во взрослой жизни, увеличивается, расширяется, словно под дедушкиной лупой.

«Если бы ты знал...» – это и есть картинка в лупе, которую я поднес к истории одной рыжей девушки. Я встретился с ней в городе, где нет углов и куда многие приезжают, чтобы познакомиться получше с самим собой.

«Если бы ты знал...» – это история такого горя, которое можно поведать только белоснежным листам дневника. Это история о чувствах, сомнениях, ожиданиях и таких грандиозных страхах, которые чаще всего помогают начать жизнь заново.

Мой редактор, прочитав рукопись, добавила: «Сафарли, эта книга утверждает идеал мужчины – мужчины глазами женщины».

Герой, пусть и самый обычный (это с одной стороны, а с другой – самый невероятный), в «Если бы ты знал...» стал причиной и катализатором изменений жизненной ситуации, тем, кто направляет саму жизнь по совершенно другому пути. Это происходит загадочным, мистическим, непостижимым образом, но это и есть обыкновенное чудо любви. Просто однажды появляется вдруг человек (или не человек?), в чьи руки можно уткнуться лицом и обо всем забыть. А потом просыпаешься утром с окрыляющим чувством доверия. Новой веры.

Да, именно откликнувшись на интерес мужчины, главная героиня книги – Север – смогла избежать опасностей и преодолеть препятствия, о которые так легко было разбиться. Но и она помогла ему вернуться к жизни – ведь он тоже пришел к ней с фантомными болями прошлого. Любое взаимодействие всегда обогащает взаимно. В этом мудрость и истина нашего существования.

Эта книга закончилась так же внезапно, как и началась. Для меня это случилось неожиданно. И вот теперь я хочу сказать вам несколько слов о том, что она значила для меня и чему научила.

Жизнь испытывает веру человека. Как это происходит? Вот ты живешь, думая, что контролируешь свои обстоятельства, а потом случается что-то, с чем ты в одиночку не можешь справиться. И даже с помощью своих друзей и близких – ты ничего не можешь сделать с болью, которая в тебе возникла. Она доводит до отчаяния, кажется, она вообще бесконечна, и тебе мучительно страшно, хочется зажмуриться и не думать о ней. И самое главное – ты даже не знаешь, насколько это фатально: убьет ли это тебя или сделает сильнее... В этом интрига жизни. Ты не знаешь, какие карты тебе выпали, но ты должен продолжать играть.

И самое важное – настрой, с которым ты, оправившись от первого шока, возвращаешься в игру. Ты переживаешь, ты вообще ни в чем не уверен, чужие карты всегда кажутся лучше... Как у классика: все

счастливые счастливы одинаково, каждый несчастный несчастен по-своему. Самое важное в этой игре – твой настрой. Возьмешься исправлять свои обстоятельства в неприятном расположении духа – безусловно проиграешь. Иначе говоря, все обстоятельства временны и ты не должен дать себя обмануть. Что имеет значение, так это то настроение, в котором ты пребываешь.

Я уверен, что каждому из нас выпадают испытания. И абсолютно каждому предоставляется шанс выйти на новый уровень, открывается новая возможность, новая дверь. Что за ней – неизвестно. Но как ни странно, исход зависит от самого процесса. От того, как мы подготовим себя внутренне, стоя перед этой дверью, и как мы в нее войдем.

Этот процесс очень важен для меня. И вот так появилась книга об испытании веры. О Ней, о Нем, о Городе. И конечно, обо мне, как и любая книга, которую мне довелось прожить. Я просто говорю то, что должен сказать, и пусть каждый читатель вынесет из этой истории что-то свое.

Она

Север внешне замкнутый и холодный человек. Про таких говорят: трезво мыслит. Она умеет любить, но ирония ее жизни в том, что ей как будто было некого любить, некому отдать весь этот громадный запас любви, который есть в ее сердце. У нее мало что сложилось, единственное светлое чувство вызывает бабушка. Ее дом подарил Север единственное тепло, которое она знала. Ни мать, ни отец не смогли научить ее взрослеть, они и сами избегали жизни как умели.

Так, прожив довольно безрадостно отведенное ей количество лет, Север узнает, что дни ее сочтены. И вдруг в конце жизни ей открывается дверь... Сама она считает этот поворот своим осознанным выбором, но я называю это судьбой. Ей дается шанс. Она может преобразить свою жизнь и саму себя, если воспользуется этим шансом.

Очень важно было, как она пройдет этот путь. Без лукавства могу сказать, что любой шаг моей героини был для меня одинаково непредсказуем. Я наблюдал за ней с тем же вниманием, с каким наблюдаю за едва знакомыми людьми – когда трудно делать прогнозы их поведения. Итог книги показывает, что она справилась достойно.

Да, она не безупречна. В жизни не бывает так, чтобы достойной была каждая минута. Не может человек, природа которого – ошибаться, обойтись без периодов отчаяния, упадка, безверия. Сложные разговоры, которые Север ведет с самой собой, – это и есть процесс жизни. Иначе бывает только в красивых книжках.

Север – пример того, что настоящая любовь исходит совершенно не из личностных качеств, а из какого-то неведомого источника, общего для всех людей. Что такое бескорыстная любовь? В быту ее трудно себе представить. Кто-то из вас непременно скажет, что такие чувства – удел слабых, ущербных людей; что любовь совсем не любовь, если не получаешь ответных чувств, и – желательно – сопоставимых по масштабу. Баш на баш.

А кто-то другой скажет, что уже не первый год любит... так, без каких-либо ожиданий. Я – один из этих других, кстати. Но сейчас речь не об этом.

Я говорю только о том, в чем источник и сила бескорыстной любви. Такой любви, которая может просто случиться и перевернуть все прежние представления. И если она не получает ответа, ты просто носишь ее в каждой клетке своего тела, как вирус или как генетическую информацию. Ты ею инфицирован и теперь просто ждешь, когда она породит что-нибудь благородное. Светлое, доброе воспоминание, к примеру. Потому что не такова природа любви, чтобы разрушать и убивать.

Север умела вот так раскрываться со времени своей самой первой любви. Еще до переезда в Овальный город, еще до того, как узнала о болезни. Но если раньше обстоятельства жизни, традиционные взгляды, окружение и обстановка не позволяли ей обнаружить свою природу в полной мере, то те чувства, с которыми она столкнулась в Овальном городе, сделали ее открытой миру, людям, радости. Вернули ее к жизни, возродили и даже исцелили.

Писатель, который многое знал о путешествиях, Джером К. Джером сказал так: «Бесцельный путь – длинный ли, короткий ли, – определяемый только известным периодом времени, после которого мы должны вернуться туда, откуда вышли. Иногда этот путь лежит по шумным улицам, иногда по полям и мирным дорожкам; иногда нам дается на него несколько часов, а иногда – долгое время; но где бы он ни пролегал и сколько бы ни продолжался – наша мысль вьется по нему, как струйки сыпучего песка. Мимоходом мы улыбаемся и киваем головой своим спутникам, возле некоторых останавливаемся поговорить, с другими – проходим вместе несколько шагов. Встречаем много привлекательного по пути, хотя часто устаем немного. Но в общем, путь пройден с интересом, и нам становится жаль, когда все кончено!»

Каким бы ни был путь, важны его начало и конец. Важно отважиться на путешествие, а дальше имеют значение только те внутренние преобразования, которые оно принесет. Север приезжает в чужую, далекую, неизвестную страну. В не самых приятных обстоятельствах она знакомится с мужчиной, ее спасителем. Ее соседом.

Он

Его тоже зовут Север, но наоборот. Ревес. Чтобы глубже понять себя, она ведет дневник, он – пишет книги. Он – ее отражение, где левое становится правым, а правое левым. В тех областях жизни, где она активна, он пассивен, где она действует, он говорит. Возможно, это как раз идеальный случай для влюбленных, притяжение двух мифических половинок – во всяком случае, так думает Север. И вот теперь, когда ее обстоятельства меняются, меняется она сама – и выпускает в свою жизнь другой сценарий. Говоря бытовым языком, происходит нечто необъяснимое, чудо.

Здесь мне придется поднять очень серьезный вопрос, требующий большой внутренней работы: зачем вообще происходят чудеса? Мы живем в этом мире, думаем, что уже разобрались с его законами, – вот есть физика, химия, география, астрономия... И вдруг этот закон, который кажется незыблемым, нарушается и показывает нам, что есть что-то большее, более могущественное, чем физика и химия. Думаю, это воля человека.

Как известно, любовь исцеляет – но она же может приводить к трагическому исходу. Одному износить ее в себе трудно: не имея возможности каждодневно отдавать этот внутренний свет, можно нажать себе своеобразную внутреннюю опухоль. И это будет опухоль, обратная самой природе любви, как говорят медики – злокачественная. Я называю это «эффектом пчелы», которая жалит от страха. Пчела не создана для того, чтобы жалить, – у нее есть другая, прекрасная миссия. И точно так же любовь не должна застаиваться и перерождаться, она должна отдаваться.

Когда Север понимает, что этот мужчина существовал только в ее воображении, она совершает неожиданное. Она возвращается в реальность без гнева и обид. Кто из нас способен на такой поступок? Думаю, сейчас не время лукавить. Тот, кто сможет в решающий момент выдержать этот экзамен, по-настоящему хорошо к нему подготовлен: он знаком с истинной любовью. Такое не сыграешь.

Ревес должен был появиться в ее жизни. Не для того, чтобы сделать ее счастливой. Скорее для того, чтобы она снова поверила в себя, в то, что она уже обладает всем необходимым для счастья. Как и

каждый из нас, независимо от обстоятельств. Контакт с этой собственной искрой счастья одним дается легко, от других же требует огромной работы. Печальные события, произошедшие с Север, заставили ее забросить веру в счастье на темный чердак как нечто ненужное, переставшее иметь ценность. И это роковая ошибка.

Она собрала вещи и уехала на другой конец света готовиться к смерти. Она и подумать не могла, что в действительности едет в город, где получит исцеление. Не только от физических недугов, но и от душевных. Самый болезненный из них «вирус прошлого» – зависимость от того, что было, и изводящее столкновение того, что было, с тем, что есть.

Не важно, каким Ревес пришел к ней. Не так важно, кто он, каковы его личностные качества. Он всего лишь зеркало ее внутренних перемен... Главное, что он был и через сам факт своего присутствия вернул ее к жизни. Не только события помогают подняться к свету. Намного важнее намерение, желание это сделать. У Север хватило силы духа, чтобы следовать зову сердца, и, надо сказать, этим ее качеством я сам восхищаюсь.

Почему в романе Ревес оказывается ненастоящим для всех, кроме нее? Какая-то неведомая сила начала вымарывать его образ со страниц, удалять, изолировать его из жизни моей героини, и я понял, почему это происходило, только когда закончил книгу. Это урок жизни – важнее всего слушать сердце, особенно когда все вокруг говорит тебе прямо противоположное.

В сущности, любая любовная история открывает нам глаза на самих себя, истинных. И хотя все любовные истории человечества очень похожи между собой, каждая из них абсолютно и неподражаемо уникальна. Никто никогда не сможет понять наши чувства, привязанности и болевые точки так, как ощущаем их мы сами. Никто никогда не убедит нас, что это всего лишь эмоции, которые, будучи просеянными через сито времени, не оставят и следа. Потому что, дорогой мой читатель, это ложь. Любое переживание, даже давнее и позабытое, уже изменило нас, наш путь и итог, к которому мы в конце концов придем.

Таким образом, выходит, что любовь вообще никогда не бывает разделенной до конца – мы ко всему приходим сами по себе, и к плохому, и к хорошему. И если в конечном счете испытываем

сожаление, значит, мы не до конца слушали свое нутро – видимо, нам указал неверную дорогу случайный прохожий, а мы его послушались и решили свернуть с пути, который подсказывало сердце.

Ревес – не просто объект любви, да и объект из него так себе. Это совсем не самое важное, что про него можно сказать. На нем история не должна замкнуться, наоборот – с него она должна начаться. Он – канал, по которому начинает струиться поток любви и принятия героини. Мудрецы Востока утверждают, что Бог принимает любую форму, которой человек поклоняется. Так же и Любовь не различает, не упорствует – она принимает ту форму, к которой мы стремимся. Для женщины – мужчина. Что ж, это естественный порядок вещей.

Чему научил ее Ревес-Погода? Тому, что надо идти дальше – вопреки и наперекор всему. Что нет такого горя, которое невозможно пережить, упрямо и сурово. Что женщины намного сильнее мужчин именно тем, что способны жертвовать и отдавать, порою получая взамен самую малость.

Город

Возможно, оттого, что мы редко слушаем свой внутренний голос, с нами происходит так мало чудес. Всякая перемена свершается сначала в уме, а затем только в реальности, и значит, каждой перемене нужно свое подготовленное пространство.

Почему именно город? Наверное, дело в том, что я люблю города за их атмосферу. У каждого свой характер. Люди, населяющие города, сближаются, становятся как бы одной большой семьей, и даже в разговоре у них проскальзывает: «У нас это делают так», «В нашем городе принято по-другому». География городских сообществ обширна, и каждое из них неумовимо меняет своих обитателей. Поэтому житель Чикаго отличается от жителя Цюриха как небо и земля, пока они оценивают друг друга по шкале своих социальных ценностей. Поэтому к городам надо привыкать. Город важнее каждого конкретного человека, своего обитателя, и за это требует к себе уважения.

Я думаю, что Овальный город – метафора той внутренней среды, которая позволяет человеку услышать самого себя. Место встречи с собой. Иногда это место выглядит чужим, необжитым, полным незнакомых голосов, неразборчивой речи, и тем не менее нам следует взглянуть в него пристальнее. Даже очевидная опасность, которой подвергается здесь наше привычное самоощущение, собирается обернуться возможностью удивительной трансформации. Нужно только позволить событиям случаться, а это легче сделать в непривычной среде.

Мы редко осознаем тот факт, насколько наше поведение, наши реакции зависят от внешних обстоятельств. Что было бы с Север, если бы она оказалась в другом месте? Встретила бы других людей, поселилась в другой квартире? История ее жизни была бы, вероятно, совсем другой, а перед вами лежала бы сейчас совсем другая книга. Тогда почему все случилось так, как случилось? Не знаю. Одно могу сказать точно – в этом нет никакой моей заслуги.

Я никак не влияю на историю, которую рассказываю, и даже если захотел бы, не смог бы придумать лучшего и более естественного

исхода. Возможно, все дело в том, что моя героиня выбрала себе местом назначения именно этот город без углов.

Не знаю, как это звучит для вас – Овальный город, но я именно так представляю себе пространство, в котором моей героине уютно и легко слушать сердце. Наивно ли это название? Возможно, но правда в том, что оно точно, как никакое другое.

Кроме того, Овальный город – «свободная зона», где можно разобраться с воспоминаниями, переосмыслить их, разложить по полкам и принять как важную составляющую жизни. Как опыт. Что такое свободная зона для меня? Место, которое освобождает от любого осуждения и неудовольствия. Здесь не обкладывают твои решения никакими пошлинами, не требуют подстраиваться под какие-либо законы. Здесь ты свободен сам регулировать свою жизнь.

Это как в детстве: ты волен принести в гостиную мешок со своими игрушками, рассыпать их по полу и разглядывать каждую, не думая о том, что скоро вечер, мама возвращается с работы и все надо быстро прибрать, чтобы она не разозлилась. Север рассыпала по земле Овального города то, что так болело в ней, то, что оттягивало назад и мешало идти. И вот она познакомилась с каждой своей игрушкой, ощупала ее и положила обратно в мешок – теперь я все поняла, теперь я точно знаю, что мне принадлежит.

Предвижу вопрос, откуда взялся Овальный город, где искать его прототип. Думаю, место, которое я описываю, было или будет еще у каждого. Но одно могу сказать о своем Овальном городе: по большей части он списан с Апшерона, полуострова в Азербайджане, который омывается Каспием. Там нет лесов, там земля пророков, там по ночам морская влажность делает воздух густым и тяжелым, там наливаются медовым соком поспевающий инжир... Там свободная зона для многих. Я там вырос и исцелился.

В некоторых случаях бежать от привычной реальности бывает полезно – если найдешь свое место на земле. Тогда город становится твоим союзником. Он отвечает на многие вопросы самой своей географией – улочками, кварталами, скверами. Так и происходит в «Если бы ты знал...» с Север, когда каждое утро она в счастливом одиночестве гуляет по городу, наблюдает за его жизнью, прислонившись к теплым стенам домов. Так можно стать зрителем

кино, снятого на незнакомом языке, но удивительно захватывающего своим сюжетом.

Ведь язык одиночества, любви и веры универсален, понятен каждому на планете.

Я

Повседневные или пусть даже из ряда вон выходящие события – то, что происходит вовне, совсем не обязательно оказывает на нас такое уж глубокое влияние. В то время как события внутренней жизни, реальности, быть может, более истинной, чем та, которую мы привычно называем «объективной», по-настоящему определяют нашу судьбу.

Ведь можно наполниться радостью от одного только воспоминания или предвкушения. Значит, у нас существует невидимый внутренний орган чувств? Его работа интересует меня в первую очередь. Мы многое слышали о том, что внутренние бури и неуспокоенность могут найти выражение во внешнем, вызывая проблемы в быту и общении, провоцируя болезни и ограничивая возможности исцеления. И даже начинаем догадываться о том, что умение находить гармонию и равновесие внутри себя, вызывать состояние безмятежной радости становится фундаментом для проявления различных чудес, которые происходят с человеком повсеместно.

А чудеса не бывают хорошими и плохими – они потому и чудеса, что нарушают законы реальности, которую мы привыкли считать единственной, хорошо знакомой. Следовать за природой чудес – все равно что выйти в открытый космос: это неизведанная территория, никогда не знаешь, что с тобой произойдет в следующий момент. Но игнорировать чудеса – значит обречь себя на серую и унылую жизнь, которая развивается по заранее прописанному сценарию без единой импровизации. Разве это жизнь, достойная человека?

Я глубоко уверен в том, что человек может все. Но знает ли он сам об этом, вот вопрос. Боюсь, что очень многие живут жизнь скучную, полную рутины, и даже не догадываются о необъятных силах, которые теснятся в их груди. Как разбудить эти силы?

По-настоящему решающим становится умение войти в контакт со своей сутью, самой сердцевиной своих ощущений. Я не возьмусь утверждать, что этот путь легкий, даже наоборот – я уверен: на нем встречаются различные испытания и загадки, от решения которых зависит вся жизнь, ее направление и ценность. Я сам еще только

начинаю идти по этому пути – но я рад, что иду по нему, а не блуждаю по бездорожью.

А еще я хочу научиться придумывать истории, а не проживать их. Стать простым рассказчиком. Мне хочется садиться за новую книгу с радостным предвкушением нового приключения, а не от удушающей тоски по чему-то или кому-то. Я хотел бы избежать болезненной откровенности, с которой должен писать, но иначе – не получается. Написать, рассказать, поделиться и освободиться. Может, это просто иллюзия освобождения?..

На Востоке говорят, что раны не заживают – они умирают вместе с нами. Наверное, так и есть. Я пытаюсь освободиться от своего второго имени – Погода. Даже попытался его физически убить в прошлой книге. Но он до сих пор во мне. Я до сих пор Погода. В начале работы над «Если бы ты знал...» я пытался не показывать этого, замаскировать под ливанским именем, но ближе к середине правда вырвалась из меня и снова стала частью того, что пишу.

Когда пишу, я счастлив. Это такое абсолютное счастье, в чистом виде, которое не отвернется и не ускачет к другому. Оно все мое, от и до, и зависит только от меня, а не от чего-то извне, что может уйти в любой момент. Ведь такое часто бывает – только привыкнешь к хорошему, а оно вдруг заканчивается. Вот тогда и думаешь: «Может, вообще не стоило начинать?» Привыкнуть к хорошему легко, а отвыкать – трудно.

Творчество никогда не предаст. Если ты, конечно, сам от него не отвернешься. А если отвернулся, забыл – значит, это не было твоей природой. От своего дела жизни невозможно отказаться, потому что оно – это и есть ты. Недавно меня спросила одна журналистка: «Почему ты все рассказываешь книгам? Может, будет лучше, если ты поделишься с друзьями, чем с незнакомыми людьми – читателями?» И я задумался, будет ли лучше.

Книги не задают вопросов. А еще книга более преданная, постоянная. Я могу встретиться с другом и, конечно же, рассказать ему о пережитом: «Знаешь, так случилось, мы расстались...» И этот человек напротив тоже расскажет о своих потерях. Мы поговорим один вечер и разойдемся по своим углам. И речь на этом будет завершена во времени. Но ведь разлука, потеря разъедают каждый день, и лечение требуется тоже каждый день. И вот книга – триста

тысяч букв того, что ты хочешь сказать. И она будет рассказывать историю каждому, кто захочет ее слушать. И даже более того – будет выслушивать чужие истории, как-то взаимодействовать с ними, возможно, давать советы... Я не смогу, а моя книга сможет. Меня это таинство завораживает.

Героиня моей последней книги явилась мне поначалу потерянной, замученной обстоятельствами, больной и самое главное – с тяжелым сердцем. В этом источник всех наших бед. Мне было трудно проживать вместе с ней месяцы и месяцы испытаний, «мыкать горе», как говорили наши предки, – и даже сама форма слова передает отчаянную бессмысленность этого занятия. Но постепенно ее сердце начало открываться для перемен – мало-помалу, день за днем, и вместе с ней я испытывал сначала облегчение, потом пробуждение надежды, потом уверенность в возможности другого исхода, кроме того, который диктовался логикой ее жизни с самого начала...

Я привык видеть ее своим мысленным взором каждый день. И был поражен, когда однажды увидел полностью обновленной. От нее исходила энергия умиротворения и принятия. Так я понял, что теперь она исцелена.

В истории, которая с Север (и со мной, таким образом, тоже) произошла, самое важное – это внутренняя трансформация. Обстоятельства, которые этому способствовали, оказались чудесными, но это чудеса вспомогательные, служащие самому главному чуду. Демонстрации могущества человека, который меняет свою судьбу. То, чего по-настоящему хочешь, непременно получишь. Важно только одно – насколько сильным является желание.

Время – это способ, которым Вселенная проверяет наши желания на истинность. Наверное, поэтому мы почти никогда не получаем все сразу.

Так вот...

Я хочу, чтобы мы с вами умели говорить «спасибо» тому, что осталось за спиной. Пусть это было неприятно и болезненно. Но оно непременно научило нас чему-то важному. Чему и кому я говорю «спасибо»? Не только своей маме и читателям. Сегодня я ехал по линии ночного моря, смотрел на промокший безлюдный город – и меня переполняла благодарность. На устах было искреннее «спасибо»,

которое говоришь не из-за того, что нужно, а в честном порыве души. Кого я благодарил?

Людей, которые уже не со мной. Людей, которые отказывались от меня, закрывали передо мной двери, наносили удары в спину и просто... не верили. Мне легче простить предательство друга, чем отсутствие в нем веры в меня. Веры не в популярность и богатство – это все относительно. Куда важнее вера в то, что я смогу (не важно, что именно – похудеть, вернуться, начать). Они говорили, и некоторые даже до сих пор говорят, что я НЕ смогу. А я смог. И непременно смогу еще. Спасибо им.

Я хочу, чтобы мы с вами старались сделать нашу жизнь счастливее, и чтобы у нас это получалось. Лично я стараюсь. Каково мое счастье? Оно может быть совсем не похоже на ваше. Или похоже. Мое счастье – это пешая прогулка по набережной, где чайки, море и мокрый песок под ногами. Дышится так легко! И все, что отягощает, – выветривается из головы. Потом сяду на камень, закурю. Смакую сигарету, потому что она так к месту, и одновременно ругаю себя за то, что курю на таком чистом воздухе. Меня делают счастливым полные столы, которые я встречаю в чужих семьях, – значит, в доме есть хлеб. Делает счастливым все белое: белые стены, белая мебель, белый свет с неба. Очень люблю красивых людей, не шаблонно красивых, а с горящими глазами, полных жизни, с ямочками на щеках или подбородке.

А еще мое счастье – это умение быть в мире с любым своим состоянием. Смеешься – смейся, и будь благодарен жизни за этот смех. Плачешь – значит, так должно быть: это чему-то научит. Да, в жизни много того, что огорчает и удручает. Оставаться в мире с самим собой вопреки всему этому – настоящий вызов. Но и единственное, что по-настоящему стоит делать. А уж вдохновлять на свершения всех остальных – настоящий промысел сверхчеловека.

Люди, которые стремятся к улучшениям – строят дома, сажают деревья, улыбаются ближним, делятся, обнимают друг друга, – мне кажутся героями. Их стоило бы награждать медалями за отвагу быть счастливыми, как награждают героев боевых действий. Медалью за противостояние серости, безразличию.

Я желаю вам – и себе – всегда находиться в рядах таких людей. Не будем ждать от жизни чудес – станем волшебниками сами!

P.S.

...я хочу позвонить тебе и сказать: «Родная, я написал о тебе, о нас». Я хочу услышать твою улыбку на том конце провода, потом спросить твой новый адрес, чтобы послать курьером книгу, когда она выйдет. Или для того, чтобы поехать в твой город, постоять под твоим окном, посмотреть, как гаснет в нем свет, и уйти с неугасающими чувствами внутри? Не знаю. В любом случае, я... не позвоню тебе. Потому что не хочу возвращать тебя обратно в нашу историю, которая была и закончилась. Закончилась для «нас», но не для тебя и не для меня по отдельности. Ладно, не буду говорить за тебя. Скажу за себя – я все еще прихожу на ту самую эстакаду на набережной, куда ты, а потом и мы часто приходили.

Сейчас я прихожу один. Без тебя и как бы за тебя. Море спрашивает: «Почему она больше не приходит сюда?» Я не знаю, что ответить, но потом озвучиваю свое предположение: «Море, она приходит, но с другой стороны, на другое место.

Присмотрись хорошенько, и ты ее увидишь». Пока я писал эту книгу, я каждый день приходил «без тебя и за тебя», мы с морем тосковали по тебе, оба безмолвно, под ночным ветром, на глазах у дождей, ветров, морозов. Потом я уходил домой, садился за буквы и возвращался в нашу историю, которую написал от твоего имени.

Почему от твоего имени? Потому что хотел верить в то, что ты именно так все чувствовала, именно так меня любила. Что именно так я смог помочь тебе. Последнее самое важное. Я так хочу верить в то, что я смог тебе что-то дать. Тепло, поддержку, понимание. Ты меня назвала Погодой. И я хочу верить, что моя погода была для тебя... солнечной. Это не желание оправдать какие-то ошибки и показать читателю: мол, смотрите, какой я сердечный и недооцененный тобой. Нет. Я просто... ждал тебя до самой последней главы. Твоего возвращения. Ты не вернулась, и теперь, дописав нашу историю, я могу сказать, что отпустил «нас».

Я больше не буду приходить на эту эстакаду, я больше не буду подолгу смотреть на твою фотографию в газете, где ты с Пандой получаешь награду за плодотворную работу вашего Фонда помощи женщинам, больным раком. Я больше не буду писать о тебе – теперь я и ты тогдашние навсегда останемся в этой книге.

Если меня кто-то из друзей спросит, о тебе ли она, я совру и скажу, что это история придуманная, хотя они вряд ли поверят. Если меня спросят на очередной встрече с читателями, вымышлена ли героиня «Если бы ты знал...», я опять-таки совру и скажу: «Да». Ради того чтобы отпустить тебя, я готов соврать своему читателю.

Завтра я отправлю рукопись в издательство, через пару месяцев она станет книгой, через еще пару она будет в руках незнакомых нам людей. С каждым из этих этапов моя любовь внутри будет перерождаться в нечто более спокойное и в конце концов станет светлой тишиной. Я отпущу нас, тебя. Я полюблю снова. Не так, как тебя. Иначе. У меня родится дочь. Я напишу еще много книг, получу за них премии.

Но если я когда-нибудь встречу тебя, я непременно отведу глаза, чтобы ты не прочитала в них одно: «Все эти книги на самом деле о тебе».

Береги себя.

notes

Примечания

1

«Плачет Сариа» (*исп.*).

2

«Между прочим» (*лат.*).

3

«Привет, девушка!» (*итал.*).

Table of Contents

Эльчин Сафарли Если бы ты знал...

Часть I

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

Часть II

1
2
3
4
5

6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

Часть III

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

17

Эпилог

Послесловие

Она

Он

Город

Я

Примечания

1

2

3